

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Международная
научно-практическая конференция
(Минск, 27 мая 2021 г.)

Тезисы докладов

Минск
Академия МВД
2021

УДК 343.985
ББК 67.52
С56

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент *Р.В. Скачек* (ответственный редактор);
кандидат юридических наук, доцент *Т.Л. Щерба* (ответственный редактор);
кандидат юридических наук, доцент *Ю.М. Юбка*;
кандидат юридических наук, доцент *Н.А. Суховенко*;
кандидат юридических наук *И.А. Горвая* (ответственный секретарь);
Д.Г. Вильмак

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Приветствую вас от имени Следственного комитета Республики Беларусь и от себя лично на Международной научно-практической конференции «Современные проблемы организации расследования преступлений».

Тематика проводимого форума является актуальной, поскольку всегда востребованными являются умение определять и конкретизировать обстоятельства, подлежащие доказыванию, понимание особенностей механизма совершения преступления и грамотное планирование расследования. Данные факторы в совокупности со знаниями уголовного процесса и возможностями современных технико-криминалистических средств создают условия для качественного проведения следственных и иных процессуальных действий.

Значительное место в организации расследования преступлений занимает осуществление ведомственного процессуального контроля, который направлен на обеспечение законности, своевременность выполняемых следственных действий и обоснованность принимаемых процессуальных решений.

В целях эффективного выполнения задач уголовного процесса нельзя оставлять без внимания конструктивное взаимодействие всех заинтересованных ведомств. При этом общей целью работы правоприменителей должны быть обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, а также оптимизация процесса расследования, повышение оперативности и качества следствия, экономия материальных средств.

Таким образом, организация досудебного производства по материалам и уголовным делам во многом зависит от знаний уголовно-процессуальных, криминалистических и управленческих аспектов расследования преступлений, которые, в свою очередь, требуют консолидации усилий науки и практики.

В этой связи отрадно отметить, что силовые структуры и научное сообщество встретились на указанной площадке для обмена опытом, выработки совместных решений проблем организационного, правового и технического характера в расследовании преступлений.

При этом международный характер научно-практической конференции позволяет надеяться на совместную с иностранными коллегами ра-

боту по поиску актуальных форм и методов организации расследования преступлений.

Уверен, что эти и иные вопросы станут предметом обсуждения в рамках настоящей конференции. Только диалог, построенный на сочетании глубоких научных знаний и практического опыта, позволит предложить новые подходы к решению актуальных проблем досудебного уголовного производства.

Желаю всем участникам плодотворной работы, интересных предложений и содержательных дискуссий!

С.Я. Аземша, заместитель Председателя
Следственного комитета Республики Беларусь
генерал-майор юстиции

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.131.5

Р.Р. Валиулин, К.А. Злотникова

ИСЧИСЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Права и обязанности участников уголовного судопроизводства регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) [1]. Четкое соблюдение положений, указанных в законе, является гарантией обеспечения законности и правопорядка на всех стадиях уголовного процесса. Именно поэтому наличие коллизий в законодательстве недопустимо, так как это влечет за собой нарушение прав перечисленных в законе субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

Право на получение квалифицированной юридической помощи является одним из конституционных прав и гарантируется каждому. При этом участие защитника обеспечивается следователем по просьбе подозреваемого, либо самим подозреваемым в случае, если им уже был приглашен защитник. В связи с этим на практике встречаются ситуации, когда подозреваемый желает реализовать данное право с помощью защитника, приглашенного им и никак иначе. На этот случай уголовно-процессуальным законодательством отведен срок на явку защитника, приглашенного подозреваемым, задержанным на основании ст. 91 УПК РФ в течение 24 часов.

Вместе с тем законодательно отведен срок, в течение которого с момента фактического задержания подозреваемый, задержанный в соответствии со ст. 91 УПК РФ, должен быть допрошен. Данный срок также составляет 24 часа. Важно отметить, что институт задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном праве является весьма обсуждаемым. Так, ранее в своей работе И.В. Маслов указал, что «правовая регламентация отдельных процессуальных институтов до сих пор нуждается не просто в улучшении, а в кардинальном совершенствовании» [3, с. 90–94].

Исходя из этого, указать на то, что защитник, приглашенный подозреваемым, не явился в течение 24 часов, следовательно может только по истечении 24 часов и ни минутой ранее. Поэтому допросить подозре-

ваемого, задержанного на основании ст. 91 УПК РФ, не нарушая при этом ч. 2 ст. 46 УПК РФ, представится возможным только по истечении указанного выше срока.

Таким образом, следователь, дознаватель, обеспечивая право подозреваемого на защиту, не может своевременно провести допрос подозреваемого, задержанного в соответствии со ст. 91 УПК РФ.

Необходимо отметить, что наличие противоречащих друг другу норм УПК РФ, в частности, обуславливает появление противодействия предварительному расследованию со стороны защиты. Так, В.Н. Карагодин в своей работе приходит к выводу о том, что «противодействие предварительному расследованию – это умышленные действия (система действий и бездействия), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу и достижению других задач предварительного расследования» [2, л. 24]. Таким образом, подозреваемый, зная, что он должен быть допрошен в течение 24 часов с момента фактического задержания, может противодействовать следствию, ссылаясь на ч. 4 ст. 50 УПК РФ, на основании которой он имеет право на получение квалифицированной юридической помощи в лице защитника, которого он пригласил.

Проанализировав положения УПК РФ, мы обнаружили коллизии, которые обуславливают нарушение прав участников уголовного судопроизводства, а также являются основанием одной из форм противодействия расследованию. В связи с этим необходимо устранить указанные выше противоречия.

Для решения данной проблемы подлежит изменению ч. 2 ст. 46 УПК РФ либо ч. 4 ст. 50 УПК РФ в части, касающейся срока, в течение которого должны быть осуществлены определенные действия. Так, предлагаем увеличить срок, указанный в ч. 2 ст. 46 УПК РФ, на 9 часов, потому как допрос может длиться до 8 часов, с обязательным перерывом на отдых и прием пищи не менее чем на 1 час. Исходя из этого, названная норма с учетом редактирования будет выглядеть следующим образом: «подозреваемый, задержанный в порядке, установленном статьей 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, должен быть допрошен не позднее 33 часов с момента его фактического задержания». Как альтернативный вариант предлагается уменьшить срок, указанный в ч. 4 ст. 50 УПК РФ, на 9 часов: «если в течение 15 часов с момента задержания подозреваемого явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов».

Указанные выше изменения позволят устранить противоречия в УПК РФ, что будет способствовать предотвращению противодействия предварительному расследованию уголовного дела со стороны защиты, так как фактически описанные ситуации могут возникать из-за несовершенства законодательства.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2021).
2. Карагодин, В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / В.Н. Карагодин. – Екатеринбург, 1992. – С. 24.
3. Маслов, И.В. Проблемы применения законодательства о задержании подозреваемого / И.В. Маслов // Уголов. процесс. – 2012. – № 1. – С. 90–94.

УДК 343.13

А.А. Воронько

СЕТЕВОЙ РЕСУРС КАК ОБЪЕКТ ОСМОТРА

Одним из наиболее распространенных следственных действий при производстве по материалам и уголовным делам является осмотр. Полученная в ходе осмотра информация представляет не только доказательственное значение, но также является ориентиром для выдвижения следственных версий, планирования расследования, выбора форм следственных действий и их последовательности.

В результате анализа требований Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) представляется возможным выделить следующие виды осмотра: места происшествия, трупа, местности, помещения, жилища, иного законного владения, предметов, документов, освидетельствование (осмотр живого человека) [1, ст. 203, 206]. В литературных источниках к данным видам относят осмотр животных и транспортных средств [2, с. 577; 3, с. 116]. Критерием указанной классификации является объект осмотра – место нахождения либо хранения криминалистически значимой информации.

Активное внедрение в повседневную жизнь передовых информационных технологий создало возможность для хранения необходимых данных не только на физических машинных носителях информации, но и на сетевом ресурсе, который представляет собой устройство или часть

информации, удаленный доступ к которым может быть осуществлен с другого устройства через локальную компьютерную сеть или посредством глобальной компьютерной сети Интернет.

Специфика осмотра сетевого ресурса сводится к необходимости отражения в протоколе, например, информации о провайдере, посредством которого осуществлялся доступ в сеть Интернет; пути прохождения запроса до интересующего сервера и выяснения данных о промежуточных устройствах, которые участвуют в пересылке данных на сервер и обратно.

Несмотря на особый объект осмотра (сетевой ресурс), отличающийся от иных, предусмотренных УПК, его исследование как отдельного вида следственного действия, в УПК до сих пор не предусмотрен.

Согласно результатам анкетирования 490 сотрудников Следственного комитета, на сегодня компьютерная информация, размещенная на сетевом ресурсе, в 89 % случаев исследуется в рамках осмотра предметов, когда такое исследование не является частью осмотра места происшествия.

С 14 апреля 2021 г. проведение осмотра компьютерной информации стало возможным [4, ст. 4]. Однако данное новшество УПК позволяет осматривать цифровую информацию, хранящуюся только на материальном носителе. При исследовании сетевого ресурса именно он, а не физический носитель информации, является объектом осмотра.

Учитывая изложенное, в целях повышения эффективности досудебного уголовного производства, внедрения в практику достижений науки и техники, прогрессивных форм и методов организации предварительного следствия предлагается дополнить УПК ст. 204¹ следующего содержания:

«Статья 204¹. Осмотр сетевого ресурса

1. Осмотр сетевого ресурса осуществляется на месте производства следственного действия.

2. Осмотр сетевого ресурса, доступ к которому осуществляется только после ввода логина, пароля или иных средств защиты, проводится с письменного согласия пользователя либо по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя. Если имеется риск, что информация на сетевом ресурсе будет изменена или удалена, а равно, если она имеет существенное значение для проведения следственных и иных процессуальных действий и осмотр не терпит отлагательства, то он может быть проведен по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре.

3. В ходе осмотра сетевого ресурса следователем, органом дознания могут производиться действия, предусмотренные функционалом сетевого ресурса.

4. В протоколе осмотра сетевого ресурса должны быть указаны программное обеспечение и описан порядок осуществления доступа к сетевому ресурсу и получения с него информации, сетевой адрес ресурса и страниц, к которым осуществляется доступ, произведенные в ходе осмотра действия и результаты реакции на них программного обеспечения и иных пользователей.

5. В необходимых случаях в ходе осмотра сетевого ресурса осуществляется видеозапись с монитора, изготовление изображений страниц сетевого ресурса и их печатных копий, запись на электронные носители полученных файлов, их визуальных копий и исходного кода.

О проведении осмотра составляется протокол с соблюдением требований статей 193 и 194 настоящего Кодекса.»

В качестве примечания к данной статье может быть изложено вышеуказанное определение сетевого ресурса.

Данная позиция автора согласуется с мнением большинства из 490 опрошенных сотрудников Следственного комитета, которые полагают необходимым предусмотреть в УПК порядок проведения осмотра информации, размещенной на сетевом ресурсе, как отдельного вида следственного действия.

Таким образом, в условиях информатизации общества особое внимание следует уделить рассмотрению недостаточно урегулированного УПК вопроса оформления протоколов осмотра сетевых ресурсов, в том числе страниц в глобальной компьютерной сети Интернет. Необходимость их осмотра возникает в связи с расследованием целого ряда преступлений, в том числе против собственности, против общественной безопасности, уголовно наказуемых деяний против здоровья населения и др.

Указанные предложения по усовершенствованию уголовно-процессуального законодательства позволят повысить качество составляемых процессуальных документов, исключить проблемные вопросы, возникающие при оформлении протоколов следственных действий, и устранить имеющуюся практику применения аналогии закона при проведении следственных действий и составлении процессуальных документов.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь

от 06.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 928 с.

3. Андреев, И.С. Криминалистика : учеб. пособие / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов. – М. : Выш. шк., 1997. – 344 с.

4. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 85-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 343.14

И.А. Горовая

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ВРАЧЕБНУЮ ТАЙНУ, ОРГАНОМ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Собирание доказательств в соответствии со ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) нередко является невозможным без вмешательства в сферу прав и свобод граждан, их личную жизнь, что связано с необходимостью получения органами уголовного преследования сведений, составляющих охраняемую законом тайну. В практической деятельности, связанной с производством по материалам и уголовным делам чаще всего случаями вторжения в охраняемую законом тайну является получение сведений, содержащих врачебную тайну. Так, для проведения судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз, сбора характеризующего материала сотрудники органов уголовного преследования истребуют медицинские карты, а также сведения о постановке на учет в те или иные лечебные учреждения, диагнозе граждан, попадающих в сферу уголовного производства для целей установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения заявлений и сообщений о преступлении, а также уголовных дел.

Согласно ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь. Более детально раскрывает понятие врачебной тайны и гарантирует ее охрану Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (в редакции Закона от 21 октября 2016 г. № 433-3). Так, в соответствии с ч. 6 ст. 46 указанного закона врачебную тайну составляет информация о факте обращения пациента за медицинской помощью и

состоянии его здоровья, сведения о наличии заболевания, диагнозе, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи, а в случае смерти – и информация о результатах патологоанатомического исследования. Следует отметить, что предоставление информации о состоянии здоровья пациента возможно только с согласия пациента, либо его близких родственников в случае, если пациент не способен по состоянию здоровья к принятию осознанного решения. В то же время вышеназванный закон предусматривает исключения, к которым наряду с иными относятся предоставление сведений по запросам в письменной форме органов уголовного преследования и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством; органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в связи с осуществлением такой деятельности; органов дознания в связи с проведением экспертиз для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также без запроса может быть предоставлена информация в правоохранительные органы при наличии оснований полагать, что вред здоровью причинен в результате противоправных действий, в том числе дорожно-транспортных происшествий, а также в случаях, если состояние или заболевание пациента могут угрожать жизни и (или) здоровью людей.

Учитывая, что сведения, содержащие врачебную тайну, истребованные органом уголовного преследования, могут быть положены в основу доказательств, они должны соответствовать критериям их оценки, в частности обладать допустимостью. Рассмотрим, каким образом законодатель допускает появление сведений, содержащих врачебную тайну при производстве по материалам и уголовным делам.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 103 УПК орган уголовного преследования вправе по находящимся в производстве материалам и уголовному делу в порядке, установленном УПК, требовать от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, уполномоченных законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Также имеется пояснение, что требование органа уголовного преследования о представлении информации, документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, санкционируется прокурором. Какой же порядок предусматривает УПК для истребования указанных выше сведений?

Если вести речь о стадии возбуждения уголовного дела, то лишь ч. 2 ст. 173 УПК регламентирует возможность истребования дополнитель-

ных документов, а также их осмотра. В то же время законодатель не поясняет, что понимается под истребованием, каким образом истребование должно быть оформлено, а соответственно, каким образом в результате истребования документы или сведения, в них содержащиеся, должны быть представлены в орган уголовного преследования. Также не поясняется, должно ли требование органа уголовного преследования быть санкционировано. Представляется, что в данном случае должно действовать общее правило, установленное ч. 2 ст. 103 УПК.

По возбужденному уголовному делу документы, содержащие необходимые сведения, могут быть изъяты в результате производства следственного действия – выемка. В соответствии с ч. 1 ст. 210 УПК постановление о проведении выемки документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, должно быть санкционировано прокурором или его заместителем. УПК не раскрывает, что в данном контексте понимается под государственными секретами и охраняемой законом тайной. Однако по смыслу данных понятий, представляется, что врачебная тайна относится к охраняемой законом, поскольку ч. 6 ст. 46 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» прямо указывает и раскрывает, какие сведения включаются в содержание понятия «врачебная тайна», а ст. 178 УК устанавливает уголовную ответственность за ее разглашение.

Анализ статей УПК позволяет отметить, что сведения, составляющие врачебную тайну, которые могут быть истребованы в виде ответов на запросы органов уголовного преследования, а также медицинская документация, в которой такие сведения содержатся, могут быть использованы в качестве доказательств, только если получены путем санкционирования запроса или постановления о выемке у прокурора, так как именно такой процессуальный порядок предусматривает УПК.

Следует отметить, что в практической деятельности органов уголовного преследования запросы и постановления о производстве выемки не санкционируются, что коррелирует с Законом Республики Беларусь «О здравоохранении», поскольку последний не конкретизирует форму запросов. В то же время, исходя из процессуального регламента получения сведений, содержащих охраняемую законом тайну, единственным легитимным механизмом их получения должно являться санкционирование соответствующего процессуального действия у прокурора. В таком случае можно констатировать, что норма УПК, касающаяся порядка получения сведений, составляющих врачебную тайну, не работоспособна и требует пересмотра.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Успешность раскрытия, расследования и судебного разбирательства любого уголовного правонарушения во многом зависит от правильного профессионального процессуального оформления его начального этапа, а также выполнения заданий уголовного делопроизводства, которые свойственны этому этапу [1, с. 93].

Прежде всего необходимо понимать, с какого момента начинается досудебное расследование. Так, в Уголовном процессуальном кодексе Украины отмечено, что досудебным расследованием признается стадия уголовного делопроизводства, которая начинается с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований и заканчивается закрытием уголовного производства или направлением в суд обвинительного акта, ходатайства о применении принудительных мероприятий медицинского или воспитательного характера, ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности [2].

Но на практике мы сталкиваемся с тем, что фактически началом досудебного расследования является анализ полученной информации, которая может свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, поскольку полученные сведения о возможном преступлении подлежат рассмотрению со стороны следователя, дознавателя, прокурора, после которого принимается решение о правовой квалификации и внесении ведомостей в Единый реестр досудебных расследований. Считаем также, что Н.А. Погорецкий на основании научного анализа литературных источников достаточно точно отметил, что повод к началу досудебного расследования имеет правовое значение лишь в единстве с основаниями. Вопрос о наличии круга признаков уголовного правонарушения как оснований для начала уголовного делопроизводства, а также данных о конкретных элементах его состава, должны решаться следователем и прокурором в каждом конкретном случае в зависимости от характера уголовного правонарушения, индивидуальных особенностей и конкретных обстоятельств его совершения [1, с. 98].

В соответствии с ч. 1 ст. 214 Уголовного процессуального кодекса Украины следователь, дознаватель, прокурор безотлагательно, но не позже 24 часов после получения заявления, сообщения о совершенном

уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований и начать расследование. Таким образом законодатель предоставляет до 24 часов на проведение анализа полученной информации и принятия решения. Учитывая то, что решение о внесении в Единый реестр досудебных расследований сведений об уголовном правонарушении принимается на основании вероятных знаний, то для того, чтобы выполнить требования п. 5 ч. 5 ст. 214 действующего Уголовного процессуального кодекса Украины относительно внесения в Единый реестр досудебных расследований сведений о предварительной квалификации уголовного правонарушения с указанием статьи (части статьи) уголовного закона, такие сведения должны указывать на обстоятельства, которые могут свидетельствовать об уголовном правонарушении, – на признаки конкретного преступления [1, с. 99].

При типичных имущественных преступлениях такие признаки возможно установить путем осмотра места происшествия или опроса свидетелей (очевидцев), закономерно тянет за собой и установление совокупности отдельных элементов состава этого преступления, а также создает возможность и для определения отдельных признаков этих элементов. В свою очередь, мошенничество, совершенное с помощью мобильной связи, характеризуется совершением преступления дистанционно, лишь при голосовом общении с использованием мобильного телефона, а это значит, что потерпевший и преступник не имеют непосредственного контакта. Использование типичных алгоритмов при расследовании преступления в данном случае позволяет лишь удостовериться в том, что действительно имеют место преступные деяния, а не выявить конкретные лица, их совершившие.

Документировать преступление данной категории крайне трудно, а установить личность мошенника и его место нахождения в реальном времени почти невозможно, что значительно усложняет деятельность сотрудников правоохранительных органов в процессе разоблачения виновников и расследования правонарушений. На начальном этапе досудебного расследования необходимо детально допросить потерпевшего. Центральными обстоятельствами, которые подлежат выяснению в ходе допроса, являются: дата и точное время поступления телефонного звонка; детали разговора с абонентом; особенности языка жулика (голос, темп речи, манера говорить, признаки заикания и другие языковые дефекты) [3, с. 96].

На основании полученных сведений в ходе допроса потерпевшего следователю необходимо в кратчайший срок обратиться в суд с ходатайством о разрешении на получение временного доступа к документам, которые содержат техническую информацию, – трафика соединения абонента, IMEI подвижного (мобильного) телефона, а также нулевых соединений абонента. Анализ соединений и установление принадлежности телефонных номеров, с которыми поддерживается связь из установленного терминала, дают возможность установить пользователя в реальном времени [4].

Таким образом, мы видим, что правильная, профессиональная оценка первичных данных, а также безотлагательное реагирование на совершенное с помощью мобильной связи мошенничество помогут получить более точную информацию о вероятном злоумышленнике, а также организовать расследование.

Список использованных источников

1. Погорецкий, М.А. Початок досудового розслідування: окремі проблемні питання / М.А. Погорецкий // Вісн. кримін. судочинства. – 2015. – № 1. – С. 93–101.
2. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 року № 4651-VI [Електронний ресурс]. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text> (дата звернення: 12.03.2021).
3. Астишина, Т.В. Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой телефонной связи / Т.В. Астишина, Е.В. Маркелова // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2014. – № 2. – С. 94–98.
4. Особливості розслідування окремих видів злочинів [Електронний ресурс] : мультимед. навч. посібник. – URL: <https://arm.naiu.kiev.ua/books/orovz/lections/lecture5.html> (дата звернення: 20.01.2021).

УДК 343.13

И.А. Демченко

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (ЭПИДЕМИИ)

В настоящее время болезнь коронавируса (COVID-19) получила масштабное распространение во всем мире, в том числе и в Украине. Это повлекло за собой негативные последствия, по которым каждое государство обязано принимать максимально эффективные меры для

обеспечения надлежащего функционирования всех сфер его жизнедеятельности. По данным Центра общественного здоровья, по состоянию на 14 марта 2021 г. в Украине зафиксировано 9 012 новых подтвержденных случаев коронавирусной болезни COVID-19. Количество активных больных составляет 209 937 человек (всего заболело с начала пандемии 1 460 756 человек, выздоровели 1 222 516 человек, умерло 28 303 человека) [1].

Важное значение играют меры в сфере уголовной юстиции, реализация которых должна гарантировать защиту и охрану прав, свобод и законных интересов каждого человека во время досудебного расследования и судебного рассмотрения уголовного производства – с одной стороны, и предотвратить распространение (COVID-19) среди участников уголовного производства – с другой.

Так, при введении карантина на территории Украины правительством и местными властями в областях среди государственных учреждений и частных предприятий и организаций было принято решение о переводе работников на дистанционную работу, в том числе в указанном режиме находился ряд работников суда и полиции. Однако не было учтено, что указанная мера не может быть принята в отношении сотрудников органов досудебного расследования и осуществляющих сопровождение производств оперативных подразделений, поскольку их деятельность связана непосредственным контактом с участниками предварительного расследования и проведения очных процессуальных действий. Нужно отметить, что это мероприятие непонятно особенно для следователя, который несет непосредственную ответственность за качество и соблюдение сроков досудебного расследования. Согласно ч. 1 ст. 219 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) срок предварительного расследования исчисляется с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований до дня обращения в суд с обвинительным актом, ходатайством о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, ходатайством об освобождении лица от уголовной ответственности или до дня принятия решения о закрытии уголовного производства. Срок досудебного расследования с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований ко дню сообщения лицу о подозрении составляет: 1) шесть месяцев – в уголовном производстве по уголовному проступку; 2) двенадцать месяцев – в уголовном производстве по преступлениям небольшой или средней тяжести; 3) восемнадцать месяцев – в уголовном производстве по тяжкому или особо тяжкому преступлению.

Досудебное расследование должно быть закончено: 1) в течение одного месяца со дня уведомления лицу о подозрении в совершении уголовного проступка; 2) в течение двух месяцев со дня уведомления лицу о подозрении в совершении преступления.

Так, в соответствии со ст. 28 УПК Украины предусмотрено, что во время уголовного производства каждое процессуальное действие или процессуальное решение должны быть выполнены или приняты в разумные сроки. Разумными считаются сроки, объективно необходимые для выполнения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Разумные сроки не могут превышать сроки выполнения отдельных процессуальных действий или принятия отдельных процессуальных решений, предусмотренных УПК Украины. Проведение досудебного расследования в разумные сроки обеспечивают прокурор, следственный судья (в части сроков рассмотрения вопросов, отнесенных к его компетенции), а судебного производства – суд. Критериями для определения разумности сроков уголовного производства являются: сложность уголовного производства, которая определяется с учетом количества подозреваемых, обвиняемых и уголовных преступлений, в отношении которых осуществляется производство, объема и специфики процессуальных действий, необходимых для осуществления досудебного расследования, и т. п.; поведение участников уголовного судопроизводства; способ осуществления следователем, прокурором и судом своих полномочий [2].

Поэтому, учитывая вышеизложенное, следует отметить, что из-за массового распространения коронавируса возникли глобальные проблемы законодательного обеспечения при проведении следственных (розыскных) действий в уголовном производстве, так одной из проблем в УПК Украины является отсутствие иных оснований для продления сроков досудебного расследования. Для решения указанной проблемы необходимо ввести дополнения в УПК Украины, а именно указать карантинные мероприятия основанием для продления сроков досудебного расследования в рамках уголовного производства.

Таким образом, перед учеными и практиками стоит задание совершенствования уголовного процессуального законодательства в условиях пандемии (эпидемии).

Список использованных источников

1. Пандемия COVID-19 в Украине. Статистика [Электронный ресурс]. – URL: <https://moz.gov.ua/article/news/operativna-informacija-pro-poshirennya-koronavirusnoi-infekcii-2019-cov19> (дата обращения: 15.03.2021).

2. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон, 13 апр. 2012 г., № 4651-VI. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text> (дата обращения: 15.03.2021).

УДК 343.1

М.Э. Каац

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и Республике Беларусь каждый имеет право использовать свой родной язык, что гарантировано в положениях конституций двух государств (ст. 26 Конституции РФ, ст. 50 Конституции Республики Беларусь). Исходя из этого, лицам, не обладающим соответствующими знаниями используемого в уголовно-процессуальных отношениях языка, гарантирован механизм привлечения переводчика.

В ч. 2 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и ч. 2 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК Республики Беларусь) закрепляются положения, которые являются своего рода инструментом, нивелирующим возможные нарушения прав участников уголовного судопроизводства, связанные с языковой составляющей. Так, положениями УПК РФ и УПК Республики Беларусь предусматривается обязанность органов и их должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство по разъяснению и обеспечению права субъектов, не владеющих языком судопроизводства, осуществлять различные действия на том языке, которым они владеют. В рамках реализации такого права должен принимать участие переводчик, предоставляемый на бесплатной основе. В ч. 3 ст. 18 УПК РФ и ч. 3 ст. 21 УПК Республики Беларусь предусматривается обязанность органов уголовного судопроизводства, связанная с переводом необходимых процессуальных документов, которые вручаются лицу, не обладающему знаниями языка уголовного судопроизводства.

В российской юридической литературе отмечается, что содержательное наполнение ч. 2 ст. 18 УПК РФ не может быть сопоставимо с теми гарантиями, которые предоставляются конституционными положениями. Так, Я.В. Жданова отмечает, что указанные положения ограничивают в правах лиц, которые обладают знаниями русского языка, но в то же время хотят реализовать право пользоваться в рамках уго-

ловного судопроизводства родным языком [1, с. 77]. Следует отметить, что в практике деятельности органов предварительного расследования России существует достаточное количество примеров, когда лица, обладающие знаниями русского языка, ходатайствуют о привлечении к процессу переводчика в целях пользования своим родным языком. Указанные примеры существуют на территории отдельных республик РФ. Однако такие ходатайства в России могут правомерно отклоняться с мотивировкой о «злоупотреблении конституционными и уголовно-процессуальными положениями». Данная проблема неоднократно рассматривалась Конституционным Судом РФ и в рамках его решений предписывалась необходимость индивидуального подхода к рассмотрению подобных ходатайств, что возложено на следователя, дознавателя, либо суд, рассматривающий уголовное дело [2, 3].

Таким образом, содержание ст. 18 УПК РФ упоминает о том, что только лишь «невладение, либо недостаточное владение русским языком» позволяет лицу воспользоваться правом использования услуг переводчика. Однако ни положения уголовно-процессуального законодательства России, ни разъяснения ее высших судебных органов не раскрывают содержания того, что необходимо подразумевать под категорией «невладение, либо недостаточное владение русским языком». Полагаем, аналогичная проблема присуща и правоприменительной практике Республики Беларусь.

Следующий дискуссионный момент, связанный с участием переводчика в расследовании по уголовным делам, продиктован предписаниями ч. 1 ст. 96 УПК РФ. В ней закреплено право задержанного подозреваемого на один телефонный разговор, которое должно быть реализовано им в течение трех часов. При этом российский законодатель четко регламентировал в указанном положении, что такое право должно быть реализовано исключительно на русском языке. Отметим, что ни о каком привлечении переводчика в случае невладения или недостаточного владения подозреваемым русским языком речь не идет. Не входит ли в противоречие указанная норма с принципом языка уголовного судопроизводства? По формальным основаниям, думается, входит. Поэтому в юридической литературе высказывается мнение о необходимости внесения изменений в ст. 96 УПК РФ с указанием в ней обязательного участия переводчика при реализации права на телефонный разговор подозреваемого, не владеющего русским языком [4, л. 17]. Однако возникает другой вопрос, возможно ли будет реально обеспечить правоприменителям привлечение переводчика в установленный трехчасовой временной период? Ответили на него отрицательно 95 % опрошенных

российских сотрудников органов предварительного расследования. Особенно затруднительным видится реализация данного положения в сельской местности. Так, по уголовному делу № 120***874 обвиняемый гражданин Республики Азербайджан Р. подал ходатайство о предоставлении ему переводчика в связи с невладением русским языком. Следователь ходатайство удовлетворил, однако фактическая его реализация была осуществлена на 10-е сутки, в связи с поиском переводчика с азербайджанского языка [5].

Выходом из положения видится создание российского института судебного (присяжного) переводчика. Данный институт существовал во времена Российской империи [4, л. 104] и раннего СССР [4, л. 107]. Функционирует он и в нынешнее время в рамках уголовного судопроизводства отдельных стран (Эстонии, Польши, США и др.). С 2015 г. на базе Нижегородского регионального отделения Союза переводчиков России ведется работа по созданию и законодательному утверждению Положения о судебном переводчике в России [6]. Внедрение указанного положения в практику деятельности органов уголовной юстиции России позволило бы решить целый комплекс вопросов, возникающих в связи с необходимостью обеспечения участия переводчика в расследовании по уголовным делам. Полагаем, в Беларуси также назрела необходимость создания аналогичного профессионально-юридического сообщества переводчиков, благодаря функционированию которого будут реально обеспечиваться нормы ст. 21, 201 и 300 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Жданова, Я.В. Язык уголовного судопроизводства в РФ: теория и практика / Я.В. Жданова // Инновационное развитие российской экономики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова ; Рос. фонд фундамент. исслед. – 2017. – С. 77–81.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.Н. Мухаметшина на нарушение его конституционных прав ч. 2, 3 ст. 18 УПК РФ [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июня 2006 г. № 219-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М.В. Череповского на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 18 УПК РФ [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июня 2006 г. № 243-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гуськова, А.В. Функция переводчика в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Гуськова. – Нижний Новгород, 2018. – 336 л.
5. Материалы уголовного дела № 120***874 ОМВД России по Давлекановскому району Республики Башкортостан.

6. Официальный сайт Союза переводчиков России [Электронный ресурс]. – URL: <http://translation-school.ru/index.php/ru/archive/2015/sworntranslator> (дата обращения: 26.02.2021).

УДК 343.296

Н.В. Кривощёков

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА

Традиционно сложившаяся модель российского уголовного процесса имеет ярко выраженный публичный характер, поскольку уголовное судопроизводство осуществляется от имени государства и направлено на предотвращение, пресечение и раскрытие общественно опасных деяний – преступлений. Следует отметить, что защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений выделена в качестве первоочередного в назначении уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Основные интересы потерпевшего в уголовном процессе заключаются в обеспечении доступа этого участника к правосудию, а также восстановлении его нарушенных преступлением прав. Правовые механизмы реализации указанных интересов проработаны в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности, обязанность обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, на досудебном производстве закреплена за властным субъектом, ведущим уголовный процесс, что вытекает из положений ст. 42, 11 и 160.1 УПК РФ. При этом задействуются предусмотренные законом полномочия следователя (дознателя), и восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего «переходит» из категории частного (так как затрагивает только данного участника уголовного процесса) интереса в область публичных отношений. Кроме того, п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ определяет характер и размер ущерба, причиненного преступлением, в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, что в контексте изложенного выше возлагает на следователя (дознателя) обязанности не только по установлению данного обстоятельства, но и по обеспечению возмещения причиненного вреда.

Отмеченное справедливо для классической формы возмещения вреда, причиненного преступлением, – гражданского иска в уголовном процессе, когда после возникновения отношений по гражданскому иску

в форме заявления потерпевшим требования о возмещении причиненного преступным деянием вреда появляется комплекс обязанностей следователя (дознателя) по принятию данных требований, признанию лица гражданским истцом, определению размера причиненного ущерба, установлению лица, подлежащего привлечению к участию в производстве по уголовному делу в качестве гражданского ответчика, принятию мер по обеспечению исковых требований и т. д.

Аналогичную картину можно наблюдать и в случае применения уголовно-процессуальной реституции, когда властный субъект решает судьбу обнаруженного и изъятого имущества согласно п. «б» ч. 2 ст. 82 УПК РФ.

В каждом из указанных случаев механизм реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, в той или иной степени регламентирован УПК РФ. В законе определены обязанности властного субъекта, алгоритм их реализации, процессуальные документы, которые следует составить следователю (дознателю).

Иная картина наблюдается при реализации такой формы возмещения причиненного преступлением вреда, как добровольное возмещение. Данная форма заключается в устранении разрушений, выплате денежной компенсации, предоставлении имущества или прав на него, принесении извинений и других возможных способах. Наряду с понятием «добровольное возмещение вреда» в законе (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ) применяется также термин «заглаживание причиненного вреда». На наш взгляд, данные понятия синонимичны, так как отражают деятельность обвиняемого (подозреваемого) или иных лиц, заинтересованных в восстановлении нарушенных преступлением прав потерпевшего, по устранению наступивших в результате преступления негативных последствий для принадлежащих потерпевшему охраняемых законом благ. Очень важным является тот факт, что добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением, выступает юридическим фактом, влекущим ряд правовых последствий. В частности, согласно п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ заглаживание вреда относится к смягчающим вину обстоятельствам; ст. 75 и 76 УК РФ устанавливают заглаживание вреда в качестве обязательного элемента основания прекращения уголовного преследования по ст. 25 и 28.1 УПК РФ.

Характерным здесь является то, что установленные законом последствия возмещения вреда – смягчение наказания, прекращение уголовного преследования – касаются лишь положения обвиняемого (подозреваемого), но не потерпевшего. Законодательная регламентация процедуры добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, также

отсутствует, что позволяет говорить об отсутствии контроля со стороны властного субъекта, ведущего процесс, за этим комплексом значимых для уголовного дела мероприятий. На практике это ведет к появлению ситуаций, когда при рассмотрении действий по возмещению вреда на первое место выходит сама направленность действий обвиняемого (подозреваемого) как важное обстоятельство раскаяния виновного в совершенном преступлении, мнение же потерпевшего какого-либо значения не имеет.

Во избежание таких случаев, на наш взгляд, процесс добровольного возмещения вреда необходимо осуществлять под контролем со стороны субъекта, ведущего производство по уголовному делу. Инициатива и активная деятельность обвиняемого (подозреваемого) либо его родственников или иных лиц, согласие потерпевшего на принятие возмещения проявляют частный характер данной формы возмещения вреда, при этом следователь (дознатель) должен обеспечить как ликвидацию негативных последствий преступления, так и соблюдение прав и законных интересов ее участников. Следует подчеркнуть, его роль продолжает оставаться главенствующей, поскольку добровольное возмещение причиненного преступлением вреда происходит в связи с уголовным делом и в рамках уголовного судопроизводства. Представляется, следователь (дознатель) при предъявлении обвинения (или разъяснении прав подозреваемому) должен разъяснить обвиняемому (подозреваемому) о возможности добровольного возмещения причиненного вреда и последствиях таких действий.

В случае намерения обвиняемого (подозреваемого), его родственников или иных лиц добровольно возместить причиненный вред следователь обязан организовать фактическое восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего. С этой целью необходимо провести комплекс действий, начав с допроса обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего на предмет добровольного возмещения вреда. В ходе допроса следует установить добровольность волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) на возмещение вреда, согласие потерпевшего на возмещение, каким способом будет осуществляться возмещение (в денежной форме, передачей имущества и т. д.), в каком размере, в какой срок, какие документы будут составлены. Процедура добровольного возмещения вреда также должна проходить под контролем следователя (дознателя). Оформляться это действие может протоколом добровольного возмещения причиненного вреда, составляемым с участием потерпевшего (его представителя) и обвиняемого по правилам ст. 166 УПК РФ, а также распиской потерпевшего о получении соответствующей компенсации.

Предложенный порядок действий, несомненно, позволит обеспечить решение ряда задач, стоящих перед следователем (дознателем),

в частности, по восстановлению нарушенных преступлением прав потерпевшего, установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания, формированию внутреннего убеждения относительно личности обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего и др. Однако отсутствие в уголовно-процессуальном законе регламентации этой процедуры передает ее реализацию «на откуп» практике, что повлияет на эффективность реализации добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением.

УДК 343.98

Е.В. Кузнецов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УКЛОНЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ОТ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ежегодно в Российской Федерации за органами предварительного расследования числятся в розыске более 60 тыс. подозреваемых и обвиняемых (в 2018 г. – 65 480, в 2019 г. – 64 032, в 2020 г. – 60 348) [1]. Несмотря на просматриваемую тенденцию к снижению общего числа разыскиваемых лиц указанной категории, нагрузка на подразделения правоохранительных органов, задействованных в их розыске, остается высокой.

Вместо того чтобы сконцентрироваться на качественном раскрытии вновь выявляемых преступлений, следователи и дознаватели, предпринимающие розыскные меры, а также сотрудники оперативных подразделений, несущие, как правило, основную нагрузку в рассматриваемой сфере, например, в 2020 г. в России органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, осуществлялся розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, в отношении 84 706 граждан [1], вынуждены тратить значительные временные, материальные и иные ресурсы на выполнение розыска уже установленных «преступников». При этом следует учитывать, что уклонение вышеуказанных категорий граждан от следствия и дознания создает условия для затягивания сроков расследования уголовного дела и наступления целого ряда иных негативных последствий, например, совершение лицами, находящимися в розыске, новых преступлений или уничтожение ими доказательств.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости принятия российскими правоохранительными органами дополнительных мер по

предупреждению фактов уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов дознания и предварительного следствия.

Предупредительные меры в рассматриваемой сфере общественных отношений могут осуществляться в различных формах деятельности правоохранительных органов. К основным, наиболее общим из них, следует отнести: совершенствование правового регулирования розыскной деятельности; принятие организационно-управленческих мер, направленных на улучшение качества розыскной работы по таким линиям, как информационное обеспечение, планирование, взаимодействие, контроль и др.; использование наиболее эффективных, с точки зрения криминалистических и оперативно-розыскных методик, тактических приемов.

Рассматривая перечисленные формы, следует акцентировать внимание на то обстоятельство, что без должной правовой основы меры, принимаемые в целях предупреждения уклонения от органов дознания и предварительного следствия привлекаемых к уголовной ответственности лиц, могут носить не обязательный для субъектов розыскных правоотношений характер, а в отдельных случаях выводить их за рамки легитимного правового поля. В этой связи акцентируем внимание на вопросе правового регулирования мер предупреждения уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов предварительного расследования в Российской Федерации.

С точки зрения теории розыска, под предупреждением уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов предварительного расследования следует понимать проводимый правоохранительными органами комплекс профилактических мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих сокрытию лиц (подозреваемых или обвиняемых) от органов дознания и предварительного следствия, а также обнаружение таких лиц и применение к ним мер индивидуального воздействия, в целях склонения их к отказу от совершения одноименных действий [2, с. 10].

Анализируя российское уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, следует обратить внимание на тот факт, что в нем фактически нет норм, которые в императивной форме обязывали бы следователей и дознавателей предпринимать предупредительные меры, направленные на недопущение возможности скрыться подозреваемым или обвиняемым, проходящим по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Исключением являются лишь положения гл. 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3], регламентирующие право дознавателя, следователя, а также суд избирать обвиняемому, подозреваемому одну из мер уголовно-процессуального пресечения, при нали-

чии достаточных оснований полагать, что данный участник уголовного процесса скроется от них, а также п. 18.3 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [4], в которой закреплена обязанность следователя в трехдневный срок письменно информировать орган дознания о факте избрания в отношении конкретного лица меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, в целях постановки их на профилактический учет. При этом следует учитывать, что анализ ведомственных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих ведение профилактических и иных видов учетов, показал, что они не содержат четкого описания мер предупреждения, которые должны применяться при получении органом дознания подобных уведомлений.

Обозначенный правовой пробел является серьезным недостатком действующего розыскного законодательства, так как перечисленных правовых мер, как показывают приведенные выше данные статистики, явно недостаточно для того чтобы качественно повлиять на снижение фактов сокрытия рассматриваемых категорий лиц от органов предварительного расследования.

Фактически сегодня предупреждение уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов предварительного расследования, как самостоятельная форма розыскной работы, не имеет правовой основы и находится в плоскости методических рекомендаций, игнорирование положений которых не влечет за собой никаких негативных последствий для субъектов розыскной работы, включая в их число дознавателей и следователей [5, с. 120–123].

Решение обозначенного правового пробела видится в издании межведомственного приказа, закрепляющего соответствующую инструкцию, которым был бы четко определен перечень обязанностей субъектов розыскной работы в сфере предупреждения уклонения лиц (подозреваемых и обвиняемых) от органов дознания и следствия. При этом в качестве рекомендации к содержанию проекта инструкции предлагаем закрепить в ней отдельные разделы, где описывались бы виды конкретных профилактических мер, которые должны предприниматься соответствующими должностными лицами (оперуполномоченными, дознавателями, следователями и др.) на различных стадиях оперативно-розыскного и уголовного процессов.

Список использованных источников

1. Сводный отчет о розыске лиц, скрывшихся от дознания, следствия, суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших,

а также об установлении личности граждан и неопознанных трупов за 2018–2020 годы. – М. : ГИАЦ МВД России, 2020.

2. Загайнов, В.В. Организация розыскной работы в органах внутренних дел : учеб. пособие / В.В. Загайнов, Е.В. Кузнецов. – Иркутск : ВСИ МВД России, 2016. – 60 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 24.04.2020 г. // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921; 05.05.2020. – № 31 (ст. 5219).

4. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : приказ МВД России, 17 янв. 2006 г., № 19 : ред. от 28.11.2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кузнецов, Е.В. Предупреждение уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов дознания и предварительного следствия / Е.В. Кузнецов // Науч. дайджест Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2019. – № 2. – С. 117–123.

УДК 343.125

Л.В. Павлова

О ЗАПРЕТАХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ НОВОЙ МЕРОЙ ПРЕСЕЧЕНИЯ (ст. 123¹ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Согласно Закону Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) дополнен ст. 123¹, которой регламентируется новая для отечественного законодательства мера пресечения, получившая наименование «Запрет определенных действий». Назначение данной меры заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанности соблюдать один или несколько запретов, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных запретов. Перечень приведен в ч. 3 ст. 123¹ УПК Беларуси, предусматривая, что с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела на данное лицо могут быть возложены следующие запреты:

1) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

2) пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться общей совместной собственностью – для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи;

3) общаться с определенными лицами;

- 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- 5) использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет;
- 6) управлять транспортным средством – если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Введением данной меры угадывается намерение законодателя расширить вариативность мер пресечения, сделать систему таких мер более гибкой. Но насколько гуманной получилась данная мера, остается вопросом.

Во многом рассматриваемая мера пресечения сконструирована по образцу одноименной меры, введенной Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ ст. 105.1 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ). Данное нововведение и сопряженные с ним изменения вызвали различные суждения у российских ученых [1]. В юридической печати подняты вопросы о сроках применения запретов, объеме применяемых ограничений, соотношении с другими мерами пресечения, зачете времени соблюдения запрета в срок наказания и др.

Наибольшая дискуссионность связана с возможностью применения запретов, перечисленных в ст. 105.1 УПК РФ, в рамках таких мер пресечения, как залог и домашний арест. Обращено внимание, что при таком варианте регламентации принудительных мер происходит дальнейшее смещение разнопорядковых категорий, поскольку в одном случае «запрет определенных действий» предлагается именовать мерой пресечения, в другом – эти же запреты считать дополнительными обязательствами подозреваемого или обвиняемого [2].

В научной литературе высказана точка зрения и об отсутствии необходимости в новой мере пресечения как таковой. А.Р. Белкин указал: «Что же до запрета определенных действий, то такую меру логичнее отнести к иным мерам процессуального принуждения, которые вполне могут применяться в комплексе как с мерами пресечения, так и друг с другом» [3, с. 45]. С.А. Яковлева и А.С. Кутянина изложили предложение «исключить запрет определенных действий из системы мер уголовно-процессуального пресечения, а сегодняшние запреты, указанные в п. 2–6 ч. 6 ст. 105 УПК РФ, предусмотреть для всех мер пресечения как дополнительные обязанности, для которых требуется судебное решение, на что указать в ч. 2 ст. 29 УПК РФ и во всех нормах, регламентирующих конкретные меры пресечения, не связанных с заключением под стражу...» [4, с. 93–94].

В настоящее время приведенные научные суждения применимы и к ст. 123¹ УПК Беларуси, поскольку отечественный законодатель в ч. 2

ст. 125 УПК предусмотрел, что домашний арест, помимо запрета выхода из жилища полностью или в определенное время, может сопровождаться запретами, предусмотренными ч. 3 ст. 123¹ УПК, применяемыми как в отдельности, так и в допустимой совокупности.

В то же время изучение зарубежного опыта иных государств постсоветского пространства позволило установить, что в ст. 199 «Виды мер пресечения» гл. XX «Первое представление обвиняемого в суд, меры пресечения» Уголовно-процессуального кодекса Грузии предусмотрено, что «наряду с применением меры пресечения к обвиняемому могут быть также применены: обязанность лица являться в суд в назначенное время или по вызову; запрет на осуществление определенной деятельности и определенную профессию; обязательство ежедневно или с иной периодичностью являться в суд, полицию или иной государственный орган и представлять им отчетность; надзор со стороны назначенного судом учреждения; электронный мониторинг; обязательство находиться в определенные часы в определенном месте или без такового; обязательство не покидать определенное место или запрет на проникновение в него; запрет на встречи с определенными лицами без специального разрешения; обязательство по сдаче паспорта или иного документа, удостоверяющего личность; любая иная определенная судом мера, необходимая для достижения целей применения мер пресечения». Сходный подход использован законодателем Украины в ст. 194 «Применение меры пресечения» гл. 18 «Меры пресечения, задержание лица» Уголовного процессуального кодекса.

Несмотря на то что ни в первом, ни во втором приведенном примере неясна институциональная принадлежность дополнительно налагаемых ограничений (обязанностей), подход, использованный законодателем Грузии и Украины, представляется концептуально более верным. В этой связи для системного и последовательного развития уголовно-процессуального законодательства представляется целесообразным исследовать вопрос об ограничениях, которые, не являясь мерами пресечения, могут быть применимы к подозреваемому (обвиняемому) в рамках производства по делу для предотвращения угроз и иного негативного воздействия в адрес участников процесса, воспрепятствования расследованию преступления. Такие меры могут быть введены в дополнение к уже предусмотренным иным мерам процессуального принуждения (гл. 14 УПК Беларуси), либо рассмотрены в качестве обособленной системы мер в рамках указанной главы или иной главы разд. IV «Меры процессуального принуждения» УПК Беларуси. Решение поставленных вопросов должно включать исследование правовой природы и перечня

возможных мер, выработку порядка применения таких мер, соотношения с мерами пресечения, определение оснований и сроков их применения, учитывать международные стандарты и рекомендации.

Список использованных источников

1. Павлова, Л.В. Запрет определенных действий как новая мера пресечения: анализ законодательного опыта Российской Федерации / Л.В. Павлова // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 5. – С. 67–72.
2. Муравьев, К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения [Электронный ресурс] / К.В. Муравьев // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-zakonodatelstva-o-merah-presecheniya>. – Дата доступа: 04.01.2020.
3. Белкин, А.Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? / А.Р. Белкин // Судеб. власть и уголов. процесс. – 2019. – № 2. – С. 43–50.
4. Яковлева, С.А. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения / С.А. Яковлева, А.С. Кутянина // Вестн. Марийск. гос. ун-та. Серия «Ист. науки. Юрид. науки». – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 87–96.

УДК 343.43

М.Г. Решняк

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

В последние годы практически во всех странах мира нередко происходят коррупционные скандалы. При этом чаще всего подобные скандалы связаны с именами лиц, относящихся к категории «высшие должностные лица». Как показывает практика, в первую очередь, общественный резонанс получают преступления, связанные с получением взятки. Несколько лет назад комиссар Евросоюза по внутренним делам Сесилия Мальмстрем заявила: «В Европе нет зон, свободных от коррупции; она достигла умопомрачительных масштабов и ежегодно приносит ущерб европейской экономике в размере 120 млрд евро». Согласно проведенному опросу жителей стран ЕС, «самой коррумпированной страной считается Греция, где о массовом взяточничестве вспомнили 99 % опрошенных. Затем идут Италия – 97 %, Испания, Литва, Чехия – 95 %» [1].

Происшедшие в России в последние годы коррупционные скандалы, в которых оказались замешаны высшие должностные лица органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, дают

основание полагать, что в Российской Федерации, как и в европейских странах, имеет место коррупционная преступность. Подобные дела становятся резонансными и привлекают к себе значительное общественное внимание. Однако утверждать, что после возбуждения и расследования данных уголовных дел наступает желаемый – в части искоренения коррупции – результат, вряд ли возможно. Более того, можно предположить, что истинный масштаб коррупции в России гораздо выше, чем это представляется. Государство предпринимает определенные шаги в борьбе с коррупцией, однако, как показывает практика, их результативность невелика.

Стратегия национальной безопасности РФ (далее – Стратегия) относит «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию, препятствующую устойчивому развитию России и реализации стратегических национальных приоритетов» [2]. К вопросам обеспечения государственной безопасности, считая, что реализация Национальной стратегии противодействия коррупции (далее – Национальная стратегия) сформирует «атмосферу неприемлемости данного явления» [3]. В п. 56 Стратегии сохранение условий для коррупции определено как одна из главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики. Социальная опасность коррупционных правонарушений отмечалась и в упомянутой Национальной стратегии, где соответствующее явление было отнесено к числу системных угроз безопасности России.

Указанные положения свидетельствуют об осознании глобальности проблемы, что, по логике, должно повлечь за собой и соответствующие адекватные системные меры. Исходя из этого, поиск решений проблемы эффективности правовых мер противодействия коррупции, в том числе мер уголовно-правового характера, должен быть непрерывным и последовательным. Вместе с тем анализ российского уголовного законодательства показывает, что существующие в данный момент антикоррупционные нормы явно недостаточны для возбуждения уголовных дел и результативного расследования указанных преступлений.

Например, базовое понятие «коррупционное преступление» или «преступление коррупционной направленности» в уголовном законе (УК РФ) не закреплено, не раскрывается оно и в ином российском законодательстве. По нашему мнению, отсутствие непосредственно в уголовном законе понятия преступлений коррупционной направленности, а равно выделения группы таких деяний, не позволяет выстроить единую линию борьбы с ними, учесть особенности и повышенную общественную опасность уголовно наказуемых проявлений коррупции, применить к виновным лицам адекватные меры уголовной ответственности.

Полагаем, для повышения эффективности борьбы с коррупционными проявлениями необходимо не только усиливать уголовную ответственность за совершение рассматриваемых преступлений, но через призму указанного усиления внести соответствующие изменения и в Общей части УК РФ, в частности, в следующих нормах: во-первых, в ч. 6 ст. 15 УК РФ установить запрет на снижение категории при совершении преступлений коррупционной направленности; во-вторых, в ч. 1 ст. 73 УК РФ установить запрет на применение условного осуждения к лицам, их совершившим; в-третьих, в отношении данных категорий обвиняемых в ст. 76.2 УК РФ установить запрет на освобождение их от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа; в-четвертых, восстановить уголовное наказание в виде конфискации имущества и без исключений применять его в качестве дополнительного в каждом случае совершения коррупционного преступления. Последняя мера, по нашему мнению, может оказаться наиболее эффективной, ибо реальная угроза потери всего имущества и денежных средств, в том числе, находящихся на зарубежных счетах, обусловит бессмысленность совершения должностным лицом указанных преступлений.

Считаем, что реализация вышеизложенных предложений в уголовном законодательстве создаст предпосылки для изменения вектора деятельности судов в направлении применения более строгих уголовно-правовых мер к лицам, совершившим преступления коррупционной направленности.

С нашей точки зрения, для обеспечения эффективной борьбы с коррупционной преступностью следует действовать системно не только в части оптимизации уголовного законодательства. Для повышения результативности борьбы с данным видом преступлениями, по мнению автора, в структуре МВД РФ, СК РФ, ФСБ РФ и их территориальных органов необходимо создание отдельных подразделений (управления, отдела) по расследованию преступлений коррупционной направленности, что объективно обусловлено повышенной общественной опасностью коррупционных преступлений.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, для повышения результативности расследования преступлений коррупционной направленности необходимо внести системные изменения в УК РФ, включающие в себя: а) закрепление непосредственно в уголовном законе понятия преступлений коррупционной направленности, с выделением группы данных деяний в отдельную главу; б) изменение стратегического подхода к усилению уголовной ответственности и наказания за совершение преступлений коррупционной направленности.

Во-вторых, во взаимосвязи с предлагаемыми изменениями Общей части УК РФ внести дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

В-третьих, не ограничиваясь лишь оптимизацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства, для повышения эффективности деятельности органов предварительного расследования по раскрытию и расследованию данного вида преступлений, необходимо создание отдельных подразделений по расследованию именно преступлений коррупционной направленности, при этом их укомплектование осуществлять в соответствии с научно обоснованными рекомендациями, устанавливающими оптимальную численность следователей и планируемую нагрузку в части количества расследуемых дел на одного следователя.

Список использованных источников

1. Интернет-ресурс [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20150220/1048807860.html?in=t> (дата обращения: 13.03.2021).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 31 дек. 2015 г., № 683 // Собр. законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
3. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : Указ Президента Рос. Федерации, 13 апр. 2010 г., № 460 // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.

УДК 343.13

А.Е. Середя

О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОПРЯЖЕННЫХ С НАСИЛИЕМ

К насильственным преступлениям против собственности законодатель относит грабеж, разбой, вымогательство. Диспозиции соответствующих статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) определяют, что при совершении данных деяний преступник осуществляет акт насилия над потерпевшим с целью неправомерного завладения его собственностью.

Актуальность исследуемого в статье аспекта заключается в том, что при рассмотрении и квалификации преступлений против собственно-

сти, сопряженных с насилием, в законодательстве Республики Беларусь нет четкого критерия, который бы позволил однозначно отграничить один вид насильственного преступления от другого. Как результат, можно наблюдать:

1) увеличение длительности рассмотрения дел о преступлениях против собственности, сопряженных с насилием. Ввиду спорности и неоднозначности критерия разграничения этих преступлений судебное рассмотрение дел затягивается и приобретает особую «дороговизну» для государства;

2) неосведомленность граждан о том, что представляют собой кража, грабеж, разбой и вымогательство. Преступник может полагать, что он совершает кражу, хотя на самом деле происходит грабеж; преступник может считать, что совершает грабеж, хотя на самом деле имеет место разбой или вымогательство.

Помимо этого существует некоторая неопределенность при квалификации убийства, совершенного при разбое, которая способствует нарушению одного из принципов уголовной ответственности, согласно которому никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Так, немаловажным аспектом выступает вопрос квалификации умышленного убийства, совершенного при разбое: необходимо ли квалифицировать данное преступление по п. 12 ч. 2 ст. 139 или по совокупности п. 12 ч. 2 ст. 139 и ч. 3 ст. 207 УК (т. е. за убийство и разбой)?

Основной преградой к четкому разграничению и однозначной квалификации преступлений против собственности, сопряженных с насилием, является неопределенность такого понятия, как насилие. Законодатель не дает разъяснения в УК о том, что же подразумевается под этим понятием. А ведь при разграничении насильственного грабежа, разбоя и вымогательства оно является ключевым и часто решает исход квалификации.

В правовой науке сложилось несколько позиций относительно того, что следует понимать под насилием:

1) А.И. Бойцов определяет насилие как предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, посягающее на общественные отношения посредством физического или психического воздействия непосредственно на субъект этих отношений, применяемого в целях устранения его из сферы общественных отношений или принуждения к желательному для виновного поведению [1, с. 47];

2) И.А. Петин считает, что насилие – это действия в открытой или скрытой форме, направленные против жизни и неприкосновенности

человека, совершенные по мотиву причинения вреда правам, свободам или его законным интересам [1, с. 48];

3) В.И. Ткаченко указывает, что насилие – это физическое воздействие на ткани человека помимо его воли [1, с. 48].

Будет разумным выдвинуть тезис, что насилие является понятием субъективным – законодатель не берет в расчет индивидуальные характеристики потерпевшего. То, что для одного только формально может считаться насилием, для другого будет крайне опасное для жизни и здоровья воздействие.

Диспозиция ст. 206 УК, например, в ч. 2 указывает такое понятие, как «насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия». Что такое насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего, если никто не знает, какие последствия для здоровья могут наступить в дальнейшем как результат встречи с преступником – физические и психические? Может ли быть то, что, применяя насилие в любой его форме при посягательстве на собственность, злоумышленник по сути совершает не грабеж, а разбой? Позиция законодателя неоднозначна.

Отсутствие определения понятия насилия на законодательном уровне в настоящее время затрудняет осуществление однозначной квалификации насильственных преступлений против собственности. Очень часто можно наблюдать, что при рассмотрении дел во второй инстанции деяния переqualифицируют со ст. 207 на ст. 206 УК и наоборот. Как правило, это зависит от «интенсивности» применяемого насилия и обстоятельств преступления (время совершения, восприятие потерпевшим происходящего и т. д.) – во многом также субъективный критерий.

В данной связи целесообразно внести изменения в УК с целью облегчения задачи и конкретизации процесса квалификации насильственных преступлений против собственности, которые обозначат, что:

1) кража – тайное хищение, которое совершается скрытно от потерпевшего и очевидцев (или же очевидцы не понимают происходящее);

2) грабеж – открытое хищение, где преступник посягает на собственность потерпевшего явно, не гнушаясь очевидцев и не оказывает никакого насильственного воздействия для захвата собственности;

3) разбой – открытое хищение с применением насилия или угрозой его непосредственного применения без промежутка во времени (промежуток во времени – это когда у потерпевшего есть возможность поступить другим образом, нежели так как угодно преступнику);

4) вымогательство – хищение с применением психологического насилия, угроз применения физического насилия, где потерпевшему предоставляется возможность самому передать право собственности, саму собственность злоумышленнику.

Помимо этого целесообразно было бы дать специфику условиям применения насилия при совершении преступлений против собственности:

1) если насилие применяется с целью противоправного завладения собственностью, то данное деяние должно квалифицироваться как насильственное преступление против собственности. Если насилие используется для удержания похищенного имущества или успешного осуществления побега с места преступления, то здесь имеет место совокупность преступлений;

2) преступление против собственности считается оконченным при захвате или получении преступником собственности, на которую он посягал. В данной связи представляется разумным внести изменение в УК с той целью, чтобы состав ст. 207 (разбой) из усеченного стал материальным (т. е. преступление считалось оконченным по достижении преступником своей цели);

3) если же при разбое было совершено умышленное убийство, деяние необходимо квалифицировать по п. 12 ч. 2 ст. 139 УК без совокупности со ст. 207. В противном случае, как отмечает Н.А. Бабий, убийство квалифицируется дважды: частично (в части, входящей в разбой) как причинение тяжкого вреда здоровью и полностью (в части, выходящей за пределы разбоя) – как убийство [2]. Тем самым можно сказать, что из одного преступления искусственно выделяется другое и лицо несет ответственность дважды за одно и то же преступление;

4) обоснованным представляется рассмотрение вопроса о дополнении ст. 207 УК частью 4, которая предусматривала бы ответственность за причинение смерти по неосторожности (в случае если убийство не охватывалось умыслом преступника).

Таким образом, осуществление предложенных в данной статье мер позволит упростить и конкретизировать процесс квалификации преступлений против собственности, сопряженных с насилием, что впоследствии будет способствовать укреплению реализации принципов уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Хиллота, В.В. Хищение: способы совершения, вопросы квалификации и практики правоприменения / В.В. Хиллота. – Минск : Амалфея, 2014. – 672 с.
2. Бабий, Н.А. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений / Н.А. Бабий // Уголов. право. – 2006. – № 3. – С. 4.

УДК 343.1

А.И. Смирнов

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРУЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 35 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) начальник следственного подразделения наделен правом поручать производство предварительного следствия следователю, а в случае сложности и трудоемкости, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 185 УПК, расследование может быть поручено группе следователей (следственной группе).

Полномочия начальника органа дознания по поручению дознания определены в ч. 4 ст. 38 УПК. Этой же нормой начальник органа дознания вправе поручить дознание нескольким лицам.

Пункт 4 ч. 5 ст. 34 УПК наделяет прокурора полномочиями поручения предварительного следствия по возбужденному и принятому к своему производству уголовному делу группе прокуроров, а также группе следователей, по согласованию с начальниками соответствующих следственных подразделений.

Поручение производства предварительного следствия и дознания на стадии досудебного производства должно осуществляться единообразно и соответствовать определенному порядку и форме – уголовно-процессуальной форме. Несоблюдение уголовно-процессуальной формы часто приводит к грубым нарушениям закона, является препятствием для установления истины по уголовному делу и рассматривается как нарушение уголовно-процессуального закона [1, с. 18].

Вместе с тем анализ вышеперечисленных норм уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что порядок поручения производства предварительного расследования в форме предварительного следствия определен исключительно в случае поручения его группе следователей – путем вынесения соответствующего постановления. Более того, с вышеуказанным постановлением в обязательном порядке должен быть ознакомлен определенный круг участников уголовного процесса и разъяснением им права отвода любого из следователей, что максимально способствует соблюдению законности, в части обеспечения прав и законных интересов, участников уголовного процесса на стадии досудебного производства.

Анализ положений ст. 34, 35 и 38 УПК позволяет констатировать тот факт, что уголовно-процессуальная форма решения о поручении пред-

варительного расследования законодателем не определена, что на практике приводит к различным формам ее реализации. Так, в ряде случаев начальниками следственных подразделений и органов дознания поручение предварительного следствия (дознания) по уголовным делам осуществляется путем учинения резолюции об этом.

В то же время в результате изучения материалов уголовных дел установлено, что в ряде случаев реализация права поручения производства предварительного следствия следователю осуществляется путем дачи указания. В данном случае руководители следственных подразделений мотивируют свое решение положениями п. 4 ч. 2 ст. 35 УПК, согласно которому начальник следственного подразделения вправе давать указания следователю о производстве предварительного следствия, т. е. законодателем начальник следственного подразделения наделен правом дать указание о производстве предварительного следствия и одновременно поручить его производство следователю, что явно является коллизией, подлежащей устранению.

На наш взгляд, поручение производства предварительного следствия – решение, принимаемое в рамках уголовного процесса. Толковый словарь Ушакова дает значение слова «указание»: инструкция, совет, наставление, замечание, разъясняющее что-н., указывающее, как действовать [2]. В то же время значением слова «решение» является заключение, вывод из чего-н., избранный путь действий после обдумывания, обсуждения какого-н. вопроса [3].

Таким образом, поручение о производстве предварительного следствия и дознания – процессуальное решение, которое в соответствии с п. 24 и 36 ст. 6 УПК должно реализовываться путем вынесения соответствующего постановления, как при поручении предварительного следствия группе следователей (следственной группе), с разъяснением права отвода, в установленном законом порядке, следователя (дознателя, прокурора), в целях обеспечения законности по уголовному делу.

Говоря о процессе поручения производства предварительного расследования по уголовным делам, необходимо помнить, что п. 26 ст. 6 УПК закреплено, что предварительное расследование – это производство предварительного следствия и дознания по уголовному делу, однако про еще одну форму расследования дел – ускоренное производство – законодатель умолчал. Таким образом, обнаруживается неурегулированная ситуация, когда на практике начальниками следственных подразделений следователям поручается производство ускоренного производства по уголовным делам, однако законом таким правом начальники следственных подразделений, равно как и прокуроры, не наделены. Указанный

пробел в праве подлежит незамедлительному правовому регулированию. При этом, по нашему мнению, поручение начальника следственного подразделения о производстве расследования по делу в порядке ускоренного производства также должно осуществляться путем вынесения соответствующего постановления.

Подводя итог, полагаем, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве подлежат корректировке нормы, регламентирующие поручение предварительного расследования по уголовным делам, в том числе определяющие форму данного процессуального решения путем вынесения соответствующего постановления. Кроме того, необходимо нормативно закрепить возможность поручения начальником следственного подразделения производства ускоренного производства по уголовному делу. Также, на наш взгляд, из перечня полномочий начальника следственного подразделения, закрепленных в п. 4 ч. 2 ст. 35 УПК, необходимо исключить право дачи указания о производстве предварительного следствия.

Список использованных источников

1. Борики, С.В. Уголовный процесс : учеб. пособие / С.В. Борики. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск, 2019.
2. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakov-dictionary.ru/word.php?wordid=79763> (дата обращения: 13.03.2021).
3. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakov-dictionary.ru/word.php?wordid=66394> (дата обращения: 13.03.2021).

УДК 343.1

В.Ю. Стельмах

ЗАДАЧИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Уголовный процесс ряда постсоветских государств (в том числе Российской Федерации и Республики Беларусь) имеет самостоятельную стадию возбуждения уголовного дела. Несмотря на неоднократно высказанные в науке предложения о ее ликвидации, данная стадия продолжает существовать, и не имеется каких-либо серьезных оснований предполагать, что в обозримом будущем она исчезнет.

Определенный интерес вызывает вопрос о задачах стадии возбуждения уголовного дела. Общепринятой является точка зрения, что анализируемая стадия выполняет прежде всего роль фильтра, позволяющего отделить преступные действия от неправомерных [1, с. 7–8]. Это не что

иное, как установление оснований для возбуждения уголовного дела, т. е. выявление и фиксация достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления как такового. Таким образом, возбуждение дела отграничивает способы реагирования на преступления и деяния, не обладающие преступным характером. Иными словами, при выявлении признаков преступления оправданным выглядит «запуск» всего механизма уголовного судопроизводства, в том числе принудительных и обеспечительных мер: процессуального принуждения, следственных действий и т. п. Если же признаки преступления отсутствуют, то такое реагирование необоснованно и избыточно, оно не вызывается требованиями реальной обстановки, влечет нарушения прав граждан и бесполезное использование ресурсов правоприменительных органов.

Безусловно, что в качестве главной задачи стадии возбуждения уголовного дела сохраняется именно роль названного фильтра. Однако нельзя не отметить, что в современных условиях реализация данной задачи часто дает серьезные сбои. С одной стороны, в обстановке большого давления статистических показателей на оценку деятельности следователей стадия возбуждения уголовного дела часто используется для надуманного затягивания возбуждения дела, многократного вынесения решений об отказе в возбуждении дела, которые затем также многократно отменяются, причем иногда – в тот же день. С другой стороны, часто стадия возбуждения уголовного дела используется фактически для полномасштабного установления всех обстоятельств совершения преступления – точного определения размера ущерба, всех до единого потерпевших, а иногда даже и личности всех подозреваемых. При этом нельзя не отметить, что сроки стадии возбуждения уголовного дела, которые с учетом изменений УПК РФ стали достигать 30 суток (что одинаково со сроком дознания в общем порядке и превышает срок дознания в сокращенной форме) все равно недостаточны для того, чтобы полностью установить механизм совершения отдельных преступлений, например, мошенничество в долевого строительстве, создание «финансовых пирамид» и т. п., где имеются сотни, а иногда и тысячи потерпевших. Причем проблема здесь не просто в нехватке сроков (это можно было бы исправить путем очередного изменения уголовно-процессуального закона), а в принципиально неверном подходе к возбуждению уголовного дела, когда эта стадия используется для решения несвойственных задач, к которым она конструктивно не приспособлена.

В связи с этим представляется весьма своевременным уточнить круг задач, стоящих перед стадией возбуждения уголовного дела. Необходимо отметить, что эти задачи в любом случае следует рассматривать в па-

радигме того, что возбуждение уголовного дела как стадия уголовного судопроизводства предназначена для отграничения преступных событий от непроступных. Возбуждение уголовного дела не следует рассматривать как подготовительный этап предварительного расследования, когда основные «контуры» преступления известны, и необходимо лишь уточнить отдельные детали расследования. Возбуждение уголовного дела имеет принципиально иную основу, необходимость существования этой стадии обусловлена потребностью установить, было ли в действительности преступление как таковое.

Вместе с тем задачи стадии возбуждения уголовного дела не сводятся только к фильтрации. Точнее, другие задачи вытекают из основной, однако они не являются ее составными частями, а приобретают самостоятельный характер. Кроме основной задачи – фильтрации преступления, можно выделить следующие.

Во-первых, это принятие сообщений о преступлениях. Данная задача выражает публичный характер уголовного процесса. С одной стороны, обеспечивается доступность на обращение граждан к правосудию, с другой стороны, реализуется обязательность реагирования государства на совершенные преступления и уголовное преследование лиц, их совершивших.

Во-вторых, это фиксация и процессуальное закрепление следов преступления. Хотя стадия возбуждения уголовного дела не преследует цели полного и исчерпывающего установления обстоятельств преступления, часто имеют место случаи, когда неясно, что произошло – преступление, административное правонарушение либо гражданско-правовой деликт. В этих спорных ситуациях необходимо закрепить те следы происшедшего, которые могут быть вскоре утрачены по объективным или субъективным причинам, с тем, чтобы, если выяснится, что имело место преступление, можно было использовать соответствующие сведения для доказывания его обстоятельств.

В-третьих, важно то, что принятие решения о возбуждении уголовного дела дает возможность перейти к предварительному расследованию и полномасштабному осуществлению уголовно-процессуальной деятельности. Если до возбуждения уголовного дела возможно производство только незначительного числа следственных действий и недопустимо применение мер процессуального принуждения, то с возбуждением уголовного дела эти ограничения снимаются. С момента принятия указанного решения допускается производство всех предусмотренных законом следственных и иных процессуальных действий, применение всех мер принуждения, в том числе задержания подозреваемого, избра-

ние мер пресечения. Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела регламентирует переход от ограниченного, сугубо предварительного установления признаков события, к полноценному, подкрепленному и гарантированному принудительной силой государства.

Представляется, что названные задачи стадии возбуждения уголовного дела являются самостоятельными, а не просто составной частью задачи по фильтрации преступлений [2, с. 127–128]. Разработка и развитие теоретических представлений о данных задачах позволят более точно уяснить правовую природу стадии возбуждения уголовного дела, соответствующую ее месту в российском уголовном судопроизводстве, избежать постановки перед этой стадией избыточных и несвойственных задач и обеспечить выполнение реального предназначения такой стадии.

Список использованных источников

1. Марковичева, Е.В. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : монография / Е.В. Марковичева, В.Ф. Васюков. – М. : Проспект, 2016. – 80 с.
2. Стельмах, В.Ю. Дознание в органах внутренних дел : курс лекций / В.Ю. Стельмах. – Екатеринбург : Ур. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2015. – 262 с.

УДК 343.13

Е.В. Токарева, А.С. Виноградов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕМУ ПРАВА ИМЕТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Одним из актуальных вопросов в уголовно-процессуальном законодательстве России является право потерпевшего пользоваться помощью представителя.

Адвокат, являющийся представителем потерпевшего, обладает теми же правами, что и потерпевший. Но при этом адвокат имеет и дополнительные права, а именно:

- право собирать и представлять сведения в интересах доверителя путем: а) истребования предметов и документов; б) опроса лица с его согласия; в) привлечения специалиста;
- право встречаться с доверителем беспрепятственно, наедине, конфиденциально, без ограничения количества и продолжительности;
- право фиксировать материалы дела (в том числе снимать копии с по-

мощью технических средств), к которым адвокат в соответствии с законом имеет доступ в данный момент процессуальной деятельности;

право совершать иные действия в интересах доверителя, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Данные права относятся к общеправовым полномочиям адвоката, предоставленным ему ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1]. Однако отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) большинства указанных полномочий не позволяет адвокату, который является представителем потерпевшего, эффективно реализовывать его права.

Адвокат потерпевшего, выступая на стороне обвинения, должен доказывать вину обвиняемого, поскольку наступление уголовной ответственности в отношении обвиняемого – это условие восстановления прав потерпевшего, нарушенных преступлением.

Участие адвоката, труд которого оплачивается за счет средств федерального бюджета, в качестве представителя потерпевшего предусмотрено только по делам против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших шестнадцати лет. Таким образом, законодатель максимально сузил круг дел, по которым возможна защита прав потерпевшего адвокатом в качестве представителя за счет средств федерального бюджета.

При этом имеет место ряд спорных вопросов. Во-первых, как представляется, защита адвокатами несовершеннолетних потерпевших не должна зависеть от категории преступлений. Как справедливо отмечает В.М. Быков, защита адвокатом несовершеннолетних потерпевших только от половых преступлений нарушает права несовершеннолетних, пострадавших от иных тяжких преступлений [2, с. 38]. Во-вторых, участие адвоката не должно зависеть только от воли законного представителя. Часто жертвами преступлений становятся несовершеннолетние, родители которых в недостаточной мере занимаются их воспитанием, не выполняют свои родительские обязанности. Возможны ситуации, когда родители в силу определенных причин не заинтересованы в том, чтобы обеспечить права несовершеннолетних потерпевших. Поэтому, несмотря на то что несовершеннолетний, пострадавший в результате насилия, нуждается в помощи адвоката, родители могут не заявить соответствующего ходатайства. Полагаем, что ходатайство об участии адвоката может быть подано не только законным представителем, но и самим несовершеннолетним, а также его представителем, которым может являться родственник несовершеннолетнего или лицо, которому он доверяет. В-третьих, непонятно почему обязательно участие адвоката в уголовном деле, если совершено

преступление против половой свободы несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцати лет. Нередко преступления против половой свободы совершаются в отношении несовершеннолетних, достигших шестнадцати, но не достигших восемнадцати лет.

Что же касается лица, пострадавшего в результате преступления, то согласно ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего могут быть адвокаты, близкие родственники или родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший. Но в ст. 45 УПК РФ говорится только о защите прав лиц, которые уже признаны потерпевшими после возбуждения уголовного дела. Сложившийся дисбаланс противоречит положениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 7 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», в соответствии с которым «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» [3].

Таким образом, представитель потерпевшего, являющийся адвокатом, в значительной мере может повлиять на ход расследования, а именно: собрать сведения о характере и размере причиненного ущерба, ходатайствовать о производстве органами предварительного следствия необходимых следственных и иных процессуальных действий, участвовать в следственных действиях вместе с потерпевшим с целью обеспечения его прав и свобод.

Как представляется, в уголовном судопроизводстве мнение потерпевшего должно учитываться по многим ключевым вопросам, связанным с привлечением к уголовной ответственности. Так, в соответствии со ст. 22 УПК РФ потерпевший, а также его законный представитель или представитель имеют право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, выдвигать и поддерживать обвинение по уголовным делам частного обвинения.

УПК РФ не содержит прямого указания на право потерпевшего ходатайствовать об избрании меры пресечения. Многие ученые обоснованно отмечают, что потерпевший обладает указанным правом [4, с. 50]. Нелогично также отсутствие в УПК РФ норм о том, что потерпевший может обжаловать решение суда об отказе избрать обвиняемому меру пресечения, хотя потерпевший, в соответствии со ст. 123 УПК РФ, имеет право обжаловать бездействие суда, выразившееся в непринятии им вообще любого решения относительно мер пресечения. Право потерпевшего на обжалование соответствующих решений в ст. 108 УПК РФ прямо не

указано, но он этим правом обладает, исходя из смысла п. 18 ч. 2 ст. 42, ч. 11 ст. 108, ч. 1 ст. 127 и ч. 4 ст. 398.1 УПК РФ в их взаимосвязи.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп. на 31.07.2020 г.) // Собр. законодательства РФ. – № 23. – Ст. 2102.
2. Быков, В.М. Новый Закон о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве / В.М. Быков // Законность. – 2014. – № 4. – С. 38.
3. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 29 июня 2010 г., № 7 / КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.
4. Брусницын, Л.В. Право потерпевшего обжаловать не избрание меры пресечения / Л.В. Брусницын // Уголов. процесс. – 2009. – № 6. – С. 50.

УДК 343.126

Т.Л. Шерба

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ – НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Преодоление противодействия лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, предварительному и судебному следствию реализуется через механизм мер уголовно-процессуального принуждения, среди которых первостепенное место занимают меры пресечения. Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) добавлена новая мера пресечения – запрет определенных действий.

Уникальность данной меры пресечения для уголовного процесса Республики Беларусь состоит в том, что наряду с самостоятельным характером ее применения законодатель допускает возможность ее сочетания с домашним арестом. Так, согласно ч. 2 ст. 125 УПК домашний арест может сопровождаться запретами, предусмотренными ч. 3 ст. 123¹ УПК.

В качестве запретов ч. 3 ст. 123¹ УПК предусматривает следующие: находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться общей совместной собственностью – для

подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет; управлять транспортным средством – если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Контроль за соблюдением данной меры пресечения осуществляется с помощью мер контроля домашнего ареста (ч. 2 ст. 125 УПК). При этом при самостоятельном использовании новой меры пресечения изоляция лица от общества не предусмотрена.

Меры пресечения, которые не связаны с изоляцией подозреваемого, обвиняемого, можно определить как форму государственного принуждения, предопределяющую формирование у подозреваемого, обвиняемого внутренней мотивации правомерного поведения, основанную на возможности наступления в перспективе негативных последствий, в частности, применение более строгой меры пресечения. К данным мерам пресечения относятся подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, залог, а также новая мера пресечения – запрет определенных действий. Такие меры пресечения, как передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части и отдача несовершеннолетнего под присмотр имеют специальную направленность. Они применяются только в отношении особого субъекта – несовершеннолетнего или военнослужащего. Следовательно включение данных мер пресечения в общую иерархию нам представляется нецелесообразным.

Одним из проявлений индивидуализации мер пресечения является различная степень репрессивности и, как следствие, – обеспечительная способность каждой меры. Именно эти особенности позволяют варьировать и при избрании меры пресечения, а в случае нарушения обвиняемым, подозреваемым взятых на себя обязательств, связанных с надлежащим поведением, закон предусматривает возможность изменения примененной меры пресечения на более строгую. Данное положение и обусловило ступенчатую иерархическую последовательность закрепления мер пресечения в законе. Иерархия мер пресечения, не связанных с изоляцией лица, выстраивается в зависимости от количественной и качественной характеристики этих мотивов.

Так, подписка о невыезде и надлежащем поведении носит характер психического принуждения и в качестве мотива законопослушного поведения использует страх подозреваемого, обвиняемого перед применением в отношении его более строгой меры пресечения.

Личное поручительство, кроме вышеуказанного мотива, использует моральную ответственность подозреваемого, обвиняемого перед поручителями, которые оказали ему доверие и приняли на себя письменное обязательство обеспечить соответствующее поведение подозреваемого, обвиняемого, находящегося на свободе.

Обеспечительная возможность залога в первую очередь определяется страхом подозреваемого, обвиняемого понести имущественную ответственность за нарушение соответствующих запретов. В то же время лицо, в отношении которого применен залог, не только стремится сохранить свое имущество, которое он передал в залог, но и чувствует личную моральную и имущественную ответственность перед залогодателем, если залог вносит третье лицо, а также перед своими близкими, в случаях, когда обвиняемый, подозреваемый вносит залог самостоятельно. Кроме этого, на поведение подозреваемого, обвиняемого оказывает влияние угроза применения к нему более строгой меры пресечения, в частности, заключения под стражу и домашнего ареста.

Мотивация подозреваемого, обвиняемого на правомерное поведение при применении запрета определенных действий подкрепляется только возможностью изменения данной меры пресечения на более строгую (ч. 7 ст. 123¹ УПК), что равноценно обеспечительной способности подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Объективные факторы, указывающие на способность мер пресечения обеспечить поведение подозреваемого, обвиняемого в рамках дозволенного в течение всего времени их действия, определяются Н.В. Ткачевой как критерии их эффективности [1, с. 20]. Одним из таких показателей может служить соотношение количества примененных мер пресечения и количества обвиняемых, их нарушивших. К сожалению, в данный момент оценить эффективность запрета определенных действий не представляется возможным в связи с небольшим сроком существования данной меры пресечения. Вместе с тем сопоставление запретов и мер контроля за их соблюдением (ч. 3 ст. 123¹ УПК и ч. 2 ст. 125 УПК) вызывает определенные опасения насчет эффективности новой меры пресечения. Так, например, не совсем ясно, каким образом без изоляции лица от общества можно контролировать, использует ли подозреваемый (обвиняемый) средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет, учитывая распространенность и доступность различных гаджетов.

Несовершенство мер контроля может быть компенсировано усилением внутренней мотивации подозреваемого, обвиняемого на правомерное поведение. В связи с этим целесообразным видится предусмотреть возможность сочетания данной меры пресечения с личным поручитель-

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.98

И.А. Анищенко

ПОДГОТОВКА И НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебная почерковедческая экспертиза является одним из наиболее часто назначаемых видов криминалистической экспертизы. Существенное значение для ее качественного и оперативного проведения имеют подготовка и оформление материалов лицами, в компетенцию которых входит назначение экспертиз. Нарушение требований, предъявляемых к оформлению материалов, приводит к увеличению сроков их исследования, а в ряде случаев – к невозможности решения поставленных вопросов.

Объектом судебной почерковедческой экспертизы в широком смысле является почерк, а его производными на бумаге: рукописные записи (или их фрагменты), краткие записи, цифровые записи, подписи. При проведении данного вида исследования, исходя из целей, объектов исследования и обстоятельств выполнения исследования, решаются задачи, которые систематизируются на идентификационные, направленные на установление конкретного исполнителя исследуемой рукописи или факта выполнения двух и более рукописей либо разных их фрагментов одним лицом; диагностические, направленные на установление свойств, качеств, состояний исполнителя рукописи; диагностико-классификационные, направленные на отнесение исполнителя рукописи к определенной группе лиц.

Юридическим основанием проведения экспертизы является постановление лица, в компетенцию которого входит назначение экспертизы. Помимо общеизвестных элементов постановления о назначении экспертизы оно должно содержать: перечень документов с указанием их реквизитов, предоставляемых в распоряжение эксперта: исследуемые документы, документы со свободными и условно-свободными образцами почерка (подписей), экспериментальные образцы почерка (подписей); сведения об известных, достоверно установленных в ходе расследования (рассмотрения) дела обстоятельствах, относящихся к предмету экс-

ством или залогом, которые обладают высокой обеспечительной способностью за счет значительной степени репрессивности. Подобный опыт представлен в уголовно-процессуальном законодательстве Франции. Так, в соответствии со ст. 138 УПК Франции судебный контроль предусматривает 18 различных правоограничений. Например, обязательство пройти курс лечения; запрет на занятие определенными видами деятельности; запрет на общение с конкретными лицами; запрет покидать определенную территорию; запрет выхода из дома в определенное время; запрет управлять транспортными средствами, носить оружие и др. Правоограничения могут применяться как самостоятельно, так и в комплексе с мерой пресечения залог. При этом залог не входит в перечень указанных правоограничений, а применяется в совокупности с ними, для обеспечения гарантии исполнения обязательств, возложенных на обвиняемого [2].

Таким образом, введение в уголовный процесс новой меры пресечения – запрета определенных действий – расширяет возможности органа, ведущего уголовный процесс, по обеспечению надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого. Однако обеспечительная способность данной меры пресечения требует некоторого усовершенствования.

Список использованных источников

1. Ткачева, Н.В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Ткачева ; Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2003. – 23 с.
2. Code de procédure pénale France. Version consolidée au 2 avril 2021 [Ressource électronique] // Legifrance. – 2021. – Mode d'accès: <http://www.legifrance.gouv.fr/af-fichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154>. – Date d'accès: 02.04.2021.

пертизы: полные фамилия, имя, отчество предполагаемого исполнителя, его возраст, образование, профессия, при наличии возможности – состояние в момент выполнения исследуемой рукописи (алкогольное опьянение, болезненное состояние) и внешние условия, в которых этот объект выполнялся (например, неудобная поза), наличие заболеваний (травм), влияющих на письменно-двигательный навык. При необходимости исследования почеркового объекта, изображение которого содержится в копии документа, обязательно необходимо отразить факт невозможности предоставления оригинала документа; факт предоставления на экспертизу именно копии документа, а также способ и условия получения копии (при наличии такой информации в материалах дела, проверки), в противном случае эксперт будет обязан уточнить этот факт у инициатора экспертизы через ходатайство о предоставлении дополнительных материалов, чем продлит сроки проведения исследования.

При необходимости исследования подписи обязательно необходимо отразить сведения, от чьего имени значится подпись: от имени реально существующего лица (фамилия, инициалы) или от имени вымышленного лица.

При проведении почерковедческой экспертизы исключительное значение имеет подбор и оформление сравнительного материала. Разнообразие и количество требуемых образцов обусловлено сложной природой и особенностями объекта почерковедческой экспертизы – почерка – его вариационностью, некоторой изменчивостью с течением времени, зависимостью от внешних и внутренних факторов.

Поэтому в распоряжении эксперта должны быть как свободные, так и экспериментальные образцы почерка и подписей лиц, подозреваемых в выполнении каких-либо почерковых объектов.

При получении образцов для сравнительного исследования инициатор экспертизы должен соблюдать следующие требования:

несомненность происхождения образцов, т. е. бесспорная принадлежность их конкретному лицу, от имени которого они предоставляются. Если подлинность образцов отрицается лицом, от имени которого они значатся, либо достоверность образцов вызывает сомнения, они не могут быть предоставлены эксперту в качестве образцов;

сопоставимость образцов по времени выполнения: разрыв во времени выполнения исследуемого документа и образцов должен быть минимальным; письменности и языку: при разной письменности могут отсутствовать сопоставимые письменные знаки, а при одинаковой письменности, но разных языках нельзя судить о признаках речевой деятельности; содержанию, составу и целевому назначению: в аналогичных по

форме и содержанию документах, как правило, проявляются те же признаки, что и в исследуемом документе; по материалу письма: образцы выполняются таким же пишущим прибором, что и исследуемый объект (например, шариковая, гелевая ручка, карандаш и т. д.) и на такой же поверхности (например, лист бумаги, древесина, картон и т. д.); по способу выполнения: образцы выполняются способом, аналогичным способу выполнения исследуемых рукописей, например, с подражанием буквам печатных форм, непривычно пишущей левой рукой и др.; по условиям выполнения: предоставленные образцы должны быть выполнены в условиях, аналогичных или близких условиям, в которых выполнена исследуемая рукопись (например, на вертикально расположенной поверхности, на коленях и т. д.); по темпу письма: при письме в медленном, быстром или ускоренном темпе признаки отображаются по-разному; языку написания;

достаточность образцов – это такой их объем, который обеспечивает возможность полного и всестороннего сопоставления всех признаков в исследуемых почерковых объектах. В каждом конкретном случае требуемый объем образцов зависит от специфики объекта и складывающейся экспертной ситуации.

Необходимо обратить внимание, что образцы предоставляются в оригиналах документов. В случае предоставления образцов почерка (подписи) в копиях документов они используются при условии высокого качества и наличия достаточных по качеству и количеству образцов в оригиналах документов. Использование сравнительных материалов только в копиях допускается в исключительных случаях: при отсутствии оригиналов, а также достаточном объеме почерковой информации (например, копии листов с рукописными текстами).

Существенные особенности присутствуют при подготовке многообъектной экспертизы, в рамках которой исследуются, как правило, более десяти различных проверяемых почерковых объектов или более пяти проверяемых лиц.

Поскольку работа с большим объемом объектов увеличивает сроки проведения исследования, эксперты предлагают разделить их на несколько групп (не более 40–50 объектов) и в отношении каждой из них вынести отдельное постановление (определение), целесообразно разбить ее на несколько меньших по объему материалов. В таком случае исследуемые документы разбиваются на группы, и в отношении каждой выносится отдельное постановление.

Исследуемые документы группируются: по лицам, от имени которых значатся исследуемые подписи, например, выделить в разных до-

кументах все подписи от имени одного реально существующего лица; по исследуемым документам: объединить все подписи от имени разных лиц в одной или нескольких ведомостях; по предполагаемым исполнителям, для чего необходимо точно определить круг этих лиц по каждому документу или группе документов.

Соблюдение всех перечисленных особенностей назначения судебной почерковедческой экспертизы позволит улучшить качество и сократить сроки производимых исследований.

УДК 343.9

А.Д. Белоусов

АКТИВИЗАЦИЯ ВНУТРЕННИХ РЕСУРСОВ СЛЕДОВАТЕЛЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ СИТУАТИВНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Проблематика активизации внутренних ресурсов или ресурсов личности следователя, несомненно, попадает в сферу внимания криминалистического аспекта организации расследования преступлений, связанного, в свою очередь, с познанием закономерностей, характеризующих персональную деятельность данного профессионала [1, с. 78].

Изучение соответствующей правоприменительной практики предоставляет свидетельства имеющихся резервов повышения ее эффективности за счет мобилизации сотрудником дополнительных собственных личностных ресурсов.

Затруднения сотрудников выявляются в таких аспектах их профессиональной самоорганизации, как оперативность отыскания правильного решения в условиях цейтнота, рациональность распределения рабочего времени между ключевыми операциями деятельности [2, с. 460–466], планирование работы [3], задействование оптимальных стилей и стратегий мышления [4, с. 101–111] и др.

Налицо проблема общей функциональной и профессиональной надежности определенного числа следователей за счет личностно обусловленных ограничений в саморегуляции.

С опорой на многолетний опыт изучения тематики психологического обеспечения следствия и дознания в органах внутренних дел, считаем, необходимо сделать вывод об отсутствии достаточной степени разработанности и внедрения в практику тематики, посвященной активизации сотрудниками собственных психологических ресурсов.

Имеющиеся материалы не предоставляют практикам комплексных, системных знаний, а ограничиваются частными рекомендациями по

контролю собственных эмоциональных состояний и методиками по волевой мобилизации. Такой диапазон изложения не способствует формированию соответствующей компетентности следователей.

В качестве матрицы для системного исследования мы использовали структуру логических уровней, применяемую в методологии нейролингвистического программирования [5, с. 190–197]. Данные взаимоподчиненные уровни удобны для исчерпывающего изучения многих проблем личностного плана.

Спроецировав на эту структуру все многообразие современных классификаций психологических ресурсов, имеющихся в распоряжении профессионала, для целей практической применимости в следственной деятельности мы очертили следующие иерархические уровни внутренних психологических ресурсов:

1 – базовый ресурс личности – логические уровни «Идентичности» (Кто я?), «Миссии» (Во имя чего?) и «Духовности» (Частью чего я являюсь?);

2 – диспозиционные ресурсы – логические уровни «Ценностей» (Почему?) и «Способностей» (Как?);

3 – ситуационные ресурсы – логические уровни «Действий» (Что делать?) и «Окружения» (Где делать?).

Таким образом, каждый уровень ресурсов следователя отвечает за соответствующий пласт реализуемых задач, которые характеризуются разной степенью личностной глубины:

1 – задачи личностного роста;

2 – задачи повышения профессионального потенциала;

3 – задачи для эффективности осуществления отдельных следственных действий через задействование разных сфер личности.

Учитывая факторы времени и усилий, затрачиваемых на формирование ресурсной базы на каждом из уровней, наиболее скорое влияние на показатели эффективности следственной деятельности, очевидно, способны оказать ситуационные ресурсы.

Ресурсы этого вида в наибольшей степени определяются условиями, в которых они задействуются, и сравнительно легко активизируются в текущем режиме соответствующими психотехниками. Важным методическим приемом или условием успешности данной активизации является понимание сотрудником структуры этих ресурсов, их отличий и схемы оперирования ими. Данный подход, по нашему мнению, значительно важнее знаний о сумме отдельных приемов, улучшающих функционирование психики в складывающихся условиях расследования.

В соответствии с предлагаемой «Технологией оптимальной активизации ситуативных психологических ресурсов» они подразделяются на

мыслительные (когнитивные), эмоциональные, мотивационно-волевые, поведенческие.

Каждая из зон в основном соответствует отдельному виду деятельности следователя, зафиксированному в его профессиограмме.

В соответствии с разработанной технологией может быть предложен следующий алгоритм оперирования данными ресурсами.

1. Предварительно следователю необходимо иметь представление о названных сферах, как о неких базах ресурсов, к которым следует обращаться по мере необходимости. Таким образом, эти хранилища ресурсов (R) будут четырех типов:

мыслительные (когнитивные) – включают ресурсы для логических операций; интуитивной, преобразовательной, творческой работы; мыслительных действий, связанных с восприятием, обработкой, оперированием информацией, ее запоминанием и воспроизведением, а также подобных процессов;

эмоциональные – включают ресурсы по ситуативному эмоциональному совладанию с трудной ситуацией, созданию нужного настроения, мгновенному вхождению в нужное психическое состояние и пр.;

мотивационно-волевые – включают ресурсы, обеспечивающие функциональную готовность независимо от имеющихся препятствий и неблагоприятных условий, а также ресурсы, позволяющие длительное время удерживать необходимую концентрацию внимания, настойчивость, собранность и другие состояния;

поведенческие – включают ресурсы, способствующие совершению оптимальных действий, шагов, операций в процессе расследования преступлений; эти ресурсы способствуют аккуратности, пунктуальности и пр., с точки зрения мысленного контроля над поведением.

2. Поводом для обращения к нужной базе ресурсов должен быть запрос сотрудника, который выражается в осознании конкретного затруднения. Например, если требуется активизировать формулирование новых версий при недостатке доказательственной базы по уголовному делу.

В предлагаемой технологии данный уровень назван «Симптом» (S), так как указывает на соответствующую проблемную область, психологические ресурсы для которой находятся в соответствующей базе ресурсов (R). В данном примере, очевидно – в базе мыслительных (когнитивных) ресурсов.

3. Следующий элемент технологии – «Психотехники» (Т), направленные на достижение поставленной цели по разрешению возникшего профессионального затруднения за счет активизации психологического ресурса из соответствующей базы (R). В свою очередь, для решения одной

и той же задачи по устранению конкретного «симптома» (S) может существовать значительное число техник (Т). В частности, для приведенного примера может быть использована техника по активизации интуиции.

С использованием данной технологии «Ресурс – Симптом – Техника» (R-S-T) все многообразие психотехник может быть систематизировано по задачам, соответствующим одной из четырех ресурсных баз, и далее следователем может быть использована та из них, которая больше соответствует его наклонностям, имеющемуся времени и которая достаточно доступно описана во многих источниках информации.

Список использованных источников

1. Можяева, И.П. Организация расследования преступлений: правовые, управленческие и криминалистические аспекты / И.П. Можяева // Тр. Акад. упр. МВД России. – М., 2013. – № 4 (28). – С. 78.

2. Долгинов, С.Д. Информационные технологии следственной деятельности / под ред. О.А. Кузнецовой [и др.] // Перм. юрид. альм. Ежегод. науч. журн. ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – 2018. – № 1. – С. 460–466.

3. Удовиченко, В.С. Научная организация труда дознавателя (следователя) органов внутренних дел : учеб.-метод. пособие / В.С. Удовиченко ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Барнаул. юрид. ин-т. – Барнаул : НИ и РИО БЮИ МВД России, 2014. – 30 с.

4. Белоусов, А.Д. Применение стилевого подхода к описанию интеллектуальной деятельности следователей и дознавателей // Приклад. юрид. психология. – 2018. – № 1 (42). – С. 101–111.

5. Дилтс, Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Роберт Дилтс. – СПб. : Питер, 2012. – С. 190–197.

УДК 343

А.В. Вальтер

ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Актуальность темы исследования обусловлена растущим количеством поступающих спам-звонков (вишинг [1]), смс-сообщений на телефонные номера как граждан России, так и Республики Беларусь, целью которых, как правило, является совершение дистанционного электронного мошенничества.

Так, в настоящее время в уголовно-правовой доктрине, принимая во внимание криминалистические знания, отсутствует однозначное мнение относительно понятий о мошеннических действиях, совершаемых удаленным способом с применением телефонной и интернет-связи, не выработана единая научная аббревиатура, исследователи указывают на различные категории преступлений – «IT-преступления», «киберпреступления» и др.

В ходе проведенного анализа отдельных фактов электронного дистанционного мошенничества были выделены общие элементы их совершения: в поисках возможностей совершить хищение денежных средств с банковских счетов граждан большинство поступающих спам-звонков, смс-сообщений совершались с использованием злоумышленниками специальной техники обмана – «социальной инженерии» [2, с. 188–210], – которая в настоящее время достаточно исследована. Весомую роль, полагаем, занимают откровения о технологиях обмана, изложенные в исследованиях бывшего хакера, а в настоящее время эксперта по компьютерной безопасности в США Кевина Дэвида Митника, «Искусство обмана» [3].

Страхи в виде потери денежных средств, хранящихся на банковском счете, в совокупности с имеющимися новейшими возможностями дистанционного контроля потерпевшего и использованием специального программного обеспечения, интернет- и телефонного соединения представляют для мошенников в настоящее время практически безграничные возможности в ходе совершения преступной деятельности, связанной с дистанционным электронным мошенничеством.

Так, с целью дальнейшей алгоритмизации проведения следственных действий по уголовным делам, предусмотренным ст. 159, 159.3, 159.6 УК Российской Федерации, совершенным бесконтактным способом, необходимо создание единой уголовно-правовой концепции в виде отдельной категории преступлений, именуемой дистанционное электронное мошенничество. Так, В.Г. Любан в своем исследовании 2019 г. использовал термин «дистанционное мошенничество» [4, с. 66–69], однако по настоящее время данный термин не был раскрыт в полном объеме.

По нашему мнению, именно дистанционное электронное мошенничество – это хищение имущества в виде безналичных денежных средств и (или) электронных денежных средств с использованием электронных средств платежа, в совокупности с технологиями обмана, информационно-телекоммуникационным или телефонным способом.

Анализируя уголовное законодательство Республики Беларусь, представляется, что факты электронного дистанционного мошенничества рассматриваются в аспекте ст. 209 «Мошенничество» УК Республики Беларусь.

Так, например, следователь, используя общедоступные базы данных, может инициативно установить первоначальную информацию для дальнейшего направления запросов в соответствующие коммерческие организации, предоставляющие различные цифровые услуги (провайдеры сотовой связи и интернета, IP-телефония, услуги доменных имен, хостингов и др.).

Приведем пример одного из распространенных способов дистанционного электронного мошенничества, при котором на телефон потерпевшего поступает спам-звонок с целью получить конфиденциальную информацию о банковском счете, после чего последний сообщает злоумышленнику всю необходимую информацию о своем банковском счете, банковской платежной карточке, пин-коды и преступник распоряжается похищенными безналичными денежными средствами. В данном аспекте возникают определенные сложности временного характера, т. е. вопросы охраны конфиденциальных данных банковских счетов клиентов, когда в силу вступает законодательство в области банковской деятельности, охраняющей тайну лиц, осуществляющих открытие счетов, платежей и другие операции в кредитно-финансовой сфере [5, 6]. В связи с чем, полагаем, целесообразно с целью сокращения времени для установления первоначальной информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу, получение потерпевшим инициативно выписки по банковскому счету (с которого у лица совершили хищение безналичных денежных средств) и передачей данной информации следователю, а также в кратчайшие сроки получение развернутой информации от оператора сотовой связи, на котором зарегистрирован абонентский номер, о поступившем звонке от злоумышленника. Необходимо также учитывать, что в настоящее время могут использоваться различные уловки с применением Voice over IP-телефонии и искусственного изменения входящего номера телефона с целью войти в доверие к жертве (спуфинг) [7, с. 928].

Следователь также имеет возможность самостоятельно установить предварительную информацию об актуальном операторе связи, смене оператора связи, смене абонентского номера телефона злоумышленника, используемом устройстве (телефон, планшет, компьютер и др.) путем использования программных средств, представленных на интернет-сайтах www.zniis.ru, www.htmlweb.ru и др., и осуществить впоследствии направление запросов актуальным операторам связи, представляющим в том числе услуги Интернет-телефонии.

Так, в связи с поступившими в наш адрес телефонных спам-звонков от оператора колл-центра банка, которая сослалась на некие финансовые операции, проведенные с использованием банковской платежной карточки, и попыталась с использованием технологии «социальной ин-

женерии» установить конфиденциальную информацию о банковских счете, платежной карточке. В ходе проведенного эксперимента была осуществлена проверка по открытым источникам баз данных в отношении абонентского номера звонившего абонента (по входящему номеру телефона): 8 (495) 201 XX XX и установлено, что телефон зарегистрирован оператором связи ЗАО (АО) «Кантри...» (г. Москва, 127018, проезд Марьиной Роши...., генеральный директор – И.С.И.). Таким образом, в ходе проведенных технических манипуляций был инициативно установлен оператор связи и иная значимая информация.

В ином случае использовались спам-рассылки: «Не смогла до Вас дозвониться. На Ваши Ф.И.О. истекает срок получения денежной компенсации. Получите на сайте <http://www.compensacia.online>». В ходе проведенной проверки установлено, что сайт зарегистрирован 13 февраля 2021 г., registrar URL – www.name...com, registrant organization: PrivacyGuardian.org (США, штат Аризона), контакты для связи с организациями, имеющими отношение к регистрации доменного имени: abuse@name...com, телефон: +1.480524XXXX.

Приведенные примеры – это лишь часть имеющихся проблем в ходе расследования фактов дистанционного электронного мошенничества, так как в дальнейшем возникают сложности в рамках международного взаимодействия и иных ограничений в ходе поиска цифровых следов преступления (VPN-шифраторы IP-адресов, использование подложных паспортных и иных данных при регистрации домена, использование зарубежных хостинг-ресурсов, оплата за услуги интернет- и мобильной связи сторонними лицами и др.).

Проведенный мини-эксперимент позволил показать, что возможно оперативно получить первоначальную информацию о цифровых следах преступления [8, с. 4–19] для построения следственных версий по оставленным злоумышленниками цифровым следам в ходе спам-прозвона, смс-сообщений, регистрации спам-сайтов и фактам оплаты за абонентские номера и иные телекоммуникационные ресурсы.

Список использованных источников

1. Следы телефонного мошенничества с банковскими картами ведут в Россию и Украину [Электронный ресурс] / Белта-Новости Беларуси. – Режим доступа: <https://www.belta.by/incident/view/sledy-telefonnogo-moshennichestva-s-bankovskimi-kartami-vedut-v-rossiju-i-ukrainu-mvd-370833-2019>. – Дата доступа: 12.03.2021.
2. Грачева, Ю.В. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев // Право. Журнал Высш. шк. экономики. – 2020. – № 1. – С. 188–210.

3. Mitnick Kevin, W.I. Simon The art of deception. – 2002.

4. Любан, В.Г. Правовой анализ практики направления по территориальной подследственности материалов доследственной проверки с признаками дистанционных хищений безналичных денежных средств / В.Г. Любан // Рос. юстиция. – 2019. – № 5. – С. 66–69.

5. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 2 дек. 1990 г., № 395-1 : в ред. от 30.12.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

7. Кондрат, Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия / Е.Н. Кондрат. – М. : Юстициформ, 2014. – 928 с.

8. Доминик, Б. Цифровые доказательства в немецком уголовном процессе на стадиях предварительного расследования, рассмотрения дела по существу и ревизии / Б. Доминик, Я. Маттиас // Рос. право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 4–19.

УДК 343.98

Д.Г. Вильмак

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАКТУ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ

Традиционно этап возбуждения уголовного дела анализируют как своеобразный фильтр уголовного судопроизводства. Мы согласны с суждением ученых, считающих, что собственно с этой позиции данная стадия уголовного процесса и остается в законодательстве, обязывая правоприменителя принимать нужные меры к скрупулезной проверке сведений о правонарушении, с тем, чтобы не допустить приведения в действие всего механизма уголовного судопроизводства напрасно [1, с. 27–31].

После возбуждения уголовного дела следователь начинает проведение процессуальных действий, которые направлены на раскрытие и расследование конкретного правонарушения или в отношении конкретного лица. От скорого и верного решения вопроса о возбуждении уголовного дела во многом зависит его успешное расследование с дальнейшим направлением в суд.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь и Российской Федерации для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо убедиться в при-

сутствии повода и основания для его возбуждения. Уголовное дело возбуждается следователем:

во-первых, не по его произвольному усмотрению, а исключительно со ставшими ему известными данными о признаках совершенного незаконного вылова рыбы или других водных животных;

во-вторых, в отсутствие оснований для отказа в возбуждении уголовного дела;

в-третьих, при соблюдении ряда других, предусмотренных уголовно-процессуальным и уголовным законодательством, условий [2, с. 29–34].

Исходя из этого, основная задача следователя на анализируемом этапе уголовного процесса – это установить, имеются ли правовые предпосылки для начала производства по уголовному делу [1, с. 27–31].

При этом данные о признаках незаконной добычи рыбы или других водных животных могут быть получены исключительно из предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников, обозначенных в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь как поводы для возбуждения уголовного дела (ст. 166), к числу которых законодатель относит:

заявления граждан;

явка с повинной;

сообщения должностных лиц государственных органов, иных организаций;

сообщение о преступлении в средствах массовой информации;

непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления.

Так, еще 60 лет назад Р.Д. Рахунов писал, что поводом называется «источник, в котором содержится сообщение о преступлении» [3, с. 31]. В свою очередь, С.В. Бородин под поводом для возбуждения уголовного дела понимал «источник, из которого компетентным органам государства или их должностным лицам становится известно о готовящемся или совершенном преступлении» [4, с. 27]. Сходные по правовому содержанию определения дают и современные авторы – Н.А. Власова [5, с. 69], Н.С. Манова [6, с. 181] и др.

Нужно отметить, что поводы к возбуждению уголовного дела о незаконной добыче рыбы или других водных животных в Республике Беларусь обладают определенной спецификой и имеют ряд отличий от соседних стран, а именно Российской Федерации. Так, для Российской Федерации наиболее типичным является непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления, в том числе при проведении специальных операций, например, «Путина». Сложившаяся ситуация, с одной стороны,

объясняется тем, что такой вид преступлений, как незаконная рыбалка, обладает высокой латентностью для органов, ведущих уголовное преследование. С другой стороны, сотрудники организаций и ведомств, работающих в природоохранной сфере, по роду своей деятельности, регулярно сталкиваются с проявлениями незаконной рыбалки, о чем и сообщают в правоохранительные органы. Кроме того, необходимо учитывать, что в Российской Федерации этот повод сформулирован несколько шире, чем в Республике Беларусь. В п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ в качестве повода для возбуждения уголовного дела указано сообщение о совершенном или готовящемся правонарушении, которое получено из других источников. Российский законодатель не устанавливает перечень источников, из которых могут быть приобретены сообщения о правонарушениях. Следовательно, можно предположить, что все сообщения о совершенных или готовящихся правонарушениях, которые стали известны сотрудникам правоохранительных органов из всякого источника, не будучи неподписанными, а также прямое выявление признаков правонарушения являются поводом для возбуждения уголовного дела. Это обозначает, что сотрудники правоохранительных органов, которые получили такие сообщения либо сами, прямо выявившие признаки правонарушения, должны приступить к уголовно-процессуальной деятельности, т. е. к проверке данного сообщения либо прямого выявления признаков правонарушения с момента получения сообщения.

Специфика анализируемого повода заключается в непосредственности выявления признаков правонарушения сведущими органами.

В этой связи определение оснований для возбуждения уголовного дела предполагает решение двух неразрывно связанных (весьма условно) между собой задач:

установление фактической стороны совершенного деяния с целью выяснения вопроса о том, имеются ли такие признаки состава преступления, как объект и объективная сторона;

уголовно-правовая оценка деяния, в результате чего появляется возможность сформулировать вывод о наличии признаков конкретного преступления, должна даваться с учетом применения общих правил квалификации.

Список использованных источников

1. Макаренко, М.М. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы / М.М. Макаренко, С.В. Ермаков // Рос. следователь. – 2015. – № 6. – С. 27–31.
2. Кожокар, В.В. Теоретико-правовые проблемы формирования поводов и основания для возбуждения уголовного дела / В.В. Кожокар // Рос. следователь. – 2015. – № 15. – С. 29–34.

3. Рахунов, Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. – М., 1954. – 31 с.
4. Бородин, С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела / С.В. Бородин. – М., 1970. – 27 с.
5. Власова, Н.А. Досудебное производство в уголовном процессе / Н.А. Власова. – М., 2000. – 69 с.
6. Манова, Н.С. Уголовный процесс : курс лекций / Н.С. Манова. – М., 2010. – 181 с.

УДК 34.343

В.С. Гальцов, Е.А. Готовчиц

ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКОВ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА С ПОЗИЦИИ ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Цель 16 в области устойчивого развития Организации Объединенных Наций – существенно снизить коррупцию и взяточничество во всех формах в рамках международных усилий, направленных на обеспечение мира, справедливости и социальных институтов. Это вызвано тем, что, по данным ООН, ежегодный объем взяток в мире оценивается в 1 трлн долларов США. При этом мировая экономика теряет еще 2,6 трлн долларов в связи с коррупционной деятельностью.

В настоящее время все чаще можно услышать про коррупцию, которая является одной из самых острых проблем в Республике Беларусь. Так, в докладе «Барометр мировой коррупции» международной организации Transparency International говорится, что каждый пятый житель Беларуси, или 20 % граждан страны, в 2016 г. давал взятки при обращении за государственными услугами. При этом нельзя не отметить положительных тенденций в вопросах борьбы с коррупцией в нашем государстве. Так, по данным вышеназванной организации, Беларусь в рейтинге 2020 г. набрала 47 баллов и заняла 63-е место, в 2019 г. – 45 баллов, 66-е место. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, за совершение преступлений коррупционной направленности в 2020 г. в Беларуси осуждено 684 человека, или на 32,1 % меньше, чем в 2019 г. (1 007 человек).

В обобщенном виде взятка – это незаконный или неэтичный подарок, или лоббистская попытка повлиять на поведение получателя. Анализ видов взяток, с позиции профилактики, позволяет утверждать, что многие факты, происходящие в рамках хозяйственной или административной деятельности, могут быть справедливо обозначены как взятки: выгод-

ная сделка, необоснованная победа в тендере (конкурсе), внеочередное или внеплановое финансирование (взнос в уставный фонд, пожертвование, спонсорство), завышенная цена контракта, первоочередная оплата дебиторской задолженности, более высокооплачиваемая работа или продвижение по службе, незаконная льгота, бесплатные услуги, незаслуженные скидки, подарки (презенты), бесплатные поездки (билеты, продукты питания), поддержка в административных отношениях и т. п.

Исследуя различные аспекты криминалистической профилактики взяточничества, было обращено внимание на то, что многие взятки предоставлялись как само собой разумеющееся по принципу «ты мне – я тебе», а в некоторых случаях участники коррупционного события даже не задумывались о том, что их действия фактически являются дачей и получением взятки. Заинтересовавшись данными фактами, мы обратили внимание на исторические и социальные корни взяточничества. Коррупция и взяточничество – явления многообразные и затрагивают многие аспекты жизни человека, общества и государства. Так, изучая исторические корни взяточничества приходим к выводу, что взяточничество, его зачатки или элементы присутствовали на протяжении развития всей культуры человечества. Например, во времена язычества, подношения (жертвоприношения) богам давались за их благосклонное отношение к тем или иным сторонам жизни просителя. Дань в основном была формой ограбления поработенных народов, но «хорошая дань» могла служить способом добиться от завоевателей более легкого положения для себя (семьи, родственников). Сама взятка, как негативное общественное явление, по нашему мнению, сформировалась с момента разделения древнего общества на классы, где часто обращение в судебные, административные или военные структуры общества и государства без подношения не сулило положительного исхода дела.

Оценивая неправовые регуляторы общественных отношений, можно найти те или иные элементы взяточничества. Например, свадебным обычаем является подарок невесты родителям жениха за более мягкое отношение к невестке при переходе жить в семью мужа, в корпоративных отношениях это более привилегированное положение руководителя (лучший кабинет, лучшая офисная мебель, наиболее оснащенное рабочее место, при покупке служебного автотранспорта новый отдается руководителю, а бывший в употреблении передается в нижестоящее подразделение). Традиционным в общественных отношениях можно считать то, что лицо, обратившееся за реализацией своих прав и интересов или какой-либо услугой, общественным мнением, заранее ставится в какое-то неловкое положение, принижающее его социальный статус.

В отдельных семьях обращение к супруге с просьбой (например, поездка с друзьями на рыбалку) и подарком за положительное его разрешение является само собой разумеющимся. У большинства представителей белорусского общества сформировано мнение, что вызов работника коммунальных служб (сантехника, электрика и т. п.) не обходится без чаевых, оплаты сверх официального прейскуранта или мимо кассы.

Вышеописанное приводит к неправильному отношению отдельных представителей общества к проблемам коррупции и взяточничества по принципам «своя рубашка ближе к телу», «лишь бы решить вопрос» и т. п. Так, например, неверное общественное мнение сформировало негативный образ взяточника-сотрудника ГАИ, при котором нередки случаи попыток водителей подкупить сотрудника органов внутренних дел за непривлечение их к ответственности при нарушении правил дорожного движения. Подобные негативные явления встречаются в системах жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, правоохранительных органов и др.

При рассмотрении профилактики взяточничества стоит обратить внимание на опыт социальных и культурных норм других государств. Например, во многих странах пожертвования на политическую кампанию в виде наличных денег считаются преступным подкупом, а в Соединенных Штатах Америки, при условии соблюдения законодательства о выборах, являются законными. Чаевые в скандинавских странах являются взяточничеством, в то время как в некоторых европейских и арабских странах это норма.

Интересно рассмотрение лексических значений понятия взяточничества в разных странах. Так, в некоторых испаноязычных странах взятки называют мордида (буквально «укус»). В арабских странах взятки могут называться бакшиш (чаевые, подарок или чаевые) или шай (буквально «чай»). Франкоязычные страны часто используют выражения «dessous-de-table» («подпольные» комиссии), «pot-de-vin» (буквально «винный горшок») или «Commission occulte» («секретная комиссия» или «откат»). Хотя последние два выражения по своей сути содержат негативный оттенок, выражение «dessous-de-table» часто можно понимать как общепринятую деловую практику. В немецком языке широко используется термин Schmiergeld («сглаживание денег»).

Подводя итог изложенному, можно отметить, что взяточничество является наиболее опасным и распространенным видом коррупционных преступлений, имеющим глубокие исторические и социальные корни. Видится, что неправильное отношение отдельных членов общества к проблемам коррупции и взяточничества, сформированное под воздей-

ствием некоторых общественных тенденций, ведет к общему осуждению данного вида преступной деятельности, однако при решении частных вопросов граждане не готовы стать на путь полного отказа от быстрого решения личных проблем в свою пользу. В связи с чем профилактика видится актуальной задачей для перспективы противодействия взяточничеству в белорусском обществе.

УДК 343.985.32

Н.И. Герасименко

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мобильный телефон – устройство, предназначенное для передачи данных беспроводным путем с помощью телекоммуникационных систем. Слово «мобильный» произошло от англ. mobile, что в переводе на русский язык означает подвижный, передвижной, изменчивый [1].

Назначение и производство экспертизы предназначено для решения вопросов в рамках уголовно-процессуальной деятельности посредством привлечения лиц, обладающих специальными знаниями. В ходе осмотра самого мобильного телефона следователь может не получить доступ в информационную составляющую мобильного устройства ввиду наличия на нем блокировки. В данных случаях необходимо направить телефон для производства судебной компьютерной экспертизы.

Сотовый телефон как предмет материального мира может оставлять на себе следы контакта с ним. На корпусе телефона можно обнаружить потожировые следы, волосы, следы слюны, крови или спермы и иные биологические выделения, также следы пальцев рук и иное. Однако для расследования преступления основополагающее значение имеет компьютерная экспертиза.

В научной среде происходит дискуссия по поводу введения нового вида экспертизы, именуемого экспертиза средств сотовой связи [2, с. 156]. По мнению ученых, она должна совмещать все известные способы исследования мобильного телефона. Нам становится понятно, почему предлагается такое нововведение, данный факт обусловлен, в свою очередь, большим объемом разного формата информации, хранящейся на устройстве. Да, определенно можно назначить проведение комплексной экспертизы, но видовая обособленность объекта исследования и широкое его распространение среди населения говорят о необходимости создания узконаправленного вида экспертиз. Сосредоточен-

ность квалифицированных сотрудников позволит выявить новые способы исследования мобильного устройства.

Судебно-компьютерная экспертиза назначается для исследования устройства и данных, хранящихся в нем. В зависимости от объекта исследования выделяют несколько видов компьютерной экспертизы: аппаратно-компьютерная, программно-компьютерная, информационно-компьютерная, компьютерно-сетевая.

Данная классификация позволяет определить цели и методы исследования объекта. Аппаратно-компьютерная экспертиза проводится с целью установления модели устройства и его технических характеристик, а также ставится вопрос о внесении изменений в конструкцию и причинах неисправности. Достаточно остро стоит вопрос о появлении в обороте инновационных технологий, исследование которых для простого пользователя превращается в сложную задачу. Часто задаваемые вопросы при назначении экспертизы:

1. Является ли представленный предмет аппаратным средством?
2. В рабочем ли он состоянии находится?
3. Имеются ли у него неисправности?
4. Каков характер повреждений?
5. Имеется ли блок памяти и в рабочем ли состоянии?
6. Характер повреждений и влияние на функции?
7. Является ли этот предмет носителем информации?
8. Какие данные содержатся на исследуемом объекте?
9. Имеются ли изменения, отличия от базовой модели завода изготовителя?

Объектами исследования программно-компьютерной экспертизы являются операционные системы, программные средства и прикладные программы. Существуют базовые утилиты, предназначенные для нормальной работы устройства, и прикладные программы, создаваемые для обеспечения функциональных возможностей мобильного телефона. Под базовыми можно понимать установленную операционную систему, которая включает в себя блок обеспечивающих программ. Такие сервисы, как «Телефонная книга» и «Журнал вызовов» позволяют пользователю осуществлять вызовы на абонентские номера. В настоящее время распространены хищения, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, основным способом является создание вредоносной программы, предназначенной для взлома банковского приложения на устройстве и перевода оттуда денежных средств. К основным вопросам можно отнести:

1. Что за операционная система, и какая версия установлена на устройстве?
2. Каковы характеристики программного обеспечения?

3. Совместимо ли оно с устройством?
4. Каков алгоритм защиты данных и программ от неправомерного доступа?
5. Имеются ли на устройстве антивирусные программы?
6. Какие программные средства установлены на устройстве?
7. Нет ли сбоев в работе программ?
8. Совместимы ли программные средства?
9. Имеется ли среди установленных программ, вредоносная?

Информационно-компьютерная экспертиза проводится с целью изучения данных устройства, получения доказательственной базы. Файлы, находящиеся в памяти устройства, – это продукт использования программ на мобильном телефоне. Данный вид экспертизы проводится при отсутствии доступа у следователя к хранящейся информации. К часто задаваемым вопросам при назначении экспертизы относятся:

1. Содержит ли представленный на исследование носитель информации какие-либо данные?
2. Если да, то в каком формате?
3. Имеются ли зашифрованные данные либо данные, доступ к которым ограничен?
4. Каков перечень файлов, находящихся в памяти устройства?
5. Имеются ли признаки несанкционированного входа, при наличии блокировки или шифровки данных?
6. Имеются ли на представленном устройстве программы либо алгоритмы по защите данных от неправомерного доступа?
7. Имеется ли связь между выполняемыми операциями и сбоем в работе, утрате данных и т. д.?

Компьютерно-сетевая экспертиза. Обособление данного вида экспертизы является логичным ввиду объекта исследования. На текущий период развития информационных технологий существует множество видов связи между мобильными телефонами и не всегда они обеспечиваются сетью Интернет. Установление сетей и абонентов – одна из задач данного вида экспертизы. На серверах, доступ к которым осуществляется через определенную связь, также могут храниться данные, которые отсутствуют на устройстве. Вопросы, задаваемые эксперту:

1. Имеются ли на устройстве программные средства, предназначенные для выхода в сеть Интернет?
2. Каков результат работы программных средств, с помощью которых осуществляется выход в сеть Интернет?
3. Имеются ли данные о сети Интернет (время соединения и название сети)?
4. Осуществляется ли постоянный выход в сеть Интернет с устройства?

5. Имеются ли данные о логинах, паролях и иных данных учетных записей?

6. Осуществлялся ли обмен данными посредством использования сети Интернет?

Безусловно, использование специальных знаний в области компьютерных технологий необходимо при расследовании преступлений. Преступники для совершения общественно опасных деяний подстраиваются под технологии, появление новых устройств и программ позволяет им находить новые способы совершения преступлений. Появление новых схем преступной деятельности, использование мобильных телефонов в качестве средств совершения преступлений – поводы для изменения методов исследования.

На текущий период вопрос выделения экспертизы средств сотовой связи остается открытым. Широкое использование мобильных телефонов населением и развитие информационных технологий подталкивают к мысли о создании отдельного вида экспертизы, которая бы в комплексе решала поставленные перед ней задачи. Прогресс не стоит на месте. Человечество вступило в век цифровых технологий, значит, необходимо адаптироваться к реальности.

Список использованных источников

1. Google Переводчик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://translate.google.ru/>. – Дата доступа: 09.02.2021.

2. Потапов, С.А. Использование экспертиз при расследовании и раскрытии преступлений, совершенных с применением сотовых телефонов / С.А. Потапов // Соц.-экон. явления и процессы. – 2016. – Т. 11. – № 11. – С. 155–161.

УДК 343.985.7

К.Н. Главницкий

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

В криминалистике существует множество определений криминалистической характеристики преступлений, под которой большинство ученых понимают систему сведений о типичных криминалистически значимых признаках (чертах, особенностях) преступлений определенного вида или категории, анализ которых позволяет делать выводы об оптимальных путях их раскрытия и расследования [1, с. 29]. В типовую

структуру криминалистической характеристики убийств прошлых лет справедливо принято включать характеристику лиц, их совершивших.

В.Ф. Ермолович отмечает, что ценным центральным и важнейшим компонентом криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений являются данные о личности субъекта преступления [2, с. 194]. Эти данные имеют значение, прежде всего для правильного определения направления расследования дела, выдвижения следственных версий, без учета личности преступника нельзя избрать правильную методику расследования дела, определить тактику проведения отдельных следственных действий [3, с. 84]. В связи с этим изучение личности преступника по уголовным делам об убийствах прошлых лет выступает как одно из важнейших средств их раскрытия и расследования.

Как правило, информацию о личности преступника следует рассматривать через призму трех групп признаков: социально-демографические (пол, возраст, образование, семейное положение и т. д.), уголовно-правовые (сведения о судимости, единоличном или групповом характере совершенных преступлений, его роли в преступной группе и т. д.), нравственно-психологические свойства (взгляды, убеждения, ценностные ориентации и т. д.) [1, с. 120].

На наш взгляд, характеристика личности преступника по уголовному делу об убийстве прошлых лет отличается от характеристики личности убийцы по «текущему» уголовному делу. Прежде всего это связано с влиянием времени как формы бытия на личность. Как известно, с течением времени изменяются все указанные группы признаков, соответственно, меняется лицо, совершившее преступление. Подобное явление мы называем фактором старения преступника. Наличие и учет этого фактора имеет существенное влияние на процесс раскрытия и расследования убийства прошлых лет, поскольку поиск преступника осуществляется в настоящем. По этой причине необходимо обладать данными о его личности на момент расследования.

С учетом влияния описанного фактора любой типовой криминалистический портрет личности преступника, составляемый в целях его поиска и розыска, с течением времени становится все менее актуальным. По этой причине для установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по уголовным делам об убийствах прошлых лет, предлагаем использовать типовую криминалистическую ориентировку, учитывающую фактор старения преступника и основанную на наиболее встречаемых о нем признаках в следственной, оперативно-розыскной и судебной практике.

Под типовой криминалистической ориентировкой мы понимаем совокупность обобщенных сведений о признаках преступника, которыми

он обладает на момент расследования убийства прошлых лет, позволяющую его индивидуализировать или выявить индивидуализированно-определенный круг лиц, к которому он принадлежит.

Полагаем, что применение типовой криминалистической ориентировки позволит более успешно осуществлять поиск лица, совершившего преступление, поскольку она является актуальной на момент расследования.

В ходе проведенного исследования получены обобщенные данные, позволяющие составить типовую криминалистическую ориентировку на преступника, совершившего убийство прошлых лет.

Большинство лиц, совершивших убийства прошлых лет, были мужчины – 93,2 % и 6,8 % – женщины. На момент раскрытия преступления возраст 52,5 % лиц, совершивших убийство, составлял от 31 до 50 лет, 15,3 % – от 51 до 60 лет, 11,9 % – от 21 до 30 лет, 3,4 % – свыше 60 лет. 17 % преступников на момент их установления являлись умершими.

Исследование показало, что 3,4 % лиц, совершивших убийство, имели высшее образование, 25,4 % – среднее специальное, 71,2 % – базовое или среднее. После совершения рассматриваемой категории преступлений преступники свой образовательный уровень не повышали. 59,3 % лиц, совершивших убийство, никогда не имели семьи, 16,9 % лиц на момент совершения убийства и на момент их изобличения находились в одном и том же браке, 13,6 % лиц совершили убийство, находясь в разводе, не вступая повторно в брак вплоть до привлечения к ответственности, 6,8 % лиц после совершения убийства вступили в брак, 3,4 % лиц развелось.

Изучая уголовно-правовые признаки характеристики личности преступника по уголовным делам об убийствах прошлых лет, мы исходили из того, что для поиска лица, совершившего преступление, имеет значение не только его преступное поведение в прошлом по отношению к совершенному убийству, но и посткриминальное поведение после его совершения. Кроме того, для установления личности преступника не имеет значения, была ли снята или погашена судимость, как на момент совершения преступления, так и на момент его раскрытия.

В ходе исследования установлено, что для преступников данной категории характерен рецидив преступлений. Так, 52,5 % лиц, совершивших убийства, были ранее судимы. При этом 39 % лиц после совершения убийства и до их изобличения совершали иные преступления, из них 56,5 % преступников совершили два и более преступления.

Кроме того, в ходе исследования было установлено, что 59,3 % лиц, совершивших убийство прошлых лет, на момент раскрытия преступления официально не были трудоустроены и нигде не работали. 59,3 % преступников проживали в том же населенном пункте, где было совершено убийство, 10,2 % – в границах района, 25,4 % – в пределах области, 5,1 %

лиц проживали за границей и являлись иностранцами. Группой лиц, в том числе по предварительному сговору, совершено 16,9 % убийств.

Исследование также показало, что 49 % лиц, совершивших убийства, злоупотребляли алкоголем и при совершении преступления находились в состоянии алкогольного опьянения. Более чем к четверти из них (26,1 %) судом применены принудительные меры безопасности и лечения от алкоголизма.

Обобщение приведенных данных позволяет составить следующую типовую криминалистическую ориентировку на лицо, совершившее убийство прошлых лет.

Преступник – это мужчина, как правило, в возрасте от 31 до 50 лет, имеющий базовое или среднее образование, холостой и никогда не находившийся в браке, не работающий, привлекавшийся к уголовной ответственности до совершения убийства и с вероятностью около 40 % совершавший преступления после убийства, проживающий в том же населенном пункте, где совершено убийство, с вероятностью около 25 % страдающий хроническим алкоголизмом.

Список использованных источников

1. Криминалистика : учебник / под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. – 943 с.
2. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 304 с.
3. Медведев, Р.Н. Характеристика личности преступника как элемента криминалистической характеристики убийств, сопряженных с завладением жильем / Р.Н. Медведев // Юрид. мысль. – 2009. – № 5. – С. 84–87.

УДК 343.9

Г.Б. Дергай

О РАСШИРЕНИИ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЗВУКО- И ВИДЕОЗАПИСИ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В условиях стремительного развития цифровых технологий средства звуко- и видеозаписи давно получили широкое распространение не только на бытовом уровне, но и в деятельности организаций и предприятий. Глобальной стала значимость цифровой техники для повседневной жизни современного человека. Видеокамеры, смартфоны, диктофоны и другая звуко- и видеозаписывающая и воспроизводящая аппаратура стала

доступной по стоимости для широкого потребителя. Постоянно совершенствуется оснащённость цифровой криминалистической техникой правоохранительных органов, у которых накоплен богатый опыт ее использования для процессуальной фиксации следственных действий в ходе предварительного расследования уголовных дел. Указанные обстоятельства актуализируют вопрос о том, соответствует ли современному уровню возможностей процессуального использования технических средств регламентация их применения в уголовно-процессуальном законе.

Статья 219 Уголовно-процессуального закона Республики Беларусь (УПК) посвящена применению звуко- и видеозаписи в ходе допроса. Действительно, допрос является одним из наиболее распространенных следственных действий, где применение криминалистической техники служит надежным средством процессуальной фиксации его хода и результатов. С точки зрения криминалистической тактики целесообразным является использование звуко- и видеозаписи, когда предварительное расследование испытывает дефицит доказательств и версии обвинения основываются преимущественно на признании в совершении преступления, при допросе несовершеннолетних, малолетних, иностранцев, когда расследуются так называемые резонансные уголовные дела и в целом ряде других случаев. Однако несомненным является то, что указанные обстоятельства могут иметь место не только при проведении допроса, но и других следственных действий: очной ставки, проверки показаний на месте, опознания, следственного эксперимента и др. Указанные следственные действия отличаются большой сложностью, трудоемкостью и ничуть не меньшим, по сравнению с допросом, доказательственным значением.

Ярким примером того, что звуко- и видеозапись способна существенно расширить возможности процессуальной фиксации хода и результатов следственных действий является опознание. Используемый в ходе опознания сложный процесс нашел ограниченное отражение в процессуальных нормах. Уголовно-процессуальный закон выделяет лишь некоторые виды опознания. В УПК нет упоминаний о возможности опознания по функциональным признакам человека, опознания по видеоизображениям [1, с. 69]. Конечно, закон не может предусмотреть все ситуации, которые могут сложиться на практике. Поэтому на предъявление для опознания распространяется правило, в соответствии с которым при отсутствии противоречий с другими нормами закона допустима расширительная трактовка [2, с. 102–103]. Такой подход используется в отношении опознания по аудио- и видеозаписям. Необхо-

димость в проведении такого опознания возникает, когда из материалов дела следует, что опознающий не видел опознаваемого, но слышал что и как он говорил. Непосредственное опознание по голосу и речи может быть заменено опознанием лица по аудиозаписи (фонограмме) признаков голоса и речи. С введением в действие ст. 224¹ УПК предъявление для опознания в числе других следственных действий стало возможно проводить с использованием видеоконференцсвязи. Опознание в данном случае проводится с соблюдением общих процессуальных требований и тактических рекомендаций применительно к опознанию. Следовательно, применение видеоконференцсвязи может быть и при опознании по функциональным признакам, по фотографиям, видеозаписям. Для организации видеоконференцсвязи требуется одновременное проведение сложных подготовительных мероприятий в удаленных друг от друга местах. Следователь и должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия в проведении видеоконференцсвязи должны подготовить помещение, объекты, находясь на расстоянии друг от друга, координируя свои действия.

В указанных случаях очевидным является то, что содержание манипуляций, которые производятся в ходе следственного действия с использованием технических средств можно будет эффективно оценить, если они сопровождалась видеофиксацией. Представляется, что ввиду сложности и трудоемкости данного следственного действия требования, предъявляемые законом к порядку проведения, должны быть едины независимо от вида опознания. Является логичным, не дублируя в законе указание на возможность использования звуко- и видеозаписи применительно к каждому из следственных действий, дополнить гл. 22 «Общие условия предварительного расследования» УПК отдельной статьей, закрепляющей принципиальную возможность осуществления звуко- и видеозаписи следственных действий. При этом необходимо закрепить за органом предварительного расследования право самостоятельного принятия решения об использовании звуко- и видеозаписи в ходе следственных действий.

Список использованных источников

1. Габа, А.И. Тактико-криминалистические особенности и процессуальные проблемы предъявления для опознания / А.И. Габа // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 2. – С. 67–70.
2. Егеров, И.М. Криминалистическая идентификация по мысленному образу и особенности ее практической реализации в процессуальной форме : монография / И.М. Егеров, Д.А. Степаненко. – М. : РАП, 2010. – 216 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

За последнее десятилетие проблема, связанная с увеличением количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, приобрела угрожающие масштабы. Данный факт находит подтверждение в аналитических документах, статистических сводках о количестве преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, в сведениях из отчетных документов, подготовленных всероссийскими и международными организациями, работа которых затрагивает исследование проблем в указанной сфере, и других данных.

Исходя из результатов исследования, проведенного Управлением Организации Объединенных Наций (ООН), в 2020 г. вырос уровень смертности граждан вследствие употребления наркотических средств. Кроме того, во «всемирном докладе о наркотиках» отмечено, что приблизительно 275 млн человек «пробуют наркотики хотя бы один раз в своей жизни» [1].

В Российской Федерации с января по декабрь 2020 г. было зафиксировано 189,9 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что всего на 0,2 % меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, однако количество преступлений наркотической направленности, выявленных сотрудниками полиции, значительно возросло, а удельный вес обнаруженных и изъятых запрещенных наркотических средств увеличился (+2 %). 141 тыс. из общего числа преступлений указанной категории – тяжкие и особо тяжкие, а со сбытом наркотических средств и психотропных веществ связано больше половины от общего числа – 112 267 преступлений [2].

Следует согласиться с Международным комитетом ООН по контролю за распространением наркотиков, который считает основной причиной роста наркопреступлений повсеместное использование для распространения наркотических средств сети Интернет [3]. Очевидно, что активное развитие информационных технологий, а также повсеместное использование возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет, электронных систем оплаты товаров и услуг, разработка и распространение новейшего компьютерного обеспечения, мобильных приложений и совершенствование средств сотовой связи обусловило появление нового способа сбыта наркотических средств – сбыт наркотических средств бесконтактным способом.

С помощью интернета и мобильных приложений преступники осуществляют поиск потенциальных клиентов-покупателей наркотических средств и психотропных веществ, а также иные незаконные действия, связанные с вовлечением в преступное распространение запрещенных к обороту наркотических средств и психотропных веществ других лиц – пользователей информационного пространства.

Бесконтактный способ сбыта наркотиков удобен для преступников. Доступность интернета, многообразие платежных систем, в том числе онлайн-кошельков с возможностью хранения и оборота криптовалюты, возможности сотовой связи и технические параметры современных мобильных устройств позволяют организовать деятельность по распространению и сбыту наркотических средств дистанционно (из любой точки мира), быстро и с минимальными рисками быть задержанными. Преступники, активно применяя информационные технологии, тщательно конспирируют свою деятельность путем замены IP-адресов¹, IMEI кодов², перепрошивки оборудования, указания заведомо ложных сведений о личности при регистрации, использования «одноразовых SIM-карт», средств связи и т. п. Таким образом, обеспечивается анонимность на всех этапах преступной деятельности: при подготовке, непосредственном совершении преступления и сокрытии его следов.

В общем виде бесконтактный способ сбыта наркотических и психотропных веществ можно представить следующим образом.

Во-первых, преступнику необходимо найти покупателей наркотических средств: путем размещения объявлений об их продаже на специальной интернет-площадке (по примеру всем известной организации Silk Road – незаконный онлайн-рынок, ликвидированный в 2013 г.), путем рассылки сообщений; при помощи написания номеров/сайтов/контактов, в чатах, в закрытых группах мессенджеров и т. п. Также потенциального потребителя информируют путем размещения соответствующих надписей с указанием контактов (абонентский номер, интернет-адрес, ссылка на профиль в мобильном приложении, название интернет-сообщества или группы) в людных местах (на стенах жилых домов, магазинов, общественных зданий, гаражей), например «Соль», «Скорость», «Смеси», «Шишки», «Пробы», «Миксы» и т. п.

¹ IP-адрес уникальный идентификатор устройства, подключенного к локальной сети или интернету.

² IMEI – International Mobile Equipment Identifier (международный идентификатор мобильного оборудования). (См.: Приказ Министерства информационных технологий и связи РФ от 19 февраля 2008 г. № 21 «Об утверждении Правил применения абонентских станций (абонентских радиостанций) сетей подвижной радиотелефонной связи стандарта GSM-900/1800»).

Оплата происходит посредством электронных платежных систем, переводов, а получают наркотики из тайников (закладок), которые расположены в разнообразных местах на территории населенного пункта и за его пределами.

По нашему мнению, бесконтактный способ сбыта имеет явные криминальные преимущества перед традиционными способами сбыта, и поэтому в скором будущем распространит свое применение в отношении других товаров, изъятых из оборота или ограниченных в обороте.

Нередко при сбыте бесконтактным способом работает организованная группа, которая помимо организатора, поставщика и посредников может включать других участников. Например, диспетчер (выступает посредником передачи информации); специалист (информационно-технологические функции); вербовщик (функции по вовлечению, приисканию новых участников незаконный оборот наркотических средств); курьер (транспортно-доставочные функции); закладчик (осуществляет информационно-посредническую функцию) [4, с. 87].

Осуществляя преступную деятельность дистанционно, через интернет-площадки или мобильные мессенджеры (Whatsapp, Viber, Telegram, Jabber, Confide и др.), перечисленные лица, входящие в организацию, занимающуюся сбытом наркотических средств, могут не встречаться, а некоторые даже не знать друг друга, что значительно затрудняет выявление и процесс расследования указанной категории преступлений. Таким образом, в большинстве случаев привлечь к ответственности удастся только вербовщиков, курьеров, закладчиков и посредников, участвующих в сбыте наркотиков. При этом организаторы выжидают некоторое время и продолжают совершение преступных действий, порождая новую организацию.

Практика расследования указанной категории преступлений свидетельствует о том, что участники наркобизнеса довольно часто территориально находятся в других странах, ближнего зарубежья или Европы, откуда с использованием различных интернет-сервисов, осуществляется организация преступной деятельности заранее завербованных участников, финансирование преступлений.

В настоящее время пришло осознание, что незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ – это не проблема отдельно взятых государств, а ежедневно нарастающая угроза мировому сообществу. В связи с этим, помимо совершенствования внутренней антинаркотической политики государства и межведомственного взаимодействия внутри страны, необходима постоянная поддержка международных связей и международного сотрудничества, что в данный период затруднено условиями антироссийской политики многих европейских стран.

Список использованных источников

1. World Drug Report 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wdr.unodc.org/wdr2020/en/index.html> (дата обращения: 03.03.2021).
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 03.03.2021).
3. Всемирный доклад о наркотиках [Электронный ресурс]. – URL: http://www.unodc.org/doc/wdr2016/V1604259_Russian.pdf (дата обращения: 10.02.2021 г.).
4. Чистанов, Т.Ю. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств / Т.Ю. Чистанов // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2016. – № 11 (53). – С. 86–87.

УДК 343.982.4

Н.В. Ефременко

ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТОНЕРА ЭЛЕКТРОФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПЕЧАТНЫХ УСТРОЙСТВ

В настоящее время в документообороте страны все больше используются документы и их копии, изготовленные с использованием копировально-множительной техники и чаще всего электрофотографическим способом.

При расследовании преступлений, связанных с подделкой документов, возникает необходимость решения идентификационных и диагностических задач по установлению обстоятельств изготовления документов, выполненных электрофотографическим способом. Среди диагностических задач следует отметить такие как установление факта замены листа, допечатки отдельных фрагментов текста, изменение содержания документа способом монтажа.

Для решения указанных задач целесообразно использовать комплекс диагностических и идентификационных признаков.

Диагностические признаки можно классифицировать по следующим основаниям:

- микроструктуре штрихов и морфологическому строению;
- составу тонера;
- свойствам тонера;
- наличию ореолов из частиц тонера по краям штрихов, наличие частиц тонера на свободных от штрихов текста участках;
- механизму нанесения изображения.

Так, при изучении микроструктуры штрихов обращается внимание на толщину слоя и характер распределения тонера в штрихах. Для одних принтеров характерно более выпуклое рельефное строение с относительно ровным поверхностным слоем и краями, для других – отчетливая бугристая поверхность с отложением мелких порошинок по краям штрихов.

При исследовании морфологического строения необходимо оценить разрешающую способность принтера и дисперсность (размер частиц) используемого в принтере тонера. Так, принтеры HP используют мелкодисперсный тонер Ultra Precise с размером частиц не более 6 микрон. Наличие в документе фрагментов текста, выполненных тонерами с различными дисперсностью и соответственно разрешением, будет свидетельствовать о факте монтажа или замены документа.

При изучении свойств и состава используемого тонера следует учитывать, что тонеры подразделяются на магнитные и немагнитные. Определение наличия магнитных свойств тонера (с помощью визуализатора магнитных свойств документов «Mag Mouse Regula 4097») обеспечивает установление факта допечатки, монтажа или замены листа в документе, так как тонеры с разными магнитными свойствами не могут использоваться в одном принтере из-за конструктивных различий принтерных устройств при нанесении и закреплении тонера на листе бумаги при печати документа (рис. 1, 2).

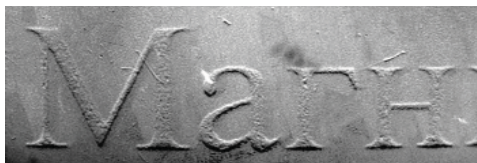

Рис. 1. Штрихи текста, выполненные магнитным тонером, установленные при исследовании визуализатором магнитных свойств документов «Mag Mouse Regula 4097»

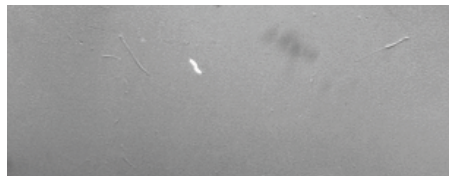

Рис. 2. Штрихи текста, выполненные немагнитным тонером, установленные при исследовании визуализатором магнитных свойств документов «Mag Mouse Regula 4097»

Иногда для категорического вывода о замене листа или допечатке какого-либо фрагмента достаточно обнаружения микроскопическим исследованием ореолов из частиц тонера по краям штрихов, наличия частиц тонера на свободных от штрихов текста участках на одних документах и отсутствия их на других.

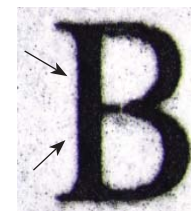

Рис. 3. Штрихи печатного текста, выполненные на принтере Samsung ML-1210 (стрелками отмечены ореолы из частиц тонера по краям штрихов, частицы тонера на свободных от штрихов текста участках)

Для решения диагностических и идентификационных задач важное значение также имеют признаки, обусловленные механизмом нанесения изображения. Это прежде всего признаки, характеризующие дефекты печати изображений на бумаге. К ним относятся:

полоса точек, расположенных вдоль листа бумаги (из-за высыпания тонера из бункера на бумагу; попадания посторонних частиц между фотобарабаном и восстанавливающим лезвием);

полоса серого цвета с неровными краями, расположенная вдоль листа бумаги (из-за неполной очистки фотобарабана чистящим лезвием);

увеличенная интенсивность штрихов изображений в центральной части или по краям листа бумаги (вследствие износа «доктора»);

белая тонкая полоса с четкими границами, расположенная вдоль листа бумаги (вследствие непопадания тонера на магнитный вал или попадания инородного тела между магнитным валом и «доктором»);

повторяющийся с одинаковым интервалом посторонний фон на краю листа (вследствие изношенности или повреждения фотобарабана);

посторонний фон на всей поверхности листа (заправлен некачественный тонер, загрязнены магнитный вал, оптика аппарата);

повторение отдельных фрагментов изображения (из-за изношенности заряжающего вала);

белая полоса, расположенная чаще по центру листа, с нечеткими границами, ширина которой увеличивается от копии к копии (вследствие израсходования тонера);

черная или темно-серая полоса с нечеткими границами (из-за дефектов на барабане);

горизонтальные полосы и черные точки, повторяющиеся с шагом, равным длине окружности барабана (из-за дефектов на барабане);

убывающая интенсивность штрихов изображения к одному из краев листа (недостаточно тонера переносится с магнитного вала на барабан);

образование фона на изображении (неподходящий тип тонера);

волнообразное изменение серых полутоновых изображений, вертикальные белые полосы при печати полутоновых переходов (износ дозирующего лезвия, магнитного вала, смешивание тонеров различных марок).

Вышеуказанные признаки в совокупности позволяют сделать вывод о том, что данные печатные знаки выполнены разными картриджами (на разных печатающих устройствах).

В случае когда различия тонеров в штрихах изображений в разных документах или фрагментах документа с учетом вышеуказанных признаков установить не удастся, то применяются различные инструментальные методы: тонкослойная хроматография, спектрофотометрия в видимой области, термодесорбция – газовая хроматография, ИК-Фурье-спектроскопия, локальный рентгеноспектральный анализ, рентгеноспектральный флуоресцентный анализ, лазерный микроспектральный анализ.

Таким образом, изложенный комплекс признаков в своей совокупности обеспечит решение идентификационных и диагностических задач по установлению обстоятельств изготовления документов, выполненным электрофотографическим способом. Для дифференциации тонеров необходимо применение инструментальных методов анализа в комплексе, так как результат какого-либо одного метода может привести к ошибочным выводам.

УДК 343.98

А.Г. Задоров

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ (ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ)
ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

Следы, образующиеся в процессе совершения уголовно наказуемого деяния, фактически можно отнести к источникам информации о преступлении. Соответственно, технико-криминалистическое обеспечение

(ТКО) расследования преступления является условием получения этой информации. ТКО криминалисты понимают и трактуют по-разному: одни считают его организационно-функциональной системой, другие – деятельностью. Однако, полагаем, что это непринципиально, различие здесь носит чисто терминологический характер.

По мнению видного ученого А.Ф. Волынского, ТКО есть «комплексная по своему содержанию деятельность, направленная на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 21]. В целом оно предполагает совокупность технических средств и методов, применяемых для максимально быстрого и объективного расследования каждого преступления.

Если рассматривать документы на бумажной основе, то информационное поле таких объектов представлено множеством следов различного характера. Так, например, на нем могут находиться следы биологического происхождения, следы в виде материалов, задействованных при его изготовлении, и т. д. Соответственно сведения, содержащиеся в документальном доказательстве, будут свидетельствовать как об обстоятельствах его изготовления, так и о частично внесенных в него изменениях.

В свою очередь, технико-криминалистическая экспертиза документов как составляющая ТКО расследования преступлений является процессуальной формой использования специальных знаний, направленных на установление обстоятельств изготовления поддельного документа. Что касается непосредственно результатов экспертного исследования в отношении документа, его реквизитов, то следователя, конечно, будет больше интересовать ответ не на диагностический вопрос, а тот, который направлен на отождествление.

В целом идентификация предполагает проведение сравнительного исследования определенных индивидуальных признаков любого объекта. Что касается способа исследования, то он состоит в выборе таких особенностей и их последующей оценке при отождествлении; все это относится к методам познания объективной истины [2, с. 15].

Полагаем, следует рассмотреть в качестве примера ситуацию, которая может сложиться при расследовании преступления, связанного с изготовлением (использованием) поддельных документов (на стадии проведения экспертом-криминалистом технико-криминалистической экспертизы удостоверительных печатных форм), а также предложить путь решения проблемы.

В целом сложности, возникающие в процессе исследования отгисков печатей, объективно обусловлены. Дело в том, что изготовление

современных удостоверительных печатных форм представляет собой высокотехнологичный процесс, и влияние человеческого фактора на возникновение индивидуальных признаков, образующихся в процессе их производства, ничтожно. Как следствие, те методы, методики, которыми пользовались эксперты ранее, не всегда позволяют достичь необходимого результата.

В дополнение к вышеизложенному стоит отметить, что в ряде случаев руководителем организации может быть заказана не одна, а две печати (например, на случай утраты). Возможно также изготовление нового экземпляра удостоверительной печатной формы преступниками, имеющими доступ либо к оригинал-макету, либо к качественно оставленному оттиску легально изготовленной печати. В случае поступления таких объектов на исследование, эксперт в силу объективных и субъективных причин может при решении идентификационной задачи испытывать затруднения. Как следствие, им дается вывод либо в форме «не представляется возможным», либо так называемый условно категорический, который по значимости, весомости минимален.

В целях попытки решения этой проблемы проведено небольшое экспериментальное исследование, для чего в разных мастерских изготовлены три удостоверительные печатные формы из полимерных композиций разной твердости и разных производителей. Цель эксперимента – установить зависимость качества клише от твердости полимера.

Для последующего изучения признаков на лист офисной бумаги были нанесены оттиски вышеуказанными печатями в одинаковых условиях. Проведенный микроскопический анализ свидетельствует о том, что в оттисках, нанесенных более эластичными клише, качество отображаемых элементов значительно выше [3, л. 113] (рис. 1).

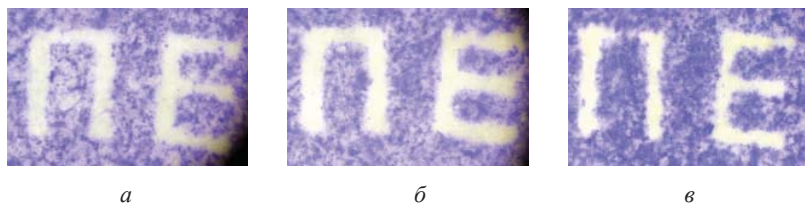

Рис. 1. Контурные прямолинейных элементов и углов (в негативном изображении) в оттисках печатей имеющих твердость по Шору 45 (а), 50 (б), 55 (в)

Различие в качестве печатей, полагаем, может быть положено в обоснование отрицательного вывода по результатам идентификационного

исследования оттисков удостоверительных форм, изготовленных по фотополлимерной технологии.

Таким образом, отдельно приведенный пример показал, что надлежащее технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных, в данном случае, с изготовлением (использованием) подложных документов, будет способствовать более полному, объективному завершению расследования.

Список использованных источников

1. Вольнский, А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие / А.Ф. Вольнский. – М., 2016.
2. Потапов, С.М. Введение в криминалистику / С.М. Потапов. – М., 1946. – С. 15.
3. Задоров, А.Г. Технико-криминалистическое обеспечение установления обстоятельств изготовления подложных официальных документов (теоретические и прикладные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.Г. Задоров. – Волгоград, 2018. – 226 л.

УДК 343.985

Ю.Б. Имаева, З.И. Харисова

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

В настоящее время в условиях глобальной цифровизации сформировалась устойчивая тенденция роста совершенных преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Как известно, на международном финансовом рынке уже порядка десятилетия валютным эквивалентом является цифровой актив – криптовалюта, регулируемый в распределенной системе блокчейн. В связи с этим отдельного внимания заслуживают преступные деяния с использованием специфических форм расчетов, направленные, как правило, на финансирование криминальных операций, реализацию запрещенных товаров и услуг, финансирования терроризма, экстремизма и пр.

По этой причине довольно значимой угрозой являются экономические преступления, совершаемые с использованием криптовалют, а поиск механизмов регулирования данной отрасли (например, установление ее юридического статуса и границ безопасного оборота) часто сводится к установлению международного сотрудничества различных стран

[1, с. 103]. Динамика зарегистрированных правоохранительными органами Российской Федерации преступлений экономической направленности за 2010–2020 гг. в целом характеризуется благоприятно (рис. 1) [2].

Как видно, наблюдается небольшой рост уровня преступности по сравнению с предыдущим годом (в среднем на 0,5 %).

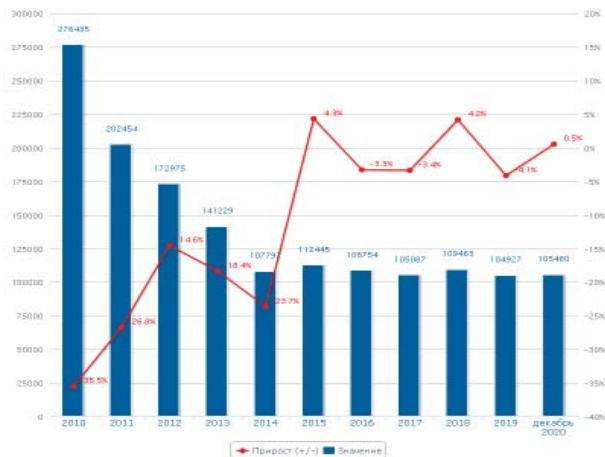

Рис. 1. Динамика зарегистрированных правоохранительными органами преступлений экономической направленности за 2010–2020 гг.

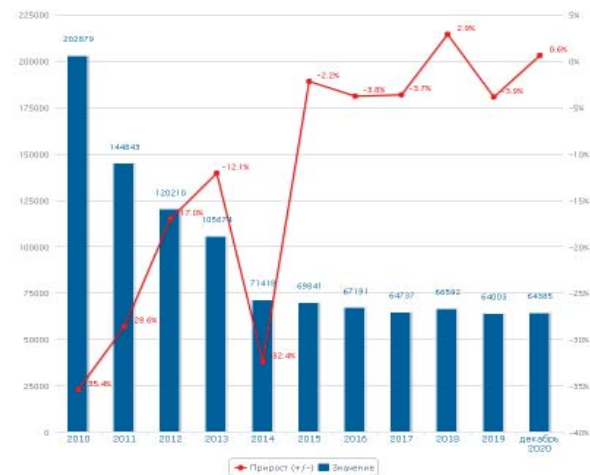

Рис. 2. Динамика предварительно расследованных преступлений экономической направленности за 2010–2020 гг.

Несмотря на то что согласно сведениям, представленным на информационно-аналитическом портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество предварительно расследованных преступлений экономической направленности возросло на 0,6 % (рис. 2), количество нераскрытых преступлений экономической направленности за 2010–2020 гг. возросло более чем на 3 % (рис. 3). Однако представленная статистика отнюдь не дает реальных представлений о ситуации на финансовом рынке, поскольку, например, о совершенных махинациях с использованием цифровых активов в правоохранительные органы, как правило, не заявляют [3, с. 257].

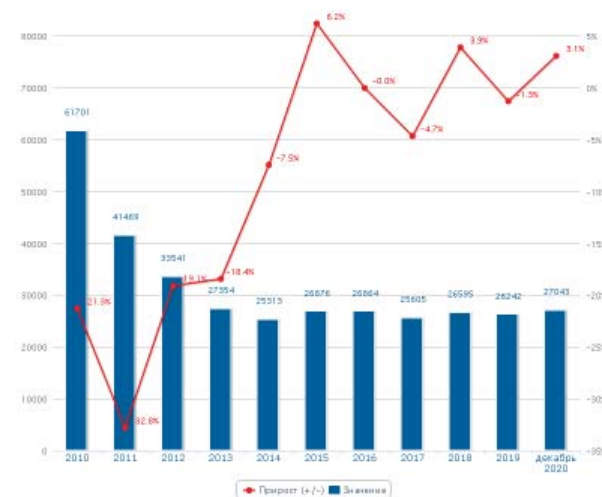

Рис. 3. Динамика нераскрытых преступлений экономической направленности за 2010–2020 гг.

Привлекательность использования криптовалют в настоящее время обусловлена своей независимостью от влияния на проведение расчетных операций государственных органов и банковских структур, необратимостью проведенных операций на финансовом рынке и полным отсутствием сведений о владельцах криптовалютных кошельков, что способствует свободному распространению технологии расчетов цифровой валютой. По этой причине регулирование данной отрасли невозможно без взаимодействия на международном уровне. Главным аспектом при этом является установление международного сотрудничества в области противодействия киберпреступности на финансовых рынках, причем больше внимания целесообразно уделять странам офшорной юрисдик-

ции, не учитывающим рекомендации группы разработчиков финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF).

С целью снижения затрат по ликвидации последствий от экономических преступлений важно заблаговременно исключать потенциально возможные угрозы, принимать меры по их прогнозированию, использованию специализированного программного обеспечения [4, с. 1], проведения своевременного мониторинга и анализа технологий передачи и обработки данных и совершения транзакций на предмет уязвимостей, анализ инновационного состояния финансовой системы. Неотъемлемым условием эффективного расследования преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий является своевременная выработка инновационных технических решений, в частности реализация специализированных систем расследования на основе искусственного интеллекта [5, с. 8] для построения нейросетевых связей между участниками операций, определения точек вывода криптовалюты и фиатных денег.

Для повышения эффективности мер, направленных на противодействие криминальному обороту криптовалют, необходима стратегия, реализуемая на международном уровне, по основным проблемным направлениям, а именно: определение единого транснационального статуса и юридической природы цифровых финансовых активов; установление единого судопроизводства в отношении злоумышленного использования криптовалют; создание единого защищенного реестра цифровых транзакций в странах, использующих эффективные методики противодействия отмыванию денег и финансирования экстремизма, терроризма; организация как межведомственного, так и международного взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов различных уровней; укрепление межгосударственных связей в свете программы отслеживания финансирования экстремизма и терроризма посредством внедрения комплексов проверки и отслеживания способа и назначения транзакций; создание межгосударственного центра с беспрепятственным доступом к криминалистическим инструментам, а также криптовалютным базам для идентификации владельцев криптовалютных кошельков, анализа и обмена данными в реальном времени.

Список использованных источников

1. Харисова, З.И. Международно-правовые основы информационной безопасности в целях устойчивого развития / З.И. Харисова // Правовое обеспечение развития социального государства в свете целей устойчивого развития : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 12–13 нояб. 2018 г.) : в 2 ч. – Ч. 2. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. – С. 103–106.

2. Сборник о состоянии преступности в России (2010–2020 гг.) [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics>. – Дата доступа: 02.02.2021.

3. Харисова, З.И. Международное сотрудничество в области противодействия экономическим преступлениям с использованием криптовалют / З.И. Харисова, О.А. Филиппов // Организация Объединенных Наций и глобальные проблемы человечества в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 15 нояб. 2019 г. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. – С. 256–263.

4. Программно-аналитический комплекс «Киберпреступность : программа для ЭВМ / З.И. Харисова (RU) ; правообладатель: ФГКОУ ВО Уфимский ЮИ МВД России, 2020660996 ; заявл. 23 сент. 2020 г. ; опубл. 30 сент. 2020 г.

5. Антонов, В.В. Теоретико-множественный подход к построению дуальной системной модели ПАК для исследуемой области деятельности со смешанными реальными и виртуальными объектами / В.В. Антонов, Г.Г. Куликов, З.И. Харисова // Вестн. Юж.-Ур. гос. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 5–15.

УДК 343.98

Е.А. Исакова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С УМЫШЛЕННЫМ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Укрепление законности и правопорядка в современной России является важнейшей задачей, которая стоит перед правоохранительными органами. Борьба с преступностью является неотъемлемой частью этого процесса.

Проанализировав статистику зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации за 2020 г., можно сделать вывод, что в большинстве регионов наблюдается рост преступности по сравнению с данными за 2019 г. Кроме того, в стране зафиксировано увеличение частоты совершения тяжких и особо тяжких преступлений на 14 %. Так, по данным МВД России, в 2020 г. было зарегистрировано 24 043 преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ [1].

В этой связи проблема повышения эффективности правоохранительных органов, совершенствование методик и тактических основ расследования преступлений, а в дальнейшем оперативного и результативного раскрытия преступлений становится все более и более актуальной задачей с каждым годом как для государства в целом, так и для отдельно взятого человека.

Значительную роль в расследовании и раскрытии преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, является именно проверка показаний на месте. Несмотря на то что такой способ собирания и проверки доказательств возник только в 60-х гг. прошлого столетия, уже обрел очень широкое распространение в современной следственной практике Российской Федерации. Проведение проверки показаний на месте является важным и результативным для доказательной базы вины подозреваемого (обвиняемого).

По своей познавательной конструкции, основаниям проведения и доказательной значимости проверка показаний очень отличается от других следственных действий, которые, на первый взгляд, сходны, таких как осмотр места происшествия, допрос или следственный эксперимент. Само название деятельности указывает на его специфическую направленность [2, с. 28].

При этом необходимо помнить, что подозреваемый (обвиняемый) является лицом, крайне заинтересованным в исходе расследования дела об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Из этого следует, что следователь в ходе проверки показаний должен обращать внимание на тот аспект, что ранее допрошенный подозреваемый (обвиняемый) мог выражать стремление уклониться от уголовной ответственности: может идти на разные уловки, которые, по его мнению, помогут ему избежать разоблачения; может попытаться сбежать с рассматриваемого следственного действия. Несмотря на это, следователь должен наладить благоприятный психологический контакт с подозреваемым (обвиняемым). В ходе этого следователь может использовать знания о личности подозреваемого, о его близком окружении, которые он получил ранее в ходе допроса [3, л. 125].

Следователь при проведении проверки показаний по делам, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, должен поставить перед собой цель – воссоздание полной картины происшедшего, вплоть до мельчайших подробностей. Особый акцент необходимо сделать на взаимном расположении подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего к друг другу, на местонахождении свидетелей во время нанесения ударов, если таковые присутствовали, а также на местах, в которых находились предметы, использованные в качестве орудия преступления, при их применении.

Наглядное представление о содержании и возможностях проверки показаний на месте при расследовании умышленного тяжкого вреда здоровью дает пример, взятый из уголовного дела по обвинению Б. в преступлении, предусмотренном п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Приведем выдержку из указанного следственного действия данного уголовного дела:

«Следственно-оперативная группа в составе следователя, оперативного сотрудника, с участием подозреваемого Б., его защитника, а также понятых на служебном автомобиле по предложению Б. проехала в квартиру, по указанию последнего, где Б. добровольно и в присутствии понятых показал, что 12 июня 2018 года около 14 часов дня, когда он находился в коридоре вышеуказанной квартиры, то у него с сожительницей, которая находилась в комнате после совместного распития спиртных напитков, произошла ссора на почве ревности, в ходе которой подозреваемый Б. очень разозлился. После Б. добровольно прошел на кухню, где указал на стол, и пояснил, что с данного стола он взял кухонный нож для того, чтобы им нанести удары своей сожительнице. Далее участники проверки показаний и Б., по волеизъявлению последнего, прошли в комнату квартиры, где Б. указал на диван, как на место, где ранее находилась потерпевшая во время нанесения ударов, пояснив, что она сидела лицом к окну и спиной ко входу в комнату, и на место на полу около дивана, как на место, где он стоял, когда наносил два удара ножом по спине потерпевшей. Затем подозреваемый Б. указал, что необходимо пройти на улицу, где он укажет на место, куда он выбросил нож. Участники проверки показаний по волеизъявлению подозреваемого Б. прошли на улицу, где последний указал на кусты сирени, растущие в 25 метрах от подъездной двери, где находится вышеуказанная квартира, как на место, куда он выбросил нож, пытаясь скрыть преступление. Кроме этого подозреваемый Б. пояснил, что в момент совершения преступления в квартире кроме него и его сожительницы никто не находился, но когда он выбрасывал нож, мимо проходила соседка, которая видела его и сделала ему замечание. После окончания данного следственного действия следственно-оперативной группой был обнаружен и изъят нож в ходе осмотра местности, указанной подозреваемым, также была установлена и допрошена соседка, которая в ходе дачи показаний подтвердила, что действительно видела, как Б. выходил из подъезда и выбрасывал нож в кусты сирени около дома, а после ушел в неизвестном ей направлении» [4].

Однако в ходе расследования уголовных дел, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, помимо проверки показаний на месте проводятся и иные следственные действия, и оперативно-розыскные мероприятия, не менее важные и результативные для доказывания вины подозреваемого или обвиняемого.

Список использованных источников

1. Сведения о зарегистрированных в РФ преступлениях [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 10.03.2021).

2. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательное значение / С.А. Шейфер. – М., 2014. – 28 с.

3. Лях, Л.А. Первоначальный этап расследования умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.А. Лях. – Краснодар, 2005. – 125 л.

4. Архив Ангарского городского суда Иркутской области. – Уголовное дело № 1-218/201 по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ в отношении Б.

УДК 343.982.43

Т.И. Исмацова

ВОЗМОЖНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НЕПОДЛИННЫХ ПОДПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ С ПОДРАЖАНИЕМ, И ПОДЛИННЫХ, ВЫПОЛНЕННЫХ С НАМЕРЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ

Анализ практики проведения почерковедческих экспертиз показывает, что при исследовании подписей, выполненных с намеренным изменением, достаточно часто встречаются необоснованные выводы либо отказы от решения вопросов по существу, основными причинами которых являются трудности, связанные с оценкой выявляемых признаков, установлением их диагностической информативности и идентификационной значимости, что, в конечном счете, не позволяет эксперту надежно определять условия выполнения исследуемых подписей и учитывать влияние последних на трансформацию идентификационных признаков подписного почерка. В первую очередь, это касается подписей, выполненных под воздействием сбивающих факторов, вызывающих сходные изменения почерка, таких, например, как автоподлог (намеренное изменение собственной подписи) и подражание подписи другого лица. Причинами затруднений являются высокое сходство комплексов диагностических признаков, характерных для указанных сбивающих факторов, и неоднозначная трактовка выявляемых соотношений совпадений и различий идентификационных признаков. Следует отметить, что неверное установление условий выполнения подписи в рассматриваемом случае способствует и формированию ошибочного вывода о ее исполнителе, поскольку автоподложные подписи относятся к категории подлинных, в отличие от неподлинных подписей, выполненных с подражанием.

Известно, что и автоподлог, и подражание предполагают сознательную трансформацию ведущего образа собственного подписного почерка, при этом радикально отличаются целями, стоящими перед исполнителем. Целью автоподлога является внесение таких изменений

в собственную подпись, которые могли бы исключить или затруднить идентификацию. Подражание преследует противоположную цель максимального приближения к подписному почерку другого лица.

Успешность автоподлога во многом зависит от индивидуальных особенностей письменно-двигательного навыка исполнителя (его косности либо пластичности, степени и характера сформированности, приспособительных возможностей). Для осуществления успешного подражания более значимы психофизиологические характеристики личности, такие как внимание, память, апперцепция, различительные способности зрительного анализатора, точность восприятия и т. п., а также соотношения степени выработанности, конструктивного строения, преобладающей формы и других признаков воспроизводимой подписи и почерка подражателя, определяющие уровень сходства почерков [1, с. 120–121]. Изучение некоторых из указанных факторов по специальным экспериментальным образцам почерка и подписи проверяемого лица могут помочь эксперту определить навыковые диагностические признаки, присущие исполнителю, отражающие его способности к изменению собственного почерка либо подражанию.

При намеренном изменении собственной подписи степень трансформации признаков в первую очередь зависит от ситуации автоподлога. Наиболее значимыми обстоятельствами при выборе тактики автоподлога являются наличие и степень знакомства адресата с подписным почерком исполнителя и необходимость выполнения подписи в его присутствии [2, с. 24].

Неподконтрольный автоподлог, реализуемый в благоприятных условиях, может осуществляться за счет значительной трансформации признаков собственной подписи, включая полную смену ее транскрипции, что часто делает измененную подпись несопоставимой с предоставляемыми образцами подписного почерка проверяемого лица. В этом случае частная задача дифференциации таких подписей с подписями, выполненными с подражанием, является неактуальной. В качестве альтернативной в данной экспертной ситуации может рассматриваться версия о неподлинности подписи, выполненной без подражания.

Неблагоприятные условия автоподлога делают возможным лишь частичное изменение признаков собственного подписного почерка. В подобных подписях, так же, как и в подписях, выполненных с подражанием, отображаются сходные группы признаков, правильная оценка которых лежит в основе достоверного решения как диагностических, так и идентификационных задач судебно-почерковедческой экспертизы по сравниваемым почерковым объектам (см. табл.).

Таблица

Признаки, отображающиеся в подписях	
С намеренным изменением собственной подписи	С подражанием
Диагностические, свидетельствующие о необычных условиях реализации акта письма	Диагностические, свидетельствующие о необычных условиях реализации акта письма
Намеренно измененные исполнителем	Которые удалось воспроизвести подражателю
Собственные неизменные	Собственные неизменные
Собственные измененные признаки в результате письма в необычных условиях	Собственные измененные признаки в результате письма в необычных условиях

Сравнительная таблица наглядно демонстрирует различие лишь одной группы признаков, характерной для рассматриваемых видов подписей. Три остальные группы могут присутствовать как в автоподложных подписях, так и в подписях, выполненных с подражанием. При этом дифференциация последних может строиться только на определенном количественном и качественном соотношении указанных признаков, присутствующих рассматриваемым видам подписного почерка.

Следует отметить, что эксперту важно знать не только разницу в наименовании групп отображаемых признаков, но, в первую очередь, уметь отличать их друг от друга. При подражании исполнитель стремится воспроизвести максимальное количество признаков подписи-оригинала, что во многом зависит от факторов, обеспечивающих возможность решения данной задачи. Действие таких факторов распространяется на выполнение всей подписи, поэтому объем и качество воспроизведения признаков чужого почерка, как правило, не имеет существенных различий применительно к отдельным ее частям. Допускаемые ошибки чаще всего локализируются в определенных фрагментах подписи, относящихся к сложным для подражания [3, с. 277–278]. Признаки необычности выполнения присутствуют на протяжении всей подписи либо могут усиливаться к концу подписи и при выполнении трудновоспроизводимых фрагментов.

При автоподлоге исполнитель может вносить изменения в отдельные, с его точки зрения, наиболее броские части подписи, что связано с субъективным представлением пишущего о собственном подписном почерке. В этих же фрагментах чаще всего локализируются признаки замедления темпа письма и снижения координации движений 1-й группы. В этой связи наряду с совпадением мелких детализированных признаков, цепочек последовательно зависимых признаков в одних частях

подписи появляются выраженные различия броских признаков в других. Подобные различия могут не относиться к категории сложных для подражания и не вписываются в механизм воспроизведения чужой подписи «на глаз». При этом для автоподлога характерно наличие полных точных совпадений со сравнительными образцами в неизменившихся частях подписи, сохранивших темповые признаки, что несвойственно подражанию подписи другого лица по памяти.

При подконтрольном автоподлоге в подписи фрагментарно может сохраняться существенное количество собственных неизменных признаков. В подписях, выполненных с подражанием, подобные признаки присутствуют в крайне незначительном объеме, особенно при срисовывании «на глаз».

Таким образом, для более точной дифференциации подлинных подписей, выполненных с авторской маскировкой, и неподлинных, выполненных с подражанием, на качественно-описательном уровне эксперту необходимо знать особенности механизма реализации подражания подписи другого лица и ее намеренного изменения, уметь различать специфические группы признаков, отображающиеся в сравниваемых видах подписей, правильно оценивать конкретное соотношение выявляемых признаков диагностического и идентификационного характера.

Список использованных источников

1. Исмадова, Т.И. Подписи, выполненные с подражанием, как носители информации об их исполнителе / Т.И. Исмадова // Судебная экспертиза: Российский и международный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград, 2020. – С. 120–125.
2. Маркова, Л.В. Умышленное изменение подписи путем автоподлога / Л.В. Маркова // Экспертная практика и новые методы исследования: Экспресс-информация. – М. : ВНИИСЭ, 1983. – Вып. 18. – С. 22–27.
3. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учебник / под ред. В.В. Серегина. – 3-е изд., испр. и доп. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – С. 277–278.

УДК 343.985

В.О. Кирьянова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Актуальность рассмотрения вопроса противодействия расследованию прежде всего определяется количественными и качественными изменениями в структуре преступности, которые отличаются появлением

новых видов преступлений, их современными способами совершения и сокрытия, ростом профессионализма преступников, и их высокой технической образованностью и оснащенностью. Не менее весомым в этом аспекте элементом является стремительное развитие организованной преступности, где отследить причастность или роль некоторых субъектов очень тяжело.

В частности, А.Л. Стулин определяет противодействие расследованию как умышленную деятельность с целью препятствия расследованию и установлению истины в уголовном производстве, как любую незаконную деятельность подозреваемого и людей, которые ему помогают, с целью уклонения от ответственности или максимального ее смягчения [1, с. 26]. В свою очередь, по мнению Р.С. Белкина, противодействие расследованию необходимо определять как незаконную деятельность лиц, заинтересованных в исходе дела. Противодействие расследованию находит свое проявление в действиях, непосредственно направленных на сокрытие преступления (уничтожение или изменение следов преступления и преступника, различные инсценировки преступлений), на уклонение от ответственности (неявка по вызову следователя или суда, выезд в другую местность, укрытие от органов следствия [2, с. 175].

Феномен противодействия расследованию преступлений не является чем-то новым в работе следователя, однако стоит отметить тот факт, что с технологическим развитием общества он приобрел новые формы выражения, связанного с постоянной модернизацией и видоизменением такого явления. На сегодня противодействие расследованию преступлений мы можем наблюдать на всех этапах досудебного расследования, начиная с этапа открытия уголовного производства и заканчивая рассмотрением дела в суде.

Такая ситуация в большинстве случаев связана с тем, что некоторые субъекты правоохранительных органов, которые должны помогать следователю в расследовании, пытаются усложнить или сделать его невозможным. Это происходит именно из-за того, что вышеуказанные субъекты, получая неправомерную выгоду, покрывают виновных в совершении преступлений, пытаются видоизменить или уничтожить имеющиеся доказательства. Иногда давление на следователя происходит со стороны руководства, которое дает незаконные указания: не осуществлять преследование причастного к преступлению. Часто препятствуют раскрытию преступлений сами участники уголовного правонарушения, применяя различные технические или компьютерные знания для уничтожения доказательств, введения следствия в заблуждение и т. д.

В современных условиях противодействие следует рассматривать как обязательный элемент преступной деятельности, который обеспе-

чивает ее длительное и безопасное существование, поэтому имеющийся тактический арсенал средств преодоления противодействию является недостаточным в современном развитом обществе [3, с. 4]. Чаще всего противодействие расследованию направлено на сокрытие преступного деяния или лиц, его совершивших. Ведь при наличии одного из этих оснований сразу может быть возбуждено уголовное дело [4, с. 140]. Интересен подход П.М. Леписевича и Н.Д. Курляка, которые дают свой перечень форм преступного противодействия расследованию, к которому относят следующее: применение угроз и физического воздействия; ложные показания; коррупционные механизмы противодействия расследованию; фальсификация доказательств; сокрытие преступления [5, с. 278]. Указанные формы вполне находят свое отражение в современных условиях осуществления уголовного производства. Существует немало других классификаций, однако многие из них, хотя и являются фундаментальными, понемногу теряют свое соответствие со временем, что прежде всего связано с модернизацией преступной деятельности.

Тщательный анализ уголовного производства и проявлений признаков противодействия могут, как утверждает В.Н. Плетенец, способствовать обнаружению еще не установленных сотрудниками органов досудебного расследования фактов совершения преступлений и их участников [6, с. 152].

Полагаем, следует отметить, что противодействие расследованию представляет собой деяния, в большинстве случаев совершающиеся в соучастии с должностными лицами, влияющими на ход расследования, а также на следователя, который ведет данное уголовное производство. Такое преступное противодействие чаще всего возникает на почве коррупционных связей, что затрудняет работу следователя и установление истины. В данном случае, даже если следователь имеет устойчивую установку на совершение действий по разоблачению вышеуказанных преступных связей и привлечения преступников к ответственности, его жизнь или здоровье, профессиональная деятельность и другие блага могут оказаться под угрозой преступного посягательства.

Список использованных источников

1. Стулин, А.Л. Как препятствовать противодействию расследования / А.Л. Стулин // Законность. – 2000. – № 2. – С. 26.
2. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – 2-е изд. – М. : Мегатрон-XXI, 2000. – С. 175.
3. Александренко, О.В. Криміналістичні проблеми подолання протидії розслідуванню / О.В. Александренко. – Київ, 2004. – 4 с.

4. Чесакова, М.С. Форми і способи протидії розслідування злочинів: підходи до класифікації / М.С. Чесакова. – Київ, 2015. – С. 140.

5. Леписевич, П.М. Практические основы устранения противодействия расследованию преступлений в современных условиях / П.М. Леписевич, Н.Д. Курляк // Науч. вестн. ЛГУВД. – 2018. – С. 278.

6. Плетенец, В.Н. Особенности диагностики проявлений противодействия расследованию / В.Н. Плетенец // Науч. журн. «Legea si Viata». – 2017. – № 12. – С. 151–154.

УДК 343.98

П.В. Климьято, М.В. Савич

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОГРАММНОГО ПРОДУКТА «BELKASOFT EVIDENCE CENTER»

В рамках расследования преступлений возникают проблемы, связанные с необходимостью изучения большого объема компьютерной информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу.

В этой связи особую значимость приобретает организация работы, основанная на использовании современных программных продуктов по изучению компьютерной информации. На наш взгляд, под компьютерной информацией следует понимать сведения о лицах, предметах, фактах, явлениях и процессах, которые хранятся, обрабатываются, передаются в компьютерах, компьютерных системах, сетях в дискретной или непрерывной форме [1].

В настоящее время получить информацию, имеющую доказательственное значение, содержащуюся в мобильном (компьютерном) устройстве, следователь (лицо, производящее дознание) может самостоятельно. Для достижения данной цели ему необходимо осуществить комплекс действий, включающих: 1) установку программного обеспечения на компьютер; 2) осмотр предметов (компьютерных устройств, носителей информации) и компьютерной информации, а также ее последующий анализ; 3) фиксацию сведений о результатах осмотра (в протоколе следственного действия должны найти отражение сведения об осматриваемых: компьютерных устройствах, носителях информации (далее – источник информации) и компьютерной информации (описание всех стадий получения доступа к источнику информации и к самой компьютерной информации; результаты их осмотра, анализа обнаруженных данных; решение о судьбе источника информации и самой

компьютерной информации). Каждое из указанных действий имеет ряд особенностей и требует отдельного рассмотрения.

Установка программного обеспечения на компьютер.

Одним из программных продуктов исследования компьютерных устройств является программа «Belkasoft Evidence Center» (далее – Belkasoft) [2]. Программа предназначена для быстрого извлечения компьютерной информации из различных источников путем анализа накопителей на жестких магнитных дисках, образов, облачных приложений, содержимого рабочей памяти, резервных копий iOS, Blackberry и Android, UFED, JTAG и chip-off дампов.

Работа с Belkasoft возможна двумя способами: с использованием электронного ключа, а также по сетевой лицензии, что позволяет использовать ее в сети передачи данных, при условии, что Belkasoft инсталлирована на компьютере.

Осмотр компьютерной информации, а также ее последующий анализ.

Belkasoft позволяет анализировать следующие объекты: «Файл образа диска» – созданная с помощью специальных программ копия накопителя информации (НЖМД, SSD и т. п.), которая анализируется без физического доступа к такому накопителю; «Диск» – физически подключаемый к служебному компьютеру накопитель информации (по интерфейсу SATA, IDE и т. п.); «Мобильный образ» – резервная копия содержимого осматриваемого устройства, хранящая информацию о его работе; «Образ RAM» – «слепок» оперативной памяти компьютерного устройства; «Выбранный каталог» – конкретный каталог на любом носителе информации, который необходимо подвергнуть анализу [2].

Кроме того, возможности Belkasoft предусматривают создание объектов для анализа. В частности, пользователь с помощью программы может: создать образ диска, т. е. побитовую копию накопителя информации; произвести извлечение информации из мобильных устройств; обеспечить извлечение информации из облачных сервисов.

Особенности анализа компьютерной информации Belkasoft: источник информации проверяется лишь на наличие данных, что предполагает необходимость их дальнейшего копирования; программа распределяет компьютерную информацию по определенным категориям, от количества которых зависит время, требуемое для анализа; программой предусмотрена возможность эффективного карвинга (восстановления удаленной) компьютерной информации; для отбора представляющих интерес сведений имеется возможность сортировки данных по различным критериям (размеру, времени создания, имени файла), а также поиска определенной компьютерной информации; имеется возможность

экспорта как всего содержимого осматриваемого источника, так и отдельных отчетов в удобном формате по определенным разделам обнаруженной компьютерной информации (.pdf, .xls и т. п.).

С помощью Belkasoft возможно обнаружить компьютерную информацию, которая может иметь доказательственное значение: о приложениях, установленных в операционную систему осматриваемого источника информации (изучая данный раздел, следователь может установить достоверные сведения о времени инсталляции конкретных программ, а иногда – времени их удаления); о чатах в приложениях, инсталлированных в операционную систему осматриваемого источника информации, либо в социальных сетях, авторизация в которых проведена посредством браузера устройства; о поисковых запросах в браузерах (позволяет выстроить хронологию поисковой активности пользователя, установить интересы владельца устройства, соотнести с показаниями и т. д.); о мультимедийных файлах (о самом файле (времени создания, месте хранения, метаданных и т. п.) и его содержании (изображения, видео, текст и т. д.)); об электронной почтовой корреспонденции, облачных сервисах, платежных системах и геолокационных данных.

Фиксация сведений о результатах осмотра.

По результатам осмотра источника информации и компьютерной информации с применением Belkasoft составляется протокол осмотра предметов и компьютерной информации (в соответствии с изменениями в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З, вступившими в силу в апреле 2021 г.).

При составлении протокола должны быть соблюдены требования, указанные в ст. 192–195, 204–205 УПК, а также обязательно должны найти отражение: время получения доступа к источнику информации и записи обнаруженных данных на иной носитель (компакт-диск); объект осмотра в соответствии с имеющимися в Belkasoft категориями таких объектов, а также избранный способ работы с источником информации; факт сортировки и фильтрации данных по конкретным критериям запросов, а также результаты обнаруженной компьютерной информации; фиксация значимой компьютерной информации в снимках экрана с последующим помещением в протокол следственного действия; процесс отбора представляющей интерес информации и ее анализ с позиции полноты, наглядности, подтверждения наличия доказательственного значения; осуществленные манипуляции с обнаруженной компьютерной информацией (копирование в отдельный каталог, добавление в базу данных отчета, формирование отдельных отчетов и т. п.); сведения о представляющей интерес компьютерной

информации, записываемой на отдельный носитель; сведения о дальнейших действиях с источником информации.

Список использованных источников

1. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2: К–О. – С. 70.
2. Общество с ограниченной ответственностью «Белкасофт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belkasoft.com/ru/>. – Дата доступа: 15.03.2021.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 343.985

Д.В. Костюкевич

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ КАК ВИДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из главных условий быстрого раскрытия, полного и качественного расследования преступлений, а также принятия всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер, направленных на изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, является взаимодействие следователей с подразделениями уголовного розыска. Общепринятым в научной литературе по криминалистике, уголовному процессу и теории оперативно-розыскной деятельности считается выделение процессуальной и непроцессуальной (организационно-тактической) форм взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска.

Особым видом непроцессуальной (организационно-тактической) формы взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска является тактическая операция. В 1972 г. А.В. Дулов один из первых ввел в криминалистическую науку термин «тактическая операция». Он отмечал, что «общие задачи, требующие для своего разрешения проведения группы следственных, оперативно-розыскных, ре-визионных действий, объединяются в понятие «тактические операции»

[1, с. 23]. Данная идея была принята многими учеными, в том числе и Р.С. Белкиным.

В дальнейшем А.В. Дулов в своей монографии «Тактические операции при расследовании преступлений», вышедшей в 1979 г., определяет тактическую операцию как «совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий» [2, с. 44]. Именно нацеленность на решение определенной тактической задачи подчеркивал в своем определении А.В. Дулов, а также продолжавшие изучение данной проблемы Л.Я. Драпкин [3, с. 54], В.А. Князев [4, с. 64], А.В. Яскевич и В.Н. Радоман [5, с. 70].

Как отмечает М.Ю. Лакомская, в понятии тактических операций авторами отмечается цель или задача, которую следователь намерен решить посредством планирования, организации и проведения тактической операции; ее ситуационный характер и, в определенных обстоятельствах, необходимость взаимодействия следователя с другими правоохранительными органами [6, с. 64].

Согласно концепции А.В. Дулова, тактические операции являются: совокупностью тактических средств, через которые реализуются методы расследования;

средством реализации взаимодействия следствия с органом дознания, государственными учреждениями и организациями, отдельными гражданами, необходимость в котором возникнет при решении задач расследования;

организационным и тактическим средством ликвидации противодействия со стороны правонарушителей;

средством алгоритмизации процесса расследования преступлений;

средством реализации тактических приемов, требующих совокупности действий следователя и представителей других органов и организаций [2, с. 44].

Тактическая операция как один из видов непроцессуальной формы взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска характеризуется следующими признаками:

1. Системность представляет собой упорядоченную совокупность различных действий (следственных, процессуальных, оперативно-розыскных), объединенных единой целью.

2. Согласованность предполагает собой наличие единого плана совместных действий, в основе которого находится единая цель, которая

имеет промежуточный характер, но представляет важное значение для всего этапа расследования.

3. Алгоритмичность, которая представляет собой программу действий следователя, сотрудника уголовного розыска, других лиц относительно задач, которые возникают в различных следственных ситуациях.

4. Единое руководство со стороны следователя за ходом тактической операции.

5. Динамичность предполагает возможность изменения и дополнение тактической операции в ходе реализации плана намеченных действий.

Тактическая операция состоит из следующих структурных элементов:

1. Цель тактической операции – это реальная тактическая задача, возникающая на основе имеющихся в уголовном деле доказательств и направленная на выяснение и установление фактических данных, имеющих значение для расследования уголовного дела.

2. Субъекты тактической операции – это участвующие в подготовке и проведении тактической операции следователь и сотрудник (сотрудники) подразделений уголовного розыска.

3. Объект тактической операции – это определенная материальная совокупность, явление или процесс, на которые направлено воздействие субъектов тактической операции с целью изменения, и как результат – достижение желаемого.

4. Средства – это конкретное сочетание следственных, процессуальных, организационных действий и оперативно-розыскных мероприятий, при помощи которых достигается определенная цель или решается задача тактической операции.

5. Условия тактической операции – это конкретные временные, пространственные, ситуационные особенности, либо особенности, обусловленные субъективным противодействием расследованию или установлению определенных фактов, осуществлению определенных действий.

Таким образом, тактическая операция – это вид непроцессуальной (организационно-тактической) формы взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска, заключающаяся в проведении комплекса следственных, процессуальных, организационных действий и оперативно-розыскных мероприятий, согласованных по единому плану с четким распределением прав и обязанностей каждого из участников и направленная на решение промежуточных задач, которые имеют важное значение для всего расследования.

Список использованных источников

1. Дулов, А.В. О разработке тактических операций при расследовании преступления / А.В. Дулов // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершен-

ствования предварительного следствия : крат. тез. докл. к науч. конф., 17–18 апр. 1972 г. – Л., 1972. – С. 23–25.

2. Дулов, А.В. Тактические операции при расследовании преступлений / А.В. Дулов. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.

3. Драпкин, Л.Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия / Л.Я. Драпкин // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. – Л., 1976. – С. 54–56.

4. Князев, В.А. О понятии тактической операции / В.А. Князев // Криминалистика и судеб. экспертиза. – 1982. – Вып. 25. – С. 64–68.

5. Яскевич, А.В. Тактические операции в процессе выявления и расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами / А.В. Яскевич, В.Н. Радоман // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 2. – С. 68–71.

6. Лакомская, М.Ю. Тактические операции в системе расследования преступлений : учеб.-практ. пособие / М.Ю. Лакомская. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2019. – 130 с.

УДК 343.98

О.И. Локтевич, Г.Р. Пянтковский

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВИДЕОЗАПИСИ

В современных условиях перехода всех сфер жизнедеятельности общества в цифровой формат возрастает значение применения видеозаписи на этапе досудебного уголовного производства как наиболее востребованного средства фиксации хода и результатов следственных действий. Вместе с тем использование видеозаписи в качестве перспективного, доступного и универсального способа фиксации доказательственной информации возможно лишь при условии обеспечения получения с ее помощью качественных данных, отвечающих требованиям относимости, допустимости и достоверности. Указанное возможно при безусловном соблюдении следователями при применении видеозаписи норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), а также криминалистических рекомендаций по ее применению (включающих рекомендации по подготовке, проведению и фиксации результатов следственного действия, при котором применялась видеозапись).

В практической деятельности, к сожалению, при применении видеозаписи в ходе проведения следственных действий следователи нередко допускают ошибки, отдельные из которых влекут серьезные негативные

последствия, в их числе угроза утраты доказательств (которое может быть признано недопустимым в связи с допущенными нарушениями требований УПК). На наш взгляд, допущение ошибок при проведении следственных действий с видеозаписью связано в основном с недостаточными знаниями следователя о том, как правильно применить и процессуально отразить рассматриваемый способ фиксации.

В научной литературе уделяется значительное внимание вопросам, возникающим в связи с применением видеозаписи при производстве следственных действий. Следственным комитетом также разработаны соответствующие методические рекомендации, в которых отражены отдельные тактические особенности применения видеозаписи при их проведении. В свою очередь, полагаем, что целесообразно освещать не только правила применения видеозаписи, но и типичные ошибки, которые наиболее часто допускают следователи в своей деятельности. Изучение обозначенных ошибок и учет их при подготовке и проведении следственных действий с видеозаписью позволят, на наш взгляд, избежать допущения аналогичных ошибок.

По результатам проведенного исследования установлено, что в практической деятельности при проведении следственных действий с применением видеозаписи наиболее часто следователи допускают следующие типичные ошибки.

Типичные процессуальные ошибки. Например, следователи нередко забывают обозначить процессуальный статус всех лиц, присутствующих при проведении следственного действия (что особенно актуально для статистов, конвоиров и т. д.), и, соответственно, не просят их представиться; не разъясняют права и обязанности всем участникам следственного действия (особенно специалисту (иному лицу), который осуществляет видеосъемку); следователи самостоятельно представляют участников следственного действия, отвечают за участников, что разъясненные им права понятны, о языке, на котором участники будут давать показания, и т. д., притом что видеозапись не подтверждает действительность указанной позиции (в кадре съемки только следователь); участники следственного действия не уведомляются о применении научно-технических средств в полном объеме (наиболее часто не указывают полные данные об устройстве, с помощью которого будет осуществляться видеозапись, о картах памяти, об электронном носителе, на который будет скопирована видеозапись для приобщения к уголовному делу, и др.); при проведении допроса и проверки показаний на месте лицу не предоставляется возможность свободного рассказа, задаются наводящие вопросы; по результатам просмотра видеозаписи следователь самостоятельно озвучи-

вает позицию допрашиваемого лица (иного участника) о подтверждении правильности видеозаписи и отсутствии замечаний (что сложно подтвердить ввиду того, что в кадре съемки находится только следователь); после просмотра видеозаписи следователь задает дополнительные вопросы, которые не фиксирует на видеозаписи, и др.

Типичные организационные ошибки. Нередко не обеспечено отражение всех участников следственного действия в кадре съемки, что ставит под сомнение факт их непрерывного присутствия на протяжении всего следственного действия; тактически неправильное расположение участников следственного действия (например, адвокат располагается рядом со следователем таким образом, что имеет возможность видеть документы на экране компьютера следователя, на его рабочем столе, и т. д.); отсутствие подготовительных мероприятий по обеспечению звукоизоляции, необходимой для качественной звуко- и видеозаписи (у участников следственного действия не отключены мобильные телефоны, посторонние лица заглядывают в кабинет в ходе проведения следственного действия и т. д.); плохое качество видеозаписи (искажение изображения, в том числе ввиду некачественной фиксации видеокамеры либо удержания ее в руках; затемнение лиц участников ввиду расположения видеокамеры напротив источника яркого света, например, окна и т. д.) и др.

Типичные тактические ошибки. Составление протокола следственного действия параллельно с его проведением (затягивает время, отвлекает внимание участников, лишает возможности применять тактические приемы, создает посторонние шумы на видеозаписи и др.), тогда как при применении видеозаписи рекомендуется составлять протокол непосредственно после проведения следственного действия с видеозаписью; утрата следователем своей руководящей роли при проведении следственного действия (нарушение участниками следственного действия порядка его проведения; участники задают вопросы, позволяют себе высказывать какие-либо комментарии без разрешения следователя и т. д.); нарушение композиционного построения кадра съемки (отсутствие на видеозаписи всех участников следственного действия, что ставит под сомнение их непрерывное участие на протяжении всего времени его проведения) и др.

Таким образом, выявлено наличие трех групп типичных ошибок, допускаемых следователями при проведении следственных действий с применением видеозаписи.

Полагаем, что теоретическая подготовка следователей по данному вопросу будет способствовать сокращению числа ошибок, допускаемых следователями, что, в свою очередь, позволит повысить результатив-

ность проведения следственных действий с применением видеозаписи, а также снизит риск утраты доказательств (ввиду потенциальной угрозы признания их судом недопустимыми).

Для доведения до следователей Следственного комитета Республики Беларусь информации о типичных ошибках, допускаемых при проведении следственных действий с применением видеозаписи, на кафедре организации предварительного расследования учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Следственного комитета Республики Беларусь» апробирована методика проведения онлайн-занятия по теме «Применение видеозаписи в ходе следственных действий». Результаты проведения онлайн-занятия обсуждены со следователями, которые указали актуальность и значимость полученной ими информации, акцентировав при этом внимание, что наиболее полезной им представляется именно информация о типичных ошибках, допускаемых в практической деятельности при проведении следственных действий с применением видеозаписи.

В связи с этим представляется целесообразным развивать практику и культуру совместного обсуждения со следователями типичных ошибок, допускаемых при проведении следственных действий с применением видеозаписи, а также иных проблем, возникающих в практической деятельности. Реализовать указанное представляется возможным не только при проведении онлайн-занятий, но и в ходе тематических тренингов, круглых столов, посвященных данной проблематике, обучающих занятий, семинаров и т. д.

УДК 343.98

Е.Л. Лужинская

ОСОБЕННОСТИ СТАДИИ ОЦЕНКИ И ФОРМУЛИРОВАНИЯ ВЫВОДОВ В СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Все судебные экспертизы выполняются, согласно определенному алгоритму, установленному соответствующими методиками проведения экспертных исследований. Методика проведения любого экспертного исследования базируется на положениях общей методики теории судебной экспертизы, с учетом характерных особенностей, присущих конкретному виду исследования или представляемым объектам. Разработкой методики проведения портретных экспертиз занимались такие ученые, как А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий, В.А. Снетков, Н.Н. Ильин

и др. [1–4]. Они предлагали различные варианты структуры данной методики. В частности, Н.Н. Ильин предлагал в заключительную стадию портретной экспертизы включать два этапа: этап непосредственной оценки совпадающих и различающихся признаков элементов внешности человека, выявленных на стадиях раздельного и сравнительного исследования, и этап формулирования выводов [4]. Такое построение структуры заключительной стадии портретной экспертизы представляется, на наш взгляд, наиболее оптимальным.

Полагаем, в данной статье следует осветить отдельные особенности стадии оценки и формулирования выводов. Эта стадия подводит итоги полному и всестороннему изучению всех результатов раздельного и сравнительного исследования, составляющего основную сущность криминалистической идентификации, на основании которой и формулируется вывод о тождестве или его отсутствии.

Вышеуказанная стадия методики проведения портретной экспертизы не отграничивается от предыдущих, поскольку вывод о тождестве либо его отсутствии в наиболее определенных случаях может выдвигаться в виде одной из возможных версий еще на предварительной стадии (при решении вопроса о пригодности объекта для идентификации), формироваться и окончательно складываться на стадии раздельного исследования. Вместе с тем на данной стадии портретной экспертизы происходит формулирование того или иного вывода в зависимости от выявленных признаков.

На стадии сравнительного исследования путем изучения свойств совпадающих и различающихся признаков выясняется природа их совпадений и различий, т. е. являются ли они случайными или закономерными. Оценивая тот или иной признак элемента внешности, эксперту необходимо знать, что совпадающие признаки должны быть индивидуальными, достаточными и устойчивыми, различающиеся же существенными и устойчивыми и вследствие образовывать достаточную совокупность для установления наличия либо отсутствия тождества. При этом, как указывают А.М. Зинин и И.Н. Подволоцкий, совпадения или различия могут быть достоверными и мнимыми, полными и частичными [1].

Полагается, что для более обоснованного формулирования того или иного вывода с учетом оценки результатов сравнительного исследования следует уяснить сущность понимания достаточной совокупности, под которой понимается совокупность признаков элементов внешности, необходимая для категорического или вероятного вывода о наличии или отсутствии тождества, следовательно, недостаточной совокупностью будет являться совокупность признаков элементов внешности, не позво-

ляющая прийти к какому-либо категорическому или вероятному выводу о наличии или отсутствии тождества [1].

Отдельно взятые признаки могут встречаться и у разных людей, но их совокупность должна быть неповторимой. Поэтому мнимые совпадения или различия не включаются в комплексы признаков, свидетельствующих о наличии или отсутствии тождества между сравниваемыми лицами.

Индивидуальность внешнего облика человека оценивается по отношению ко всему комплексу совпадающих признаков, в результате чего выясняется его достаточность для вывода о тождестве. А.М. Зотов, А.Ш. Каганов, Л.Ф. Назин в своих трудах указывают, что «комплекс может считаться индивидуальным тогда, когда при полном совпадении анатомических, функциональных и сопутствующих признаков лица человека полностью совпадают и особенности» [5].

С их мнением можно частично согласиться, но вместе с тем следует отметить, что полное совпадение названных признаков в экспертной практике случается довольно редко, по причинам воздействия целого ряда факторов. Проводя анализ экспертных заключений, выполненных в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь с июля 2013 г. по июль 2020 г., объектами которых являлись цифровые видеозаписи, стоит отметить, что в 95 % функциональные признаки не входили в индивидуальную совокупность по причине их неотображения. Данная ситуация обусловлена в основном характеристиками записывающих устройств (низкое разрешение изображения), большой дистанцией съемки, недостаточными условиями освещения и т. д.

Что касается сопутствующих признаков, то они являются лишь дополнением к представлению о целостном облике человека и не являются обязательными элементами наряду с общефизическими, анатомическими и функциональными. Вместе с тем изображения предметов одежды, в которые надето лицо, запечатленное как на фотоизображениях, так и на видеозаписях, могут являться объектами самостоятельной экспертизы – судебной фототехнической экспертизы, и в случае наличия каких-либо особенностей (производственных или эксплуатационных) позволяют идентифицировать отдельные предметы одежды.

В рамках же портретной экспертизы сопутствующие элементы напрямую не характеризуют внешний облик человека, они являются его атрибутами, а поэтому говорить об индивидуальном комплексе при наличии полного совпадения данных признаков элементов внешности человека, на наш взгляд, не совсем корректно.

На основании вышеизложенного, полагаем, что комплекс признаков можно считать индивидуальным и достаточным, когда при полном со-

впадении анатомических признаков лица человека совпадают все его особенности (с учетом их видоизменения в идентификационный период и факторов, влияющих на достоверность отображения признаков).

После оценки результатов сравнительного исследования экспертом принимается решение о формулировании того или иного вывода.

В портретной экспертизе выводы даются в одной из пяти форм (категорический положительный вывод о тождестве, категорический отрицательный вывод, вероятный положительный вывод, вероятный отрицательный вывод, вывод о невозможности решения вопроса (НПВ)), опирающихся на конкретное логическое основание и обуславливающих определенную структуру ответа эксперта на поставленный вопрос.

Список использованных источников

1. Зинин, А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза : учебник / А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий ; под ред. Е.Р. Россинской. – М. : Норма : Инфра-М, 2018. – 288 с.
2. Подволоцкий, И.Н. Судебная портретная экспертиза / И.Н. Подволоцкий. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 253 с.
3. Снетков, В.А. Портретная идентификация личности / В.А. Снетков ; МООН СССР ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т охраны обществ. порядка. – М. : [б. и.], 1968. – 98 с.
4. Ильин, Н.Н. Криминалистическая идентификация человека по видеоизображениям : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Н.Н. Ильин. – М., 2016. – 214 л.
5. Концептуальные основы криминалистической экспертизы видеозаписей (теория, практика, методология исследования) : монография / А.С. Блохин [и др.]. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 200 с.

УДК 343.985.7

О.В. Маркова

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ («ОТМЫВАНИЕ») ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ И СБОРОВ

Общественная опасность легализации («отмывания») преступных доходов зависит от вида предикатного преступления, в результате совершения которого такие доходы получены. Рассматриваемый вид криминального деяния хоть и является вторичным, но отчасти детерминирует первичную преступную деятельность. Анализ национальной оценки рисков легализации («отмывания») доходов, полученных преступным путем, позволил определить основные предикатные преступ-

ления, имеющие высокую степень угрозы: налоговые преступления; предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии); преступления, связанные с наркотиками; преступления, связанные с информационными технологиями; коррупционные преступления. Налоговые преступления неслучайно занимают лидирующую позицию в данном списке. Исторически так сложилось, что толчком к созданию и внедрению механизма «отмывания» криминальных доходов в мире явились как раз средства, образованные вследствие уклонения от уплаты налогов.

Уклонение от уплаты сумм налогов и сборов является высоколатентным и высокодоходным криминальным видом деятельности, подрывающим экономическую и финансовую безопасность государства. Сложившаяся система неформальных фиктивных экономических отношений, использование «черного нала» при производстве расчетов, осуществление деятельности отдельными индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами в теневом секторе экономики позволяют удовлетворять корыстные интересы участников хозяйственных правоотношений в условиях несовершенства действующего законодательства и отсутствия действенного механизма обеспечения налогового контроля. Плательщики налогов не только не спешат отдавать часть доходов государству, но и разрабатывают сложные экономические схемы, позволяющие уменьшить налоговое бремя или вовсе избежать обязанности уплаты налогов, например, манипуляции с налоговыми льготами, наймом работников, размещением финансовых средств и т. д. Но одного факта неуплаты налогов недостаточно для дальнейшего экономически выгодного функционирования субъекта хозяйствования. Образование денежных средств в результате неуплаты обязательных сумм налогов и сборов, иных платежей в доход государства влечет за собой дальнейшую их легализацию путем ввода в официальную экономику страны. «Отмывание» преступных доходов, когда утаивается истинный источник происхождения денежных средств, часто представляет собой единственную возможность распорядиться незаконно добытыми материальными ценностями в результате уклонения от налогообложения и не привлечь внимание фискальных и правоохранительных органов.

Налог на добавленную стоимость приносит в бюджет государства наибольшую сумму денег по сравнению с другими обязательными платежами. Уклонение от уплаты данного вида налога и незаконное его возмещение из бюджета государства является наиболее привлекательным при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Чаще всего преступники применяют схемы реализации товаров, помещенных под

таможенную процедуру экспорта, где возможно применение налоговой ставки 0 %. Для этого создаются фиктивные документы, подтверждающие лжеэкспорт, хотя на самом деле, например, товары были реализованы за наличные денежные средства на внутреннем рынке страны. Злоумышленники также могут предоставлять в налоговые органы налоговую декларацию с внесенными в нее недостоверными сведениями об объемах или цене, вывозимой продукции, которые значительно завышены по сравнению с реальными, что обуславливает увеличение себестоимости товара, а значит и возмещаемые суммы по налогу на добавленную стоимость.

При реализации товаров на внутреннем рынке для снижения налоговой нагрузки по налогу на добавленную стоимость или получения льгот преступники вносят ложные сведения в бухгалтерский и налоговый учет о выполнении работ субподрядчиками (подконтрольными плательщику организациями), хотя услуги были выполнены силами своей организации. Или, например, возврат налога на добавленную стоимость при отсутствии выручки, когда, например, осуществляется покупка дорогостоящего оборудования, которое ставится в организации на учет в качестве основного средства, хотя реально оно приобретает для последующей реализации. Применяется и повторное получение возврата налога на добавленную стоимость. В схемах для безопасности уклонения от уплаты сумм налогов и сборов используются цепочки по многократному переводу товара, денежных средств через поставщиков и контрагентов, так называемое запутывание следов, где важная роль отводится не подконтрольным налогоплательщику легитимным фирмам, которые можно без труда установить и проверить, а именно организациям, которые непосредственно занимаются легализацией («отмыванием») преступных доходов.

Таким образом, легализация денежных средств, укрытых от налогообложения, подрывает экономическую и финансовую безопасность страны, так как предметом преступления являются средства, правом на получение которых обладает государство. Налогоплательщик не просто нарушает запрет на уклонение от уплаты сумм налогов и сборов, а умышленно манипулирует нормами налогового, таможенного, хозяйственного, гражданского и иного законодательства, регулирующего его экономическую деятельность, использует правовые пробелы, ставит себя в более выгодные условия налогообложения, скрывает истинное происхождение преступных доходов, вводит в легальный оборот «отмытые» денежные средства. Фискальным и правоохранительным органам установить факты уклонения от выполнения налогового

обязательства гораздо сложнее, когда укрытые от налогообложения средства неоднократно пропускались через специально созданные институты и субъекты, дабы быть заново интегрированными в легальный экономический оборот.

УДК 343.98

Н.А. Марцынкевич

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О СКЛОНЕНИИ К САМОУБИЙСТВУ

По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодное суммарное число самоубийств во всем мире близится к 800 000 человек. Среди причин смерти в возрасте от 15 до 19 лет суицид находится на третьем месте [1]. По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в нашей стране ежегодно фиксируется 240–250 парасуицидальных попыток среди несовершеннолетних, 40 из которых становятся завершёнными суицидами [2, с. 173]. При этом судебная статистика ничего не говорит о том, какое количество суицидов имеет криминальный характер, т. е. лишение себя жизни вызвано преступным поведением иного лица. Впервые в нашей стране о криминальном подростковом суициде заговорили в 2017 г., когда Следственным комитетом Республики Беларусь по фактам попыток самоубийства двух школьниц в Витебске и Минском районе возбудили уголовные дела по ст. 146 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) [3]. При этом до сих пор практикой и юридической наукой не выработаны рекомендации по организации производства по материалам и уголовным делам о склонении к самоубийству. В этой связи делать ставку на превентивную роль уголовной ответственности, как средства сокращения числа суицидов, не приходится. В связи с чем была предпринята попытка выработки предложений по усовершенствованию деятельности органа уголовного преследования в ходе производства по материалам о склонении к самоубийству.

Деятельность органа уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела начинается с повода к возбуждению уголовного дела. Типичными поводами по данной категории уголовных дел выступают заявление граждан и непосредственное обнаружение органом уголовного преследования признаков преступления. Как правило, повод содержит информацию о совершенном акте суицида либо покушении на него, а признаки, указывающие на криминальный его характер, еще

не очевидны. В таких условиях орган уголовного преследования осуществляет мыслительную деятельность, сопровождающуюся выдвижением предположений о характере происшедшего события, именуемых в криминалистике общими версиями. Так, по рассматриваемой категории преступлений могут быть выдвинуты следующие версии: 1) преступления не было (был естественный акт суицида, несчастный случай); 2) имелось склонение к самоубийству (ст. 146 УК); 3) совершено иное преступление (доведение до самоубийства (ст. 145 УК), убийство (ст. 139 УК), причинение смерти по неосторожности (ст. 144 УК)). Отработывая версию о возможном склонении к самоубийству, требуется получить доказательства, указывающие на наличие либо отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 146 УК.

Диспозиция ч. 1 ст. 146 УК определяет, что склонение к самоубийству – это умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него. Преступник воздействует на сознание и волю потерпевшего, показывая ему привлекательность самоубийства. Действия преступника в своем роде формируют условия для самоубийства.

Таким образом, в ходе производства по материалам требуется установить, с одной стороны, обстоятельства, относящиеся к действиям самоубийцы, а с другой стороны, обстоятельства, относящиеся к действиям лица по склонению будущего самоубийцы к суициду. В рамках исследования первой группы обстоятельств требуется установить: 1) сам факт самоубийства (исключая при этом версии об убийстве, причинении смерти по неосторожности, доведении до самоубийства); 2) время самоубийства; 3) место самоубийства; 4) способ самоубийства (утопление, повешение, падение с высоты, отравление и др.); 5) характеристика личности самоубийцы. В рамках исследования второй группы обстоятельств требуется доказать: 1) факт возбуждения у лица решимости совершить самоубийство; 2) время склонения к самоубийству; 3) место склонения к самоубийству; 4) способ склонения к самоубийству; 5) характеристика личности виновного; 6) взаимоотношения виновного и самоубийцы. При этом способы склонения к самоубийству можно классифицировать по следующим основаниям:

по содержанию воздействия на будущего самоубийцу – просьба, уговор, приказ, поручение, указание, совет, обман, подкуп;

по форме воздействия – вербально (устно, письменно), невербально (жесты, предоставление орудий, средств для суицида, устранение препятствий для совершения самоубийства);

по способу убеждения – открыто, завуалированно.

Вместе с этим между фактами самоубийства и возбуждения у лица решимости совершить самоубийство требуется установить причинную связь.

К тому же, в случае неустановления лица, предпринимавшего активные действия (будь то открытые либо завуалированные) по убеждению другого лица совершить суицид, в собранных в ходе предварительной проверки материалах должны найти отражения объективные обстоятельства, свидетельствующие о субъективном отношении лица к совершаемым им действиям по возбуждению у другого лица решимости совершить самоубийство. Так, например, в ходе осмотра переписки лица, склонявшего к самоубийству, и будущего самоубийцы из ее содержания может стать очевидным, что виновное лицо сознает, что вселяет смелость и устраняет боязнь самоубийства у другого лица, предвидит с его стороны акт суицида и желает его наступления.

Для установления перечисленных обстоятельств органу уголовного преследования требуется:

провести осмотр места происшествия (как места, где совершен суицид или попытка суицида, так и места проживания, учебы, работы самоубийцы, места вероятного нахождения следов склонения к самоубийству);

назначить судебно-медицинскую экспертизу и при необходимости комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу;

получить объяснение у лица, совершившего покушение на самоубийство;

установить круг общения самоубийцы и получить объяснения;

истребовать характеризующий материал на самоубийцу;

осмотреть электронные и бумажные носители информации самоубийцы (либо в ходе осмотра места происшествия, либо в рамках отдельного осмотра предмета, изъятого в ходе того же осмотра места происшествия). В ходе их осмотра надлежит выявить аудио-, видео-, текстовую, графическую информацию, созданную пользователем и имеющую негативную эмоциональную окраску. В ходе осмотра веб-устройств необходимо установить следы интернет-активности пользователя (историю посещения интернет-браузеров, кэш и куки интернет-браузеров) и размещенную им информацию на удаленных ресурсах в сети Интернет;

установить IP-адреса, с которых велась переписка, истребовать у интернет-провайдера сведения по IP-адресу об устройстве лица, его использовавшем, о лице, которому он выделен, о местонахождении устройства;

получить детализацию телефонных переговоров самоубийцы, по результатам анализа которых истребовать у оператора сотовой связи све-

дения о принадлежности интересующего абонентского номера, о телефонных соединениях по нему и местонахождении абонента в момент общения (посредством геолокации).

Разработанные предложения могут выступать в качестве организующего начала деятельности органа уголовного преследования по обнаружению факта склонения к самоубийству и установлению его обстоятельств, что обеспечит принятие законного решения по материалу проверки.

Список использованных источников

1. Самоубийства: история и статистика [Электронный ресурс] // Ritual.by / ООО «Городская Ритуальная Служба». – Режим доступа: <https://ritual.by/info/articles/samoubiystva-istoriya-i-statistika/>. – Дата доступа: 01.03.2021.

2. Борисова, Ж.А. Криминологические аспекты снижения уровня детской виктимности в социальных сетях [Электронный ресурс] / Ж.А. Борисова // Актуальные вопросы криминологии, исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19 апр. 2019 г.) : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2019. – С. 172–175.

3. Круглый стол: как защитить наших детей от смертельных увлечений в социальных сетях [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/opasnye-igrы-dlya-razuma.html>. – Дата доступа: 01.03.2021.

УДК 343.98

А.Н. Матлак

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРОВ МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЙ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Огнестрельное оружие на современном этапе развития общества часто выступает в качестве орудия совершения различных категорий преступлений – убийств, разбойных нападений, хулиганств, браконьерства и т. д. В связи с этим подразделения Следственного комитета Республики Беларусь и Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь сталкиваются с необходимостью квалифицированного проведения осмотров мест происшествий на профессионально высоком уровне в целях максимально полного сбора доказательственной базы по уголовному делу.

Осмотры мест происшествий по делам, в которых применялось огнестрельное оружие, представляют собой сложный и трудоемкий процесс, состоящий из нескольких этапов, на которых крайне важным является

степень взаимодействия следователя как руководителя следственно-оперативной группы и специалиста экспертно-криминалистического подразделения. Традиционно выделяют три основных этапа проведения такого рода осмотров: подготовительный, рабочий и заключительный.

На подготовительном этапе первоочередной задачей, исходя из известных обстоятельств происшествия, является определение границ осмотра. Решение данного вопроса не представляется сложным, если речь идет о преступлении, совершенном в помещении. Следователем с учетом рекомендаций специалиста обозначаются пределы осмотра, которые доводятся до участников следственного действия, при необходимости для обеспечения сохранности следовой картины места происшествия привлекаются дополнительные сотрудники, выставляются защитные ограждения, указатели, информационные таблички и т. п.

Границы осмотра не должны ограничиваться местом непосредственного совершения преступления, так как по рассматриваемой категории происшествий они могут зависеть от нескольких обстоятельств:

- места нахождения цели и стрелявшего;
- количества произведенных выстрелов и поврежденных объектов;
- количество стрелявших, пути подхода и отхода злоумышленников;
- место обнаружения оружия (может быть в значительной удаленности от участка осмотра);
- место обнаружения стреляных гильз и других сопутствующих стрельбе объектов.

Важным моментом, особенно в условиях недостаточной информации и неочевидности обстоятельств совершенного преступления, является соблюдение правил личной безопасности сотрудников, прибывших на место происшествия, для чего рекомендуется экипировать участников следственно-оперативной группы средствами индивидуальной защиты.

На подготовительном этапе специалист определяет примерный перечень технических средств, необходимых для поиска и сбора доказательственной информации, и в случае необходимости запрашивает доставку на место происшествия необходимых материалов, инструментов и оборудования (например, дополнительных источников освещения).

На рабочем этапе специалист и следователь осуществляют непосредственный поиск, фиксацию и изъятие объектов-носителей криминалистически значимой информации. Целесообразно начинать обнаружение следов и объектов с пораженной преграды, в ходе чего предварительно устанавливаются: характер и количество огнестрельных повреждений, вид примененных метаемых снарядов (пуля, дробь и картечь) и возможная дистанция выстрела, а также место, где находился стрелявший. Все

обнаруженные повреждения фотографируются по правилам узловой и детальной фотосъемки, тщательно протоколируются и обозначаются на составляемых схемах, поскольку впоследствии могут быть материалами для проведения ситуационных судебно-баллистических экспертиз.

При обнаружении оружия на месте происшествия необходимо руководствоваться требованиями безопасности и в первую очередь установить заряжено оружие или нет. Если возможно – производится разряжание оружия, при этом извлеченные боеприпасы и оружие в последующем упаковываются отдельно. В случаях когда разрядить оружие не представляется возможным – необходимо обеспечить такое положение стреляющего механизма оружия, которое предотвратит случайное производство выстрела при транспортировке вещественного доказательства.

Обнаруженные на месте происшествия пули и элементы множественных метаемых снарядов (дробь и картечи) описываются в протоколе с обязательным указанием места обнаружения, глубины вхождения снаряда в преграду, вида патрона, частью которого являлся снаряд, формы и размерных параметров, материала, из которого изготовлен снаряд и т. д.

Важным моментом, который нельзя упускать при работе с объектами, обнаруженными на месте происшествия, связанном с применением огнестрельного оружия, является поиск на поверхности вещественных доказательств следов рук и следов биологического происхождения, прежде всего крови. Первоочередность в обнаружении указанных категорий следов связана с возможностью получения максимально значимой доказательственной информации по делу и их более высокой идентификационной значимости.

Наряду с обнаружением и изъятием объектов для проведения дактилоскопических, биологических и баллистических исследований, нельзя упускать из вида возможность обнаружения на рассматриваемой категории осмотров мест происшествий вещественных доказательств по другим направлениям экспертной деятельности: следы обуви и транспортных средств для трасологической экспертизы, предметы, использовавшиеся для связывания и транспортировки (канаты, веревки и т. п.) для экспертизы волокнистых материалов, технические жидкости транспортных средств для экспертизы нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов и т. д.

При проведении осмотра места происшествия по фактам браконьерства в качестве объектов, подлежащих осмотру и изъятию для последующего экспертного исследования, выступают шкуры животных с огнестрельными повреждениями. Необходимо помнить, что исследование указанной категории объектов лежит в сфере интересов раневой балли-

стики и ветеринарии, в связи с чем целесообразно привлечение к осмотру места происшествия специалиста, компетентного в вышеуказанных отраслях специальных знаний.

Заключительный этап проведения осмотров мест происшествий по делам, связанным с применением огнестрельного оружия, заключается в упаковке обнаруженных объектов, завершении оформления материалов осмотра (протокола, схем и т. п.), выработке совместных тактических решений следователя и специалиста по назначению экспертиз по изъятым объектам.

Таким образом, проведение осмотров мест происшествий по делам, связанным с применением огнестрельного оружия, несмотря на свою сложность, наличие специфических особенностей, обусловленных механизмом совершения преступлений, необходимость соблюдения определенных правил и требований – процесс, который при корректно выстроенной стратегии совместной деятельности на осмотре следователя и специалиста, приводит к максимально полному сбору криминалистически значимой информации, способствующей качественному и объективному расследованию уголовного дела.

УДК 343.98.062

В.А. Машлякевич

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РАССЛЕДОВАНИЯ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПО МАТЕРИАЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВАХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В последние годы наблюдается значительный рост преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершаемыми с использованием средств телефонной связи. По данным ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2019 г. было зарегистрировано 62 871 преступление указанной категории, при этом предварительное расследование проведено лишь по 4 494 (7,1 %) уголовным делам. В 2020 г. зарегистрировано 110 974 мошенничества рассматриваемого вида, предварительное расследование проведено по 5 867 (5,3 %) уголовным делам.

На эффективность проводимого расследования, бесспорно, оказывает влияние скорость реагирования сотрудников правоохранительных органов на поступившее заявление. Справедливо отмечает П.П. Ищенко, что «эффективность следственной деятельности напрямую определяется объемом доказательств, занимающих место в уголовном деле»

[1, с. 30]. Организация сбора максимально возможного количества доказательственной информации о преступлении является приоритетной задачей этапа предварительной проверки материалов. В данном же контексте следует отметить роль сотрудника оперативно-розыскного подразделения, в чьи обязанности, наряду со следователем и экспертом-криминалистом, входит сбор такой информации.

Организация расследования преступлений рассматриваемой категории строится с учетом «результатов предварительной проверки сообщения о совершенных мошеннических действиях с использованием мобильного телефона, направленных, в основном, на установление личности и места пребывания лица, на которое зарегистрирован абонентский номер телефона, используемый злоумышленником в процессе совершения преступления» [2, с. 15].

Отправной точкой на этапе предварительной проверки материалов о мошенничестве с использованием средств телефонной связи служит абонентский номер телефона, используемый преступником. При этом следует отметить, что в случае звонка на мобильный телефон потерпевшего установление абонентского номера преступника не вызовет сложностей – он останется в памяти телефона потерпевшего и в ходе опроса будет установлен.

Если телефонный звонок преступника осуществлен на стационарный номер телефона потерпевшего, установить абонентский номер звонившего будет несколько сложнее. Рассмотрим данный процесс на примере компании «Ростелеком», поставляющей услуги связи населению.

Детализация звонков по стационарному телефону может быть получена как путем личного обращения абонента в офис компании, так и запрошена в онлайн-режиме посредством сети Интернет. Личное обращение абонента в офис компании займет довольно продолжительное время, поэтому эффективнее будет воспользоваться онлайн-сервисом. Для получения детализации необходимо пройти процедуру регистрации на сайте «Ростелеком», после чего в блоке «Расходы и платежи» кликнуть пункт «Детализация вызовов», указать временные рамки проверяемого периода, отметить группы звонков, которые необходимо отобразить, а также ввести свой e-mail. Затем необходимо подтвердить правильность запрашиваемых данных и осуществить запрос. Детализация телефонных звонков будет выслана на указанный при регистрации e-mail.

Получив информацию об абонентском номере, с использованием которого было совершено телефонное мошенничество, оперативный работник посредством различных онлайн-сервисов (<https://www.kody.su/check-tel>, <https://phonenum.info/> и др.) может установить его принад-

лежность к субъекту Российской Федерации и оператору связи, обслуживающему данный номер, а значит значительно сузить круг поисков.

Используемые преступниками сим-карты часто оформляются на несуществующих лиц, либо вовсе не имеют установочных данных. Однако же нередки случаи, когда владелец данной сим-карты действительно существует. Так, с целью совершения мошенничества с использованием средств телефонной связи обвиняемый О. приобрел в личное пользование мобильный телефон и сим-карту с абонентским номером 8-965-..., зарегистрированную на Ф., а также использовал приобретенную ранее сим-карту с абонентским номером 8-950-..., зарегистрированную на П. [3].

Информацию о предполагаемом владельце сим-карты можно узнать с помощью мобильного приложения «Getcontact». Его основной идеей является определение имени (а часто и фамилии) звонящего пользователю абонента даже в том случае, если его нет в списке контактов. Приложение собирает данные о том, каким образом записан тот или иной абонентский номер телефона в книге контактов различных пользователей, у которых оно уже установлено. Учитывая популярность данного приложения (в настоящее время только в России насчитывается более 10 тыс. пользователей, а общая база телефонных номеров превышает 2 млрд), его использование в процессе раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи, вполне возможно. Проведя анализ информации, предоставляемой мобильным приложением «Getcontact», мы пришли к выводу, что при проверке абонентских номеров в данном приложении можно получить следующие группы данных о предполагаемых владельцах сим-карты:

фамилия и имя абонента;

имя и отчество абонента;

имя и род деятельности абонента (часто в книгах телефонных контактов пользователь может быть записан как «Олег Мебель», «Иван Автослесарь» и т. д.).

Затрагивая вопрос использования продуктов современной цивилизации с целью раскрытия рассматриваемой категории преступлений, следует упомянуть и о банковских мобильных приложениях. В следственной практике встречаются случаи, когда мошенник указывает зачисление на банковскую платежную карточку, оформленную на подставного человека и к которой он имеет доступ, в качестве варианта передачи денежных средств потерпевшим. В наиболее распространенном приложении «СберБанк Онлайн» при оформлении перевода денежных средств по номеру телефона отображается информация об имени, отчестве и первой букве фамилии получателя перевода, приводятся первые шесть и последние четыре цифры банковской платежной карточки получате-

ля, а также реквизиты (номер и дата) самого перевода. В свою очередь, информация о первых шести цифрах банковской платежной карточки может быть использована для определения банка, обслуживающего данную карточку. Для этого можно воспользоваться соответствующим онлайн-сервисом (например, <https://psm7.com/bin-card>, <https://karta-banka.ru/>), на котором необходимо ввести имеющиеся данные. Помимо принадлежности к банку будет предоставлена информация о платежной системе (Visa, MasterCard), типе карты (кредитная, дебетовая) и стране использования.

Таким образом, уже после первоначальной встречи с потерпевшим на этапе предварительной проверки мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи, оперативным путем может быть получена информация о номинальном владельце сим-карты, которой пользовался преступник для совершения преступления, а также регионе, в котором находится данный человек и откуда, вероятнее всего, было совершено преступление.

Список использованных источников

1. Ищенко, П.П. Уголовно-процессуальные аспекты эффективности предварительного следствия / П.П. Ищенко // Рос. следователь. – 2013. – № 21. – С. 29–31.
2. Машлякевич, В.А. Некоторые вопросы организации первоначального этапа расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи / В.А. Машлякевич // Вестн. ВППК МВД России. – 2020. – № 1 (53). – С. 14–19.
3. Обвинительное заключение по уголовному делу № 11801320067210180 // ГСУ ГУ МВД России по Кемеровской области, 2019.

УДК 343.985

В.Н. Михневич

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ПРОИЗВОДСТВО ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Взятничество – наиболее опасная форма коррупции, характеризующаяся высокой степенью латентности. Выявление и расследование взятничества требует высокого уровня квалификации со стороны органов дознания и предварительного следствия.

Вместе с тем анализ практики свидетельствует, что процент прекращенных уголовных дел по п. 2 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь неизменно высок. На наш взгляд, данное

обстоятельство связано с ошибками, допускаемыми сотрудниками на стадии возбуждения уголовного дела и при производстве отдельных следственных действий.

Основу материалов доследственных проверок о взяточничестве составляют данные, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, предоставленные в последующем в установленном законом порядке.

Абсолютное большинство проверок по указанной выше категории дел начинается с поступления заявления от лица, ранее передавшего материальные ценности в качестве взятки либо в отношении которого поступило требование о передаче материальных ценностей. Заявитель предупреждается об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 400 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). Также последнему разъясняются нормы, предусмотренные примечанием к ст. 431 УК. В ходе получения объяснения у заявителя выясняются все обстоятельства передачи материальных ценностей в качестве взятки либо обстоятельств вымогательства взятки, а также мотив обращения в правоохранительные органы. Последующий этап проведения проверки, формирующий основную доказательственную базу, основывается на проведении оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Основной особенностью проведения доследственных проверок по взятничеству является фактическое совпадение момента окончания проведения оперативно-розыскных мероприятий, задержания взяткополучателя с поличным, незамедлительное принятие решения о возбуждении уголовного дела и проведении неотложных следственных действий.

Задержание взяткополучателя с поличным характеризуется наличием важных тактических элементов, составляющих основу успеха предварительного следствия. Задержанию с поличным предшествует подготовка технических средств (видеокамера с обозначаемыми техническими характеристиками), исследование денежных средств на предмет подлинности, подготовка специальных пакетов с идентификационными номерами и пояснительными бирками для хранения предмета взятки, стерильных одноразовых перчаток для проведения личного обыска либо осмотра места происшествия.

Основопологающим при задержании взяткополучателя является неукоснительное соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства. При допущении нарушений норм уголовно-процессуального законодательства при проведении задержания, личного обыска и осмотра места происшествия доказательства будут признаны недопустимыми.

В последующем при задержании и проведении личного обыска и (или) осмотра места происшествия (в случае обнаружения предмета

взятки при проведении личного обыска) в протоколе отражается факт применения средств видеофиксации, место, дата и точное время начала процессуального действия, данные всех участников. Обнаруженные материальные ценности, являющиеся предметом взятки, демонстрируются участникам процессуального действия с отражением идентификационных признаков, после чего помещаются в специальный пакет, снабжаются пояснительной запиской и опечатываются. В случае окончания либо прерывания видеозаписи для составления процессуальных документов в протоколах отражается точное время. После окончания видеозаписи предъявляется для ознакомления всем участникам процессуального действия.

Далее все участники процессуального действия следуют в орган дознания для составления объяснений. Одновременно с указанными процессуальными действиями необходимо изъять личное дело, сведения о приеме на работу и должностные обязанности взяточполучателя. Следует констатировать, что только единичные редакции должностных обязанностей охватывают весь перечень фактических обязанностей взяточполучателя, в связи с чем дополнительно на этапе окончания проведения доследственной проверки необходимо получить объяснения у сотрудников организации (предприятия) для определения всего круга должностных обязанностей взяточполучателя. Пренебрежение указанным требованием влечет за собой возврат материалов в орган дознания для проведения дополнительной проверки. Кроме того, изъятию подлежат документы, свидетельствующие о совершении юридически значимых действий в пользу взяточдателя.

По обстоятельствам проводимой проверки и задержания также опрашиваются взяточполучатель, взяточдатель (дополнительно), понятые. Далее принимаются меры по установлению материального положения взяточполучателя и членов его семьи. До момента задержания с учетом обширного круга знакомств взяточполучателя в различных отраслях принимать указанные меры недопустимо в целях неразглашения данных доследственной проверки.

Представляется целесообразным обозначить, что потребности практики подразделений по борьбе с экономическими преступлениями свидетельствуют о том, что проверочные действия, а также последующее проведение следственных действий в рамках возбужденного уголовного дела по поступившему поручению следователя необходимо проводить в составе группы сотрудников органа дознания. Вместе с тем указанная норма в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не закреплена.

После проведения всех процессуальных действий и получения соответствующих результатов оперативно-розыскных мероприятий незамедлительно принимается решение о возбуждении уголовного дела.

После возбуждения уголовного дела в течение суток необходимо провести допрос взяточполучателя в качестве подозреваемого, в качестве свидетелей – взяточдателя, понятых, сотрудников предприятия (организации), произвести осмотр предмета взятки, изучить материалы оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, после возбуждения уголовного дела необходимо провести обыск рабочего кабинета взяточполучателя. В ходе обыска особое внимание следует уделить записям в ежедневнике и черновым записям, визитным карточкам представителей организаций частной формы собственности, фирменной продукции (календари, буклеты, ручки), наличие денежных средств и иных материальных ценностей. Полученная в ходе проведения обыска информация послужит одним из основных направлений для последующего установления дополнительных эпизодов преступной деятельности подозреваемого.

Немаловажным остается вопрос о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении взяточполучателя. Ошибочной является позиция о применении подписки о невыезде и надлежащем поведении в случае признания взяточполучателем факта получения материальных ценностей в качестве взятки. Исходя из практического опыта автора, первоначальные показания подозреваемого, связанные с признанием факта получения взятки часто направлены на избежание применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Кроме того, в последующем подозреваемым применяются активные меры, направленные на оказание психологического давления на взяточдателя, а также меры, направленные на придание легальности совершенного действия в пользу последнего.

Таким образом, подводя итог изложенному, следует констатировать, что современная система частных криминалистических методик по выявлению и расследованию коррупционных преступлений нуждается в совершенствовании с учетом опыта современной практики.

УДК 343.98

Г.Г. Ненеин

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ О ПРИРОДЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривая различные методики расследования преступлений, мы видим, что помимо общих элементов состава преступления (специальный субъект, общий объект посягательства и т. д.) в них включается еще и такой системообразующий элемент современной методики, как кри-

миналистическая характеристика преступления. По нашему мнению, как применение знаний о криминалистической характеристике преступления выступают в качестве определенного алгоритма, помогающего следователю в расследовании уголовного дела, знания о нем также оказывают помощь и прокурору, осуществляющему анализ материалов уголовного дела.

Представляя собой в некотором роде «банк данных» [1, с. 65], типовая криминалистическая характеристика преступления позволяет прокурору оценить полноту и всесторонность проведенного расследования, мысленно выдвинуть и проверить свои версии, проанализировать имеющиеся в материалах дела доказательства. В связи с чем сложно переоценить знания прокурором криминалистической характеристики конкретных преступлений. Как правильно отметил В.А. Бельков, знание о характеристике оказывает существенную «помощь в установлении характерных элементов и содействует акцентированию внимания на таких нюансах, отсутствие которых в материалах дела может свидетельствовать о поверхностной работе, проведенной органами предварительного расследования» [2, с. 63].

Вопросы криминалистической характеристики преступления подробно освещались в работах Р.Л. Ахмедшина, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, И.Е. Быховского, Т.С. Волчецкой, А.Ю. Головина, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимова, А.В. Дулова, В.Я. Колдина, Н.П. Яблокова и др. При этом основные споры развернулись вокруг вопросов целесообразности самого существования данной категории, отождествления ее с информационной моделью преступления, включения в ее состав отдельных элементов и т. д.

Так, поскольку основными элементами криминалистической характеристики преступления являются данные уголовно-правового и криминологического характера, Р.С. Белкин пришел к выводу о несостоятельности и ненужности данного понятия, назвав ее криминалистическим фантомом [3, с. 220–224]. Такого же мнения придерживается С.Б. Россинский [4, с. 83]. При этом Г.К. Захаров указывает, что данная категория фактически дублирует положения ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию [5, с. 71–79].

Между тем перечисленные Р.С. Белкиным элементы криминалистической характеристики преступления, носящие, по его мнению, уголовно-правовой и криминологический характер, являются межотраслевыми объектами изучения, поскольку они также изучаются криминалистикой.

Следует согласиться с мнением Г.К. Захарова по поводу того, что прослеживается определенная взаимосвязь между элементами криминалистической характеристики преступления и обстоятельствами, подлежащими установлению и доказыванию. Однако, как верно отметил А.А. Хмыров, конечная цель доказывания определяется его предметом, в связи с чем в характеристике отражается совокупность обобщенных знаний о преступлении, которая позволяет найти конкретные пути, средства и способы достижения этой цели [6, с. 54].

Криминалистическая характеристика представляет собой результат изучения и обработки множества расследованных преступлений, в которой отражаются качественные, количественные и временные характеристики изучаемого явления. В типовой криминалистической характеристике конкретного преступления присутствует описание закономерных связей между элементами способа преступного действия, свойствами личности преступника и объективными условиями совершения преступления. Как отметил В.Ф. Ермолович, «по своей природе криминалистическая характеристика преступления является информационной моделью, представляющей описание свойств и существенных признаков преступления, находящихся отражение в реальной действительности» [7, с. 15]. С этим же соглашается В.Я. Колдин, обращающий внимание на то, что сущность понятия «криминалистическая характеристика» преступления не изменится в случае определения (именования) ее типовой информационной моделью [8, с. 92–93].

Другие же придерживаются иного мнения и отказываются в отождествлении ее с информационной моделью. Так, О.А. Крестовников считает, что криминалистическая характеристика преступления занимает в структуре информационной модели место начальной эмпирической формы обобщения следственной практики, а саму информационную модель он понимает как «информационную систему, построенную на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающей закономерные связи между элементами события преступления, используемую для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений» [9, с. 97].

По мнению Т.С. Волчецкой, «типовая криминалистическая характеристика является конечным продуктом модельного исследования, который используется следователем при построении индивидуальной информационной модели криминального события и работы с ней в процессе конкретного практического расследования» [10, с. 137].

Третьи же, помимо того что она является информационной моделью и представляет из себя многоэлементную структуру, считают ее сложной динамической системой [11, с. 7–18].

Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию по данному вопросу, отметим лишь, что типовая криминалистическая характеристика преступления, по нашему мнению, скорее носит дескриптивный (англ. descriptive – описательный) характер модели, т. е. ее построение основано на эмпирических наблюдениях элементов множества преступлений, их взаимосвязи между собой и описания этих элементов и взаимосвязей.

Поскольку дескриптивные модели по своей сути являются основой для построения сложных моделей [12, с. 46, 48], то типовая криминалистическая характеристика, по нашему мнению, будет являться основой для построения реальной информационной модели преступления, которую создает как следователь в процессе расследования уголовного дела, описывая ее в обвинительном заключении, так и прокурор, формирующий в своем сознании картину происшедшего события при анализе материалов уголовного дела.

Построение этой реальной информационной модели преступления будет носить как раз динамический характер и базироваться на применении эффективных методов расследования, позволяющих установить взаимосвязи элементов преступления. Как раз в качестве исходных данных при ее построении, как и при построении любых сложных моделей, и будет применяться комплекс сведений, содержащихся в криминалистической характеристике преступления.

Список использованных источников

1. Бурданова, В.С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, в структуре частной криминалистической методики / В.С. Бурданова // Тр. С.-Петербург. юрид. ин-та Генер. прокуратуры РФ / науч. ред. А.М. Дворянский. – СПб., 2000. – С. 65.
2. Бельков, В.А. Значение криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений в деятельности государственного обвинителя / В.А. Бельков // Вестн. Ур. юрид. ин-та МВД России. – 2019. – № 1. – С. 60–64.
3. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Инфра-М-НОРМА, 2001. – 240 с.
4. Россинский, С.Б. Следственные действия / С.Б. Россинский. – М. : Норма, 2018. – 240 с.
5. Захаров, Г.К. Криминалистическая характеристика преступлений – «кривое» зеркало преступной деятельности / Г.К. Захаров // Вестн. криминалистики. – 2008. – № 1. – С. 71–79.

6. Хмыров, А.А. Криминалистическая характеристика и предмет доказывания / А.А. Хмыров // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984.

7. Еромолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Еромолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 304 с.

8. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 781 с.

9. Крестовников, О.А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики : монография / О.А. Крестовников ; под общ. ред. В.Я. Колдина. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 272 с.

10. Волчецкая, Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т.С. Волчецкая ; под ред. Н.П. Яблокова. – Калининград : Янтар. сказ, 1997. – 248 с.

11. Грибунов, О.П. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений / О.П. Грибунов, А.А. Назырова // Изв. ТулГУ. Экон. и юрид. науки. – 2020. – № 2. – С. 7–18.

12. Трофимова, Л.А. Управленческие решения (методы принятия и реализации) : учеб. пособие / Л.А. Трофимова, В.В. Трофимов. – СПб. : Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2011. – 190 с.

УДК 343.98

И.С. Неслер

ПРЕДЕЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Основными задачами проведения осмотра места происшествия является установление лица, совершившего данное преступление, а также обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления, которые могут способствовать установлению истины. Данный факт обуславливает незамедлительность проведения этого следственного действия, оперативность при реагировании на поступившее сообщение о преступлении, профессиональной работы членов следственно-оперативной группы.

Обнаруженные на месте происшествия следы и объекты, сама обстановка места происшествия, способ совершения преступления, поведение преступника и иные обстоятельства преступления подлежат тщательному и всестороннему изучению всеми членами следственно-оперативной группы в соответствии со своей компетенцией.

Предварительное исследование следов относится, по большей части, к компетенции специалиста, привлекаемого для участия в проведении осмотра места происшествия. Определяется это его процессуальными обязанностями. Многие виды криминалистических следов на месте происшествия носят латентный, скрытый характер. Для их обнаруже-

ния, фиксации и изъятия, в большинстве случаев, и привлекается специалист. Поэтому из всех членов следственно-оперативной группы именно он способен наиболее полно воспринять следовую картину происшествия, проследить соотносимость обнаруженных следов с обстоятельствами происшествия, идентифицировать лицо либо объект, оставивший данные следы, определить возможности криминалистического исследования данных следов и даже выдвинуть криминалистическую версию. Это далеко не исчерпывающий перечень возможностей специалиста при работе на месте происшествия.

Некоторые обозначенные задачи, возлагаемые на специалиста, решаются посредством проведения предварительного исследования следов. Отсутствие как самого термина «предварительное исследование» в процессуальном законодательстве, так и порядка его проведения явилось причиной бурной научной дискуссии по данному вопросу. Не будем углубляться в полемику, отметим лишь, что каждое сформулированное понятие «предварительного исследования» раскрывает его сущность, а трактовка данного понятия зависит от отличительного признака, свойства, особенности, которую каждый ученый выделяет как «основную» в данном термине.

Непроцессуальный характер предварительного исследования следов на месте происшествия, определяется не только отсутствием данной категории в процессуальном законодательстве. По мнению некоторых ученых (как криминалистов, так и процессуалистов), в протоколе осмотра места происшествия «не должны приводиться выводы, заключения и предположения ни следователя, ни других участников осмотра» [1, с. 139]. Так как в протоколе должна быть отражена только информация, которая воспринималась лично следователем, лицом, производящим дознание, и участвующими в следственном действии лицами, то их выводы и умозаключения фиксировать в нем недопустимо [2, с. 16]. Иными словами, запрещено вносить в протокол осмотра места происшествия заключения или выводы, в том числе сделанные в результате предварительного исследования следов.

Почему же сложилась ситуация, когда, с одной стороны, мы утверждаем о важности и необходимости проведения предварительного исследования на месте происшествия, с другой стороны – запрещаем фиксировать результаты данного исследования в протоколе осмотра? Ответ достаточно прост: чтобы не возникло противоречие в доказательственной базе.

Протокол осмотра места происшествия, как и любого следственного действия является источником доказательств по уголовному делу (ст. 88 УПК Республики Беларусь). Соответственно, доказательственное значе-

ние может иметь любая информация, отраженная в протоколе, начиная от даты следственного действия, заканчивая подписями понятых.

Особенностью предварительного исследования является его «экспрессный» характер, т. е. проведение в кратчайшие сроки непосредственно на месте происшествия. В такой обстановке специалист не может гарантировать высокую степень достоверности результатов исследования следов. Факторами, снижающими достоверность, могут быть: недостаточное освещение, усталость специалиста, отсутствие на месте происшествия необходимой приборной базы, погодные условия (при проведении осмотра на открытых участках местности) и т. д. С другой стороны, все следы и вещественные доказательства, в большинстве случаев, направляются в экспертное подразделение для проведения экспертизы с целью установления пригодности следа для идентификации лица (объекта) его оставившего, для проведения самой идентификации (при наличии следообразующего объекта или образцов для сравнительного исследования), установления принадлежности объектов ранее единому целому и т. д. Заключение эксперта также является доказательством по уголовному делу (ст. 88 УПК Республики Беларусь).

В результате планомерной деятельности следователя, органа дознания, направленной на получение доказательств, может возникнуть коллизия, когда сведения о результатах предварительного исследования на месте происшествия, отраженные в протоколе противоречат заключению эксперта. Например, в протоколе осмотра будет отражено, что след пальца руки пригоден для идентификации личности, а в заключении эксперта – не пригоден для идентификации личности. При этом все доказательства имеют одинаковую юридическую силу (ст. 19 УПК Республики Беларусь). На какое из доказательств следователю необходимо опираться в дальнейшем? Стоит или нет назначать дополнительную экспертизу для сравнения изъятых следов с отпечатками пальцев подозреваемого? Или необходимо назначить повторную экспертизу?

Именно поэтому в протоколе следственного действия запрещено делать выводы, умозаключения, предположения и т. д. Должна присутствовать лишь констатация фактов, получаемых следователем, органом дознания посредством лишь своих органов чувств (зрение, обоняние, осязание и т. д.). В свою очередь, предварительное исследование не может гарантировать достоверность полученных результатов: всегда существует вероятность ошибки. По этой причине результаты предварительного исследования сообщаются устно иным членам следственно-оперативной группы и служат лишь источником получения ориентировочной информации о преступнике, объектах, обстоятельствах происшедшего и т. д.

В свою очередь, следует обратиться к толкованию слова «вывод». Словарь Д.Н. Ушакова дает следующее понятие этого слова: вывод – умозаключение, итог, получающийся как следствие рассуждений, вычислений [3]. Похожие толкования присутствуют в иных словарях [4, с. 49; 5]. В нашем случае вывод по результатам предварительного исследования и вывод по результатам экспертизы – одно и то же, оба являются следствием рассуждений или вычислений, оба делаются независимым лицом, обладающим специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, и т. д. Нередко при проведении предварительного исследования используются те же методы, которые применяет эксперт при проведении экспертизы по этим же объектам.

В сложившейся практике резонным является вопрос о том, что же считать выводом в протоколе осмотра места происшествия? Умозаключение о типе папиллярного узора пальца руки следа, изъятого на осмотре места происшествия, считается выводом или нет? А результат сравнения изъятых следов рук со следами рук потерпевшего? Результат применения экспресс-тестов по обнаружению следов крови относится к выводу или не относится? Естественно, что на месте происшествия специалист не может определить способ взлома замка или установить факт и причину его неисправности, поскольку для этого требуется соответствующее техническое обеспечение и длительное время, но установить, оставлен ли обнаруженный след пальца руки подозреваемым лицом (при наличии дактокарты) не представляет особого труда.

Перечисленные вопросы и примеры полностью попадают под категорию «вывод». Более того, отражение в протоколе осмотра места происшествия размерных характеристик следов, объектов тоже следует относить к данному понятию. Таким образом, с целью недопущения противоречий между источниками доказательств, научному криминалистическому сообществу необходимо определить границы, пределы предварительного исследования следов на месте происшествия. Иными словами, практикам нужен ответ на вопрос, где заканчивается предварительное исследование следов, каковы его границы, его пределы и что именно считать выводом? Полагаем, ответом на поставленные вопросы может быть процессуальное закрепление понятия «предварительное исследование» применительно к следам и объектам, изымаемым на месте происшествия.

Список использованных источников

1. Савельева, М.В. Криминалистика : учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – М. : Изд. дом «Дашков и К», 2009. – 608 с.

2. Шкаплеров, Ю.П. Следственные действия [Электронный ресурс] : пособие / Ю.П. Шкаплеров, И.В. Данько ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2017. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Sledstvennie_deistvia_Shkaplerov_Danko.pdf. – Дата доступа: 10.04.2021.

3. Толковый словарь Д.Н.Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov/вывод>. – Дата доступа: 10.04.2021.

4. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор акад. РАН Г.В. Осипов. – М. : Издат. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 488 с.

5. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/вывод>. – Дата доступа: 10.04.2021.

УДК 343.985.7

М.К. Ниязов

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) привело к качественным изменениям в общественных отношениях, способствуя совершенствованию взаимодействия во всех сферах жизни, в настоящее время является неперенным атрибутом и показателем уровня развития государства. Если ИКТ вначале представляли собой локальные замкнутые в пределах организации или предприятия структуры, то в настоящее время, благодаря развитию сети Интернет, облегчен доступ человечества не только к простому межличностному общению, достижениям науки, творчества, информационным платформам, развлекательным ресурсам, но также возможностям оказания, получения дистанционных услуг государственных организаций, образования, торговли, что было особо востребовано в период пандемии в 2020 г.

Однако, как естественная закономерность, вместе с ростом востребованности и использования ИКТ во благо человечества, параллельно, можем наблюдать мировой рост киберпреступлений. В частности, согласно имеющимся статистическим данным, на сегодня подвижными сетями электросвязи охвачено около 95 % мирового населения, а общая сумма финансовых потерь от киберпреступности в 2020 г., по подсчетам специалистов компании McAfee и Центра стратегических и международных исследований, составила 1 % мирового ВВП, или 820 млрд евро.

Необходимо отметить еще такой признак преступлений в сфере ИКТ как ее трансграничность, не признающая границ суверенных го-

сударств. Объект преступного посягательства и злоумышленник могут находиться на разных частях света, а ИКТ при этом позволяют осуществлять непосредственное взаимодействие.

Преступления в сфере ИКТ, в большинстве случаев, имеют скрытый характер, однако их можно условно разделить на две основные группы: в первую группу включить преступления, направленные на причинение ущерба самим информационно-коммуникационным ресурсам, ее компонентам и правильному функционированию, а во вторую – включить преступления, где компьютерные технологии используются для достижения преступных намерений (кражи, хищения, распространения клеветы, получения персональных и личных данных и др.).

Под преступлениями в сфере ИКТ следует понимать противоправные деяния, наносящие ущерб или создающие угрозу нанесения такого ущерба, как инфраструктуре ИКТ, так и охраняемым законом правам и законным интересам личности, общества и государства.

Вышеуказанное деление преступлений в сфере ИКТ имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как состав совершенного преступления напрямую влияет на предмет и пределы доказывания по уголовным делам, определение тактики организации следственной проверки и предварительного расследования.

В рамках планирования тактики следственной проверки, непосредственно должностным лицом или с привлечением компетентных специалистов, по имеющимся первичным фактическим данным (заявления и объяснения лиц, обращения предприятий, учреждений, организаций и др.) предстоит создать вероятную модель (исходя из дефицита информации) совершенного преступления и определить недостающие элементы в этой модели, на установление которых необходимо направить процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия.

В соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан от 21 ноября 2018 г. № ПП-4024 «О мерах по совершенствованию системы контроля за внедрением информационных технологий и коммуникаций, организации их защиты» был создан Центр технического содействия, в обязанности которого входит взаимодействие с операторами и провайдерами сетей телекоммуникаций, правоохранительными органами в рамках проведения анализа, идентификации нарушителей, методов и средств, используемых при осуществлении несанкционированных либо деструктивных действий в информационном пространстве [1].

Естественно, что должностному лицу органа, осуществляющего следственную проверку, свою деятельность необходимо начать с привлечения компетентных специалистов, при участии которых провести

неотложные следственные действия, такие как осмотр средств ИКТ и носителей информации о совершенном преступлении, которые позволят восполнить первичные данные о преступлении. Однако здесь также необходимо учитывать такие особенности, как его «хрупкость» и высокую вероятность изменения, удаления или модификации «цифровых следов», информации при попытке его фиксации или изъятия.

Целям полноты, всесторонности и объективности послужит проведение компьютерно-технической экспертизы изъятой техники или информационных ресурсов, на которые были осуществлены противоправные воздействия. Данное исследование играет большую роль и значение в получении информации, которая будет иметь статус неопровержимого доказательства.

Еще одним средством в арсенале должностного лица, осуществляющего следственную проверку, являются оперативно-розыскные мероприятия. УПК Республики Узбекистан и Закон Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяют в рамках следственной проверки использовать такие мероприятия, как снятие информации, передаваемой по телекоммуникационным устройствам, которое можно использовать для перехвата и фиксации передаваемой текстовой, графической и мультимедийной информации, на каналах связи, с использованием специальных технических средств, а также получение информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами, смысл которого заключается в получении информации о дате, времени, продолжительности и других сведений о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами, оборудованностями [2].

Кроме того, целям полноты и быстроты идентификации злоумышленников служит межгосударственное, межведомственное взаимодействие компетентных структур в сфере ИКТ. Путем направления официальных запросов или ходатайств можно установить лиц, участвовавших в преступлениях, находясь на территории либо при использовании ИКТ другого государства.

Таким образом, к основным вопросам, связанным с оперативностью и качеством организации следственной проверки преступлений в сфере ИКТ, относятся:

во-первых, грамотная организация мероприятий по обнаружению фиксации и изъятию доказательственной информации и последующей ее перепроверки с участием компетентных специалистов;

во-вторых, налаживание межгосударственного или межведомственного взаимодействия в вопросах обмена данными, исполнения запросов;

в-третьих, совершенствование структур и методики выявления и регистрации преступлений в сфере ИКТ, учитывая расположение

основных ресурсов Интернета (социальные сети, узлы сети, серверы), в основном за пределами национальной юрисдикции;

в-четвертых, распространение положительного опыта борьбы с преступлениями в сфере ИКТ путем создания методических пособий, обзоров по успешно расследованным уголовным делам, а также организованным преступным группам и сообществам, специализирующимся на совершении преступлений с использованием ИКТ.

Список использованных источников

1. О мерах по совершенствованию системы контроля за внедрением информационных технологий и коммуникаций, организации их защиты [Электронный ресурс] : постановление Президента Респ. Узбекистан, 21 нояб. 2018 г., № ПП-4024. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/4071399>. – Дата доступа: 07.03.2021.

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан, 25 дек. 2012 г., № ЗРУ-344. – Режим доступа: <https://lex.uz/acts/2106527>. – Дата доступа: 07.03.2021.

УДК 343.98

А.А. Нурдин

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы сопряжена с рядом обстоятельств и факторов, которые определяют особенности раскрытия, расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений [1, с. 37], в том числе и выявления обстоятельств, способствовавших их совершению. В самом широком смысле данные факторы можно разделить на две основные группы: объективные (особенности деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы) и субъективные (особенности свойств личности подозреваемых, обвиняемых и осужденных) [2, с. 92].

Конкретизируя указанную выше классификацию, к объективной группе факторов необходимо отнести:

1) ограниченность территории конкретного исправительного учреждения. Подозреваемые, обвиняемые и осужденные сконцентрированы на определенной, небольшой территории, что позволяет им наблюдать

за ходом проведения большинства процессуальных действий, получать различные сведения от других осужденных и иных лиц, следить за процессом выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений и искажать их;

2) наличие режимных требований. Учреждения уголовно-исполнительной системы имеют закрытый характер, допуск на территорию возможен ограниченному кругу лиц, что иногда может вызывать ряд трудностей: подбор понятых, участие специалиста и т. д.;

3) общность подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Нахождение на определенной территории длительное время приводит к формированию различных групп осужденных, которые сильно разнятся по своей природе (от осужденных, охотно сотрудничающих с администрацией, до лиц отрицательной направленности; от лиц, объединяющихся по возрасту и жизненным принципам, до лиц, совершивших сходные преступления). Указанные общности осужденных могут конкурировать между собой, противодействовать расследованию, склонять других осужденных к различным конфликтным ситуациям;

4) возможность воздействия преступников на потерпевших и свидетелей. До тех пор, пока преступник будет изобличен и изолирован, иногда проходит достаточно длительный период. За это время преступники могут негативно воздействовать на потерпевших и свидетелей, склонять их к неразглашению информации о совершенном преступном деянии, вынуждать давать ложные показания и указывать на несуществующие причины и условия совершенного преступления;

5) необходимость в обеспечении безопасности отдельных участников уголовного производства. Изоляция потерпевших и свидетелей, возможный перевод в другое исправительное учреждение в целях обеспечения их безопасности негативно сказывается на их желании давать показания, максимально эффективно участвовать в производстве следственных действий, оказывать содействие в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Лица, содержащиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и так претерпевают ряд неудобств, а их перевод, необходимость снова налаживать свой быт в непривычных условиях никак не может способствовать их желанию принимать активное участие в расследовании;

6) невозможность реализации некоторых норм уголовно-процессуального законодательства. Особый правовой статус подозреваемых, обвиняемых и осужденных, закрытый характер учреждений уголовно-исполнительной системы не позволяют избрать иной меры пресечения, кроме заключения под стражу. Существуют также проблемы с отдельным содержанием участников уголовного производства (так, желатель-

но, чтобы свидетели не могли контактировать между собой с целью исключения случаев сговора и т. д.);

7) значительная отдаленность некоторых исправительных учреждений. Некоторые исправительные учреждения находятся на значительном отдалении от населенных пунктов (например, Главные управления Федеральной службы исполнения наказаний по Красноярскому краю и Иркутской области), что не позволяет в максимально короткие сроки приступить к расследованию и выявлению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Представителям администрации исправительных учреждений приходится длительное время обеспечивать сохранность следов преступного деяния, самостоятельно проводить комплекс организационных действий, что не всегда является позитивным обстоятельством.

К субъективной группе факторов необходимо отнести совокупность личностных свойств подозреваемых, обвиняемых и осужденных:

1) пенитенциарные преступники. В учреждениях уголовно-исполнительной системы преступления совершают три основные группы лиц [3, с. 74]: криминально-активные лица, ориентированные на совершение пенитенциарных преступлений; лица, склонные к совершению пенитенциарных преступлений; лица, случайно вовлеченные в совершение преступления. В зависимости от того, к какой группе относится пенитенциарный преступник, будет зависеть деятельность дознавателя/следователя по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления;

2) противодействие расследованию и выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Противодействие осужденных и лиц, заключенных под стражу, может выражаться в различных формах: отрицание вины, отказ от дачи показаний (дача заведомо ложных показаний), уничтожение следов преступлений. В местах лишения свободы распространено такое явление, как групповое противодействие, для которого характерны: склонение свидетелей и потерпевших к отказу от дачи показаний, уничтожение и фальсификация доказательств и т. д.

Выявление обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, осложняется рядом факторов, что, в свою очередь, определяют особенности деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список использованных источников

1. Гришин, Д.А. Предупреждение преступной деятельности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях / Д.А. Гришин // Пенитен-

циарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. : сост. В.А. Овчинников. – Пермь. – 2020. – С. 37–39.

2. Нуждин, А.А. Преступность осужденных в местах лишения свободы. Теоретический аспект / А.А. Нуждин // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 91–94.

3. Шурухнов, Н.Г. Личность пенитенциарного преступника / Н.Г. Шурухнов // Социол. исслед. – 1993. – № 3. – С. 74–83.

УДК 343

Н.В. Павлова

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В ПРОИЗВОДСТВАХ ОТНОСИТЕЛЬНО МОШЕННИЧЕСТВ

В юридической практике нередко возникает необходимость в определении предмета преступного посягательства при совершении мошеннических действий. Предметом мошенничества может быть как имущество, так и право на это имущество. При этом стоит отметить, что и имущество, и право на имущество тесно связаны с такой категорией, как собственность, которая имеет свое отражение в принадлежности денежных средств, ценных бумаг и т. д. определенному лицу и возможности владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом. Завладевая путем обмана или злоупотребления доверием чужим имуществом или приобретая право на него, виновный причиняет вред праву собственности потерпевшего.

В научном кругу собственность рассматривается в двух аспектах: экономическом и юридическом. В экономическом аспекте содержанием собственности являются фактические общественные отношения владения, пользования и распоряжения материальными благами, которые уже присвоены и принадлежат владельцу. В юридическом – собственность является объектом правоотношений и охватывается понятием «право собственности» [1]. Согласно ч. 1 ст. 328 Гражданского кодекса Украины право собственности приобретается на основаниях, не запрещенных законом, в частности из сделок [2].

Анализ уголовных производств по фактам мошенничества, опрос практических работников, которые расследовали такие уголовные правонарушения и материалы судебной практики, свидетельствуют, что именно по поводу законности приобретения права собственности на определенные объекты возникает ряд вопросов. Прежде всего это касается отнесения деяния к сфере уголовно-правовых, а не гражданско-

правовых отношений. Во-вторых, важно доказательства факта незаконного приобретения права на имущество способом мошенничества.

Для того чтобы признать право собственности на имущество предметом мошенничества, следует проанализировать основания приобретения такого права и основания владения таким правом его владельцем на момент посягательства.

Согласно ст. 334 ГК Украины право собственности на имущество по договору, который подлежит нотариальному удостоверению, возникает у приобретателя с момента такого удостоверения или с момента вступления в законную силу решения суда о признании договора, не удостоверенного нотариально, действительным [2].

Чаще всего нотариальное удостоверение сделок осуществляется по отчуждению или залогоу жилого дома, квартиры, дачи, садового дома, гаража, земельного участка, другого недвижимого имущества, а также имущества, на которое распространен режим недвижимой вещи, управление недвижимым имуществом, а также сделок по отчуждению и залогоу транспортных средств, подлежащих государственной регистрации [3]. Эти и другие виды сделок подлежат обязательному нотариальному удостоверению. Впрочем, согласно ГК Украины, по требованию физического или юридического лица любая сделка с его участием может быть нотариально удостоверена. Однако если права на недвижимое имущество подлежат государственной регистрации, то право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации в соответствии с законом [2].

Законом могут быть установлены и другие основания приобретения права собственности. Анализ уголовных производств и материалы судебной практики относительно мошенничеств показали распространенность совершения мошеннических действий в отношении лиц, владевших имуществом на правах общей собственности. Приведем пример. Так, 7 октября 2013 г. ЛИЦО_1 изменило первичные данные в паспорте гражданина Украины на имя ЛИЦО_6, а именно вклеило фотографию, ЛИЦО_5, с которым прибыли к частному нотариусу Харьковского городского нотариального округа Харьковской области, где ЛИЦО_5 представилось ЛИЦОМ_6 и поставило свою подпись от его имени в договоре дарения доли квартиры АДРЕСА_3. В дальнейшем, выполняя роль единственного владельца этой квартиры, ЛИЦОМ_1 были осуществлены операции по отчуждению этой квартиры другому лицу [4]. Исходя из этого, нотариус достаточно поверхностно отнесся к проверке лица, являющегося совладельцем объекта недвижимого имущества.

Право собственности на имущество может возникнуть и в порядке наследства. Однако согласно Закону Украины «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и их отягощений» право собственности на недвижимое имущество в случае принятия наследства возникает у наследника с момента государственной регистрации имущественного права на недвижимое имущество [5].

В гражданском законодательстве говорится и о праве собственности на вновь созданную вещь. Лицо, которое изготовило (создало) вещь из своих материалов на основании договора, является владельцем этой вещи. В то же время, пользуясь пробелами в законе, мошенники также посягают на такие права.

Проблема в том, что законом не определено, о каком именно договоре речь идет и что именно регистрируется в реестре: объект незавершенного строительства как недвижимость или имущественные права на объект, который будет создан в будущем. Не определен и момент регистрации и субъект права собственности. Непонятны также ссылки на обязательные договорные отношения и невозможность владельца зарегистрировать незавершенное строительство по факту существования [6].

Итак, для того чтобы определить право на имущество предметом мошеннического посягательства, следует установить факт принадлежности этого имущества конкретному лицу и выяснить основания владения этой вещью.

Список использованных источников

1. Матьшевский, П.С. Преступления против собственности и смежные с ними преступления / П.С. Матьшевский. – К. : Юринком, 1996. – 240 с.
2. Цивільний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України від 16 січня 2003 р. № 435- IV / Офіційний сайт Верховної Ради України : Законодавство : № 5. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/index> (дата звернення: 01.08.2021).
3. Порядок вчинення нотаріальних дій нотаріусами України [Електронний ресурс] : затв. наказом М-ва юстиції України від 22 лютого 2012 р. № 296/5 / База даних «Законодавство України» / ВР України. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0282-12#n141> (дата звернення: 11.02.2021).
4. Справа № 643/17160/14-к. Вирок імені України Московського районного суду м. Харкова від 28.01.2015 р. [Електронний ресурс]. – URL: <https://reyestr.court.gov.ua/> (дата звернення: 11.02.2021).
5. Про державну реєстрацію речових прав на нерухоме майно та їх обтяжень [Електронний ресурс] : Закон України від 1 липня 2004 р. № 1952-IV. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/index> (дата звернення: 01.08.2021).
6. Лаврова, К.М. Питання права власності на новостворену нерухомість / К.М. Лаврова // Актуальні проблеми держави і права. – 2008. – Вип. 38. – С. 294–298.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СПЕЦИАЛИСТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ**

Каждый осмотр места происшествия представляет собой неповторимое событие. Следователь, лицо, производящее дознание, для эффективного достижения целей указанного следственного действия определяют ряд задач, направленных на подготовку проведения осмотра места происшествия, организацию взаимодействия между участниками, полноту выявления следовой информации, полноту фиксации и изъятия обнаруженных следов и объектов и ряд других в зависимости от складывающейся ситуации.

Задачи, поставленные следователем, лицом, производящим дознание, доводятся до сведения участников следственного действия, в том числе и сотрудника Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ) Республики Беларусь, участвующего в качестве специалиста, который с учетом этого определяет задачи своей деятельности.

Задачи специалиста ГКСЭ конкретизируются в зависимости от стадий осмотра (подготовительная, основная, заключительная) и этапов его деятельности, должны быть строго обусловлены целями и не могут выходить за рамки его компетенции. Стадии данного следственного действия – это более общее понятие (они определяются независимо от количества и вида субъектов, участвующих в осмотре) в отличие от этапов деятельности специалиста, работа которого в интересах практики должна предельно детализироваться в каждом конкретном случае.

Целесообразно на подготовительной стадии осмотра места происшествия выделить ряд задач, к которым относятся: определение необходимых технических средств с учетом сложившейся ситуации; определение границ места происшествия (включая точки начала осмотра, путей прихода и ухода преступников); обеспечение сохранности следов и объектов; составление плана действий и согласование его со следователем, лицом, производящим дознание; организация собственной системы взаимодействий (например, со специалистами разных отраслей знаний, участвующими в данном следственном действии (осмотр места взрыва, осмотр трупа и др.)).

Представляется, что во время основной стадии осмотра места происшествия к задачам специалиста относятся проведение ориентирую-

щей, обзорной, узловой и детальной фотосъемки; определение объектов преступного посягательства, а также их следов-отражения; выявление следов, оставленных субъектом и отражающих воздействие орудия преступления, а также следов инсценировки в случае ее организации; определение размерных параметров следов и характеристики объектов, их оставивших; проведение предварительного исследования обнаруженных следов и объектов с целью определения их относимости к данному происшествию и пригодности к идентификационному исследованию в дальнейшем; помощь в составлении ориентировок по результатам предварительного исследования.

Следы и объекты, выявленные специалистом при проведении осмотра, почти во всех случаях несут большой объем информации латентного характера о совершенном преступлении, нуждаются в обязательном изучении и оценке [1, с. 12]. Несмотря на то что главным процессуальным способом их исследования является экспертиза, практика расследования диктует необходимость предварительного анализа следов уже в ходе осмотра места происшествия, что облегчает розыск и установление преступника [2, с. 39].

На заключительной стадии к задачам относится: изъятие и сохранение обнаруженных следов и объектов (при этом для обеспечения максимальной сохранности следовой информации необходимо строгое соблюдение мер безопасности и предосторожности); оказание помощи следователю, лицу, производящему дознание, в составлении протокола осмотра места происшествия, а также в определении видов экспертиз, исходя из изъятых с места происшествия следов и объектов.

Таким образом, определение и конкретизация задач является обязательным элементом деятельности специалиста ГКСЭ при проведении осмотра места происшествия. Данное обстоятельство обеспечивает получение большого количества информации о преступлении, а также позволяет в полном объеме использовать профессиональные знания указанного субъекта для дальнейшего определения принципов и функций его деятельности.

Список использованных источников

1. Черенков, А.М. Правовые, организационные и методические основы деятельности экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел в условиях мегаполиса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.М. Черенков ; Акад. упр. МВД России. – М., 2000. – 37 с.
2. Корма, В.Д. Предварительные криминалистические исследования следов применения оружия : учеб.-практ. пособие / В.Д. Корма ; под ред. Е.П. Ищенко. – М. : Приор-издат, 2005. – 143 с.

**О ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛОВ
ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ВОЛОКНИСТЫХ МАТЕРИАЛОВ И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НИХ**

Назначение судебной экспертизы является процессуальным действием, которое реализуется при соблюдении определенных законом оснований и условий. Подготовка материалов для направления на судебную экспертизу не сводится лишь к составлению постановлений, определений, решений, иных документов, которыми назначаются экспертизы (исследования). Она включает в себя: определение конкретных оснований, предмета и объектов экспертизы; установление задач экспертизы; получение дополнительных материалов в ходе проведения отдельных следственных действий; постановку соответствующих вопросов; консультацию с профильными экспертами (при необходимости); выбор сведущего лица или экспертного учреждения, решение ряда организационных вопросов.

Проведение судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них осуществляется в территориальных структурных подразделениях и центральном аппарате Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. В постановлении о назначении рассматриваемого вида экспертиз, кроме установленной, рекомендуется указывать следующую дополнительную информацию: о предшествующей (-их) экспертизе (-ах), в частности, данные о том, каким исследованиям подвергались объекты ранее; о назначении последующих экспертиз (для согласования порядка изъятия имеющихся следов, организации передачи объектов экспертизы); об особенностях совершенного преступления; о времени и месте изъятия объектов.

Предметом судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них является установление на основе специальных экспертных познаний фактов, свидетельствующих о связи объектов волокнистой природы или их остатков с расследуемым событием преступления.

К объектам исследования судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них относятся:

одежда (отдельные предметы и их комплекты); обувь, изготовленная полностью или частично из текстильных материалов;

иные предметы бытового и специального назначения, в состав материалов которых входят текстильные волокна;

предметы-носители (орудия, инструменты, объекты преступного посягательства), находившиеся в контакте с объектами волокнистой природы;

микрочастицы текстильных волокон, изъятые с места происхождения с объектом-носителем или на специальной липкой пленке для изъятия микрообъектов.

В настоящее время судебной экспертизой волокнистых материалов и изделий из них решаются следующие типовые задачи: обнаружение частиц текстильных волокон, определение их природы и локализации; установление общей родовой (групповой) принадлежности сравниваемых объектов волокнистой природы; идентификация целого объекта волокнистой природы по его части (-ям) (решается комплексно с экспертом-трасологом); определение общего (конкретного) источника происхождения объектов волокнистой природы (при условии наличия технических нормативных правовых документов); исследование объектов волокнистой природы, полностью или частично подвергшихся термоокислительной деструкции.

Эффективность экспертизы и ее результаты во многом зависят от правильной постановки вопросов. При назначении судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них не рекомендуется ставить вопросы о наличии на предметах одежды взаимопереходящих текстильных волокон в случаях, когда: лица проживают совместно; лица находятся в родственных или дружественных отношениях и ранее контактировали между собой в одежде, предоставленной на исследование; лица длительное время или неоднократно находились в контакте до момента совершения преступления; предметы одежды совпадают по цвету и волокнистому составу (форменная одежда, спецодежда); предметы одежды состоят из широко распространенных волокон, имеющих малую идентификационную значимость (синие хлопковые «джинсовые» волокна) и не имеющих идентификационной значимости (бесцветные хлопковые волокна в составе постельного, нательного белья); предметы одежды находились в длительной носке после совершения преступления, сильно загрязнены, покрыты плесенью, подвергались стирке, химической чистке или перекраске; предметы одежды ранее подвергались исследованию (при проведении иных видов экспертиз).

Анализ экспертной практики показывает, что на стадии назначения судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них нередко нарушаются процессуальные требования, не в полной мере выполняются методические рекомендации, разработанные в криминалистике и частных теориях судебных экспертиз, среди которых наиболее часто встречаются:

отсутствие консультирования инициатора назначения экспертизы с профильными специалистами, в том числе при назначении комплексных или комплекса экспертиз;

назначение экспертиз без предоставления образцов сравнения (предметов одежды), в ходе которых решается задача установления наличия текстильных волокон на липких пленках;

изложение в постановлении о назначении экспертизы минимального объема информации об обстоятельствах уголовного дела, особенностях, времени и месте обнаружения изъятых объектов, иных необходимых сведений для дачи заключения;

отсутствие письменного разрешения (указания) инициатора назначения экспертизы на использование ранее составленных заключений эксперта, сообщений о невозможности дачи заключения эксперта, таблиц фотоснимков (в том числе и в электронном виде);

нарушения рекомендуемой последовательности назначения экспертиз, при которых волоконведческая экспертиза назначается после проведения иных видов судебных экспертиз (например, биологической, медико-криминалистической, трасологической);

назначение сравнительной экспертизы на наличие взаимопереходящих текстильных волокон на предметах одежды, принадлежащих совместно проживающим лицам;

шаблонность поставленных на разрешение эксперта вопросов и их некорректные формулировки, без учета конкретных обстоятельств расследуемого события;

незначительное число назначаемых дополнительных сравнительных экспертиз, проведенных после первичных экспертиз на определение наличия текстильных волокон на объектах и установление их природы;

несоблюдение правил упаковки объектов. При решении вопроса о локализации текстильных волокон объекты поступают на исследование в упаковке, не исключающей контакт как между отдельными участками одного объекта, так и между несколькими объектами волокнистой природы;

предоставление объектов исследования (предметов одежды) в невысушенном состоянии, со следами воздействия микроорганизмов.

Таким образом, приведенные в работе недостатки, допускаемые в ходе подготовки материалов и назначения судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них, не позволяют всесторонне, полно и объективно устанавливать и оценивать конкретные обстоятельства, подлежащие доказыванию. Их наличие способствует увеличению нагрузки экспертов-волоконведов, негативно влияет на результативность и выводы экспертного исследования в целом (в отдельных случаях дела-

ет его проведение невозможным), а также приводит к необоснованному увеличению сроков проведения судебных экспертиз, следствием чего может являться затягивание сроков расследования преступлений.

УДК 343.985.7

А.П. Пацкевич

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ О СДЕЛКАХ С ДРАГОЦЕННЫМИ МЕТАЛЛАМИ И (ИЛИ) ДРАГОЦЕННЫМИ КАМНЯМИ

Столетиями драгоценные металлы (золото, платина, серебро) и драгоценные камни (алмазы, рубины, топазы, сапфиры и др.) не только составляли основу финансовых отношений между государствами и отдельными гражданами, но и символизировали богатство и могущество. В последнее время роль и экономическая значимость этих ценностей изменилась. Прежде всего потому что в силу своих физико-химических свойств драгоценные металлы и драгоценные камни (далее – ДМ и ДК) все чаще используются в сфере промышленного производства.

Но следует отметить и тот факт, что сфера обращения ДМ и ДК неизменно притягивала и притягивает внимание преступников. В Беларуси доля преступлений, возбужденных по ст. 223 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), сравнительно невелика, но анализ следственной практики показывает, что порой при расследовании этой категории преступлений у сотрудников следственных подразделений возникают трудности в правильной квалификации содеянного, в оценке стоимости предметов преступного посягательства, в использовании специальных знаний в процессе производства предварительного следствия по уголовному делу.

Прежде всего следует рассмотреть элементы криминалистической характеристики этого состава преступления. Уголовная ответственность по ст. 223 УК наступает только в случае, если сделка с драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями совершена в нарушение установленных правил, причем в крупном, либо особо крупном размере.

Основными нормативными актами [1–3] регулируются все правоотношения по поводу ДМ и ДК, кроме порядка совершения сделок, заключаемых между физическими лицами с продукцией (изделиями) из драгоценных металлов и драгоценных камней, если такие сделки не связаны в соответствии с законодательством Республики Беларусь с предпринимательской деятельностью.

На территории нашей страны право совершения операций по покупке у физических лиц и по продаже им драгоценных металлов в виде банковских и мерных слитков золота, серебра и платины, а также монет из драгоценных металлов (золота, серебра, платины) старой и современной чеканки принадлежит Национальному банку, а также уполномоченным банкам и юридическим лицам, имеющим на это соответствующие разрешения (лицензии) уполномоченных государственных органов. Граждане вправе осуществлять отдельные сделки с ювелирными и бытовыми изделиями, монетами из драгоценных металлов, находящимися в обращении на территории нашей страны, мерными слитками из драгоценных металлов, зубопротезными дисками из драгоценных металлов, сусального золота и серебра, а также ломом указанных изделий. По общему правилу сделки с иными драгоценными металлами и камнями между физическими лицами запрещены. Исключение составляют случаи их дарения, пожертвования, завещания и приобретения их по праву наследования, купли-продажи и обмена в целях коллекционирования и тазаврации единичных экземпляров монет из драгоценных металлов [1–3].

Исследуя предмет преступного посягательства по ст. 223 УК, следует отметить, что он составляет две группы: драгоценные металлы, драгоценные камни.

К первой группе относятся: золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, виде, в том числе в самородном и аффинированном виде, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и других изделиях, монетах, ломе и отходах производства, в банковских и мерных слитках.

Банковские слитки – это слитки золота, серебра и платины, соответствующие стандартам на золото, серебро и платину в слитках, действующим в Республике Беларусь, либо соответствующие международному стандарту «London Good Delivery» (при условии, что производитель включен в список Лондонской ассоциации участников рынка драгоценных металлов).

Мерные слитки – это слитки золота, серебра и платины массой от 1 до 1000 граммов включительно (проба 999,9 для золота и серебра, проба не ниже 999,5 для платины), изготовленные в соответствии со стандартами, действующими в государстве – производителе слитка, с обязательным наличием на них наименования драгоценного металла, знака предприятия-изготовителя, пробирного клейма и массы. Лом, содержащий драгоценные металлы, и отходы производства и потребления

в любом виде и состоянии, содержащие драгоценные металлы и драгоценные камни.

Ювелирные изделия из ДМ и ДК – изделия, изготовленные из сплавов ДМ с использованием различных видов художественной обработки, со вставками из ДК и других материалов природного или искусственного происхождения либо без них, применяемые в качестве различных украшений, утилитарных предметов быта и (или) для культовых и декоративных целей. Следует отметить, что право покупки у физических лиц и продажи им ограненных ДК, предназначенных для ювелирных изделий, принадлежит юридическим лицам, имеющим соответствующие разрешения (лицензии) Государственной инспекции пробирного надзора Министерства финансов Республики Беларусь [1–3].

Вторая группа – это драгоценные камни (минеральные и биологические). К минеральным драгоценным камням относятся природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры, александриты. К биологическим – жемчуг (за исключением пресноводного) в сыром и обработанном виде.

Способ совершения этих преступлений: сделка односторонняя, двусторонняя, возмездная или безвозмездная (купля-продажа, оплата работ, услуг или товаров, мена, заем, дарение и др.); в случае незаконных отчуждения либо приобретения драгоценных металлов или камней; совершения сделок временного характера, например, сдачи либо принятия таких ценностей в залог.

Криминалистическая информация о следах преступления. Материальные следы на объектах ДМ и ДК (огранка, изображение поддельного пробирного клейма, механизмы и инструменты, использованные при изготовлении изделий с использованием ДМ и ДК). Идеальные следы: свидетели, подозреваемые, обвиняемые.

Личность преступника: лица, целями и мотивами которых является совершение сделок с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями и жемчугом; приобретатели или сбытчики драгоценностей, часто в их роли выступают лица цыганской этнической народности, жители Закавказья и Средней Азии, рабочие и служащие горнодобывающей и перерабатывающей промышленности (Якутия-Соха, Амурская, Магаданская области, Калининградская область, Приморский край, Урал и т. д.).

Список использованных источников

1. О драгоценных металлах и драгоценных камнях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июня 2002 г., № 110-3. – Режим доступа: http://minfin.gov.by/upload/dragmet/acts/zakon_210602_110z.pdf. – Дата доступа: 12.03.2021.

2. О мерах по обеспечению порядка при совершении операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями [Электронный ресурс] : Декрет Пре-

зидента Респ. Беларусь, 31 окт. 2000 г., № 21. – Режим доступа: <https://belzakon.net>. – Дата доступа: 12.03.2021.

3. Правила совершения сделок с драгоценными металлами и камнями [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 25 нояб. 1999 г. № 1838. – Режим доступа: <https://belzakon.net>. – Дата доступа: 12.03.2021.

УДК 343.98

С.В. Петлицкий

О НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДАХ ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В условиях построения правового государства в Республике Беларусь актуализировалась проблема повышения эффективности деятельности государственных органов, в том числе борьбы с преступностью. Особое значение приобретает необходимость соблюдения принципа законности, а также повышение уровня качества уголовного судопроизводства.

Надлежащее решение задач возложенных на правоохранительные органы во многом предопределяется организацией их деятельности. Даже при наличии накопленного многолетнего опыта, современной техники, квалифицированной подготовки специалистов, усовершенствованной законодательной базы невозможно качественно, а самое главное оперативно решать различные вопросы, связанные с раскрытием и расследованием преступлений, без их должной организации.

Наглядным свидетельством этого являются приоритетные направления развития научных знаний об организации раскрытия и расследований преступлений, обусловленность которых определяется потребностями следственной практики, а вместе с тем уровнем развития экономических отношений на основе современных информационных технологий, где в последние годы фиксируется значительный рост преступности. Развитие указанных знаний, их систематизация играют значительную роль и, в свою очередь, предопределяет формирование концепции криминалистического учения об организации раскрытия и расследования преступлений.

Анализ научных трудов ученых позволяет выделить три концепции, которые, в свою очередь, способствовали зарождению в криминалистике научных знаний об организации раскрытия и расследования преступлений.

Первая концепция – традиционная. Согласно ей система криминалистики построена по принципу «криминалистика – это и есть организация». К ярким представителям указанной концепции относятся Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков и др.

Вторая концепция – управленческая. Концепция не включает в предмет изучения криминалистики организационные основы деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений, а рассматривает организацию с позиции управленческой деятельности. Научный взгляд на данную концепцию сформировался благодаря трудам Г.Ф. Горского, И.И. Колесникова, А.М. Кононова и др.

Третья концепция – организация выделяется в качестве самостоятельного раздела криминалистики, в котором представлены «организационные» темы (планирование, взаимодействие, криминалистическая регистрация и др.), ранее излагавшиеся в других разделах этой науки. Данная концепция находит отражение в работах А.В. Дулова, В.Д. Зеленского, А.Г. Филиппова и др.

Несмотря на разнообразие концепций, российский ученый И.П. Можаява предложила в своей докторской диссертации еще один альтернативный подход – формирование криминалистического учения, на основе обобщения всех имеющихся фундаментальных и прикладных достижений в этой области научного знания.

Не менее интересной, на наш взгляд, является позиция, предложенная известным ученым-криминалистом А.Ф. Волынским, который в своих научных трудах аргументировал вывод о том, что организация раскрытия и расследования преступлений – это межнаучная, междисциплинарная категория. В обосновании своих выводов автор опирается на философское научно обоснованное и практически апробированное понятие «организация» безотносительно к виду деятельности. Так, в философском энциклопедическом словаре «организация» – это: 1) внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением; 2) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимодействия между частями целого; 3) объединение людей, совместно реализующих определенную программу, цель и согласованно действующих на основе определенных правил [1, с. 10].

Очевидно, что ключевым словом в вышеприведенных определениях является слово «взаимодействие». При этом в криминалистике имеется в виду организация низового уровня, т. е. работа по материалам и уголовным делам. Иными словами, организация раскрытия и расследования преступлений как «целое» включает в себя такие «части» или виды

деятельности, как процессуальная, оперативно-розыскная, административная, судебно-экспертная, технико-криминалистическая или в целом криминалистическая, рассматриваемая как криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений [1, с. 11]. Позиция А.Ф. Вольнского нам импонирует, поскольку она отвечает реалиям сложившейся правоприменительной практики, а также переходу от моносистемности правоохранительных органов к их полисистемности.

До настоящего времени в Республике Беларусь концепция криминалистического учения об организации раскрытия и расследования преступлений не была сформирована в научных трудах отечественных ученых-криминалистов. Изучение юридической литературы по данной проблематике позволяет сделать вывод о том, что белорусские правоведы рассматривают организационные вопросы раскрытия и расследования преступлений наряду с криминалистическим обеспечением, включая их в тактические особенности проведения следственных действий. Кроме этого, организация раскрытия и расследования преступлений нашла свое отражение в качестве учебной дисциплины, которая включает общие и особенные положения, на основании которых в последующем формируются организационные основы раскрытия и расследования отдельных видов преступлений [2–4].

Таким образом, анализ юридических доктрин и литературы свидетельствует о том, что в Республике Беларусь имеются необходимые предпосылки для формирования криминалистического учения об организации раскрытия и расследований преступлений. При этом узконаправленные исследования проблем «частей целого» всего лишь являются одной из ступеней на пути к познанию «целого». Иначе говоря, формирование в Республике Беларусь криминалистического учения должно основываться на межкафедральных, междисциплинарных исследованиях, т. е. как межнаучная категория.

Необходимость в разработке и обосновании данной концепции предопределяется потребностью практики в разработке и внедрении комплекса научно-практических рекомендаций, положений, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью, особенно в сфере экономики и высоких технологий, где предполагается тесное сотрудничество специалистов в области электроники, информатики, экономики и, конечно же, представителей всех наук уголовно-правового блока.

Список использованных источников

1. Вольнский, А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная категория / А.Ф. Вольнский // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 10. – С. 10–13.

2. Организация расследования отдельных видов преступлений : учеб. пособие : в 2 т. / под общ. ред. Ю.М. Юбко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – Т. 1. – 239 с.

3. Организация расследования преступлений в сфере высоких технологий : учеб. пособие / П.В. Гридюшко [и др.] ; под общ. ред. И.Г. Мухина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017. – 139 с.

4. Организация расследования преступлений в сфере экономики : учеб. пособие / А.Е. Гучок [и др.] ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2019. – 191 с.

УДК 343.98

К.С. Плахота

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БУДУЩЕГО И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДЛЯ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

Общество в условиях и под влиянием научно-технического прогресса постоянно развивается и изменяется. Особенно наглядно это проявляется в области информационных технологий. Активно осваиваются возможности искусственного интеллекта, в том числе в правоохранительной деятельности:

1) технология распознавания лиц (face ID для разблокировки смартфона, т. е. с использованием биометрических параметров лица человека; отслеживание подозреваемых (обвиняемых, подсудимых, осужденных) в общественных местах с помощью камер видеонаблюдения, а также ускоренная проверка пассажиров при пересечении международных границ); 2) использование беспилотных автономных автомобилей для подразделений ДПС, ППС (данные автомобили еще не нашли применение в правоохранительной деятельности в связи с высокой стоимостью); 3) мониторинг социальных сетей для обеспечения безопасности граждан и т. д. Однако вышеперечисленные технологии могут быть использованы не только во благо общества, но и во вред ему – преступниками.

Например, существуют программы, основанные на искусственном интеллекте, позволяющие в аудио- и видеофайлах выдать себя за другого человека. Как известно, должным образом оформленные аудио- и видеофайлы могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу, однако лицам, сведущим в информационных технологиях, не составит труда представить следствию «дипфейк». Известны также такие мошеннические действия: выдача себя за детей престарелым родителям с помощью видеозвонков для получения доступа к де-

нежным средствам; фальшивые видео публичных деятелей, говорящих или предосудительно действующих с целью манипулирования ими и получения от них поддержки [1, с. 6].

Другим примером может служить использование беспилотных автомобилей в качестве оружия (на данный момент известно, как с помощью беспилотных летательных аппаратов передаются наркотики в места лишения свободы). Беспилотные автомобили используются как средство доставки взрывчатых веществ и как собственное кинетическое оружие террора. Следует также отметить, что в некоторых странах оружие и взрывчатые вещества намного сложнее добыть, чем автомобили. Данная тактика получила особую известность после серии атак в западных городах, включая Ниццу (2016), Берлин (2016), Лондон (2017), Барселону (2017) и Нью-Йорк (2017) [1, с. 7].

Широко распространены преступления, известные как индивидуальный фишинг. Так, злоумышленник использует доверие, чтобы убедить «жертву» выполнить действия, которых он в противном случае опасался бы, например, раскрыть пароль или перейти по сомнительным ссылкам (Boddy 2018) [1, с. 7–8]. В последнее время волна телефонных мошенничеств захлестнула мировое сообщество (в основном они рассчитаны на домохозяек, престарелых людей, безработных и не имеющих образования). Искусственный интеллект может повысить вероятность успеха фишинговых атак, создавая сообщения, которые кажутся более подлинными, например, путем включения информации, полученной из социальных сетей, или путем имитации стиля доверенной стороны. Данное утверждение относится к фишинговым атакам с помощью социальных сетей (когда злоумышленник отправляет сообщения в Facebook, WhatsApp, Viber, Вконтакте).

В связи с этим В.В. Путин в Указе от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» поставил задачу сформировать «компьютерную криминалистику», которая будет способна противостоять преступлениям, совершенным с использованием искусственного интеллекта.

Полагаем, также стоит отметить, что в рамках развития «компьютерной криминалистики» созданы современные криминалистические комплексы, которые специалисты (эксперты) могут использовать на месте происшествия для исследования электронных (цифровых) данных: UFED, XRY, «Мобильный криминалист». UFED и XRY позволяют эксперту (специалисту) извлечь, восстановить, а также декодировать информацию с электронных устройств (например, мобильного телефона (подобных его дивайсов), GPS-навигатора, карт памяти). «Мобильный криминалист», помимо вышеуказанных функций, позволяет произво-

дить анализ (связывать владельцев устройств и их контактами; выстраивать происшедшие события в хронологическом порядке; производить поиск информации по «ключевым словам»; выявить наиболее посещаемые места). Применяются также программно-аналитические комплексы IBM i2 Analyst's Notebook, «Сегмент-С», «Следопыт», которые используются для более глубокого исследования информации и больших данных (Big Data). Такие комплексы, как IBM i2 Analyst's Notebook предназначены для анализа информации о государственных регистрационных знаках транспортных средств, формируемых определенными системами их фиксации (самая известная система «Поток») [2, с. 48].

Однако важно отметить, что способы собирания доказательств на протяжении десятилетий остаются неизменными. Президент Российской Федерации В.В. Путин 3 марта 2021 г. на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России отметил, что следственная практика нуждается в новых способах собирания доказательств. Представляется, что использование видеоконференцсвязи (ВКС) при производстве следственных действий возможно и необходимо рассматривать как новый способ собирания доказательств. В связи с чем было бы разумно на законодательном уровне предоставить возможность следователю производить следственные действия с помощью системы видеоконференцсвязи. В теории существует мнение о том, что вообще нет необходимости вносить законодательные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) по поводу использования ВКС в досудебном уголовном судопроизводстве, поскольку в нем нет исчерпывающего перечня допустимых в уголовном процессе технических средств. Кроме того, использование ВКС законодательно разрешено на этапе судебного производства, что позволяет применить его при производстве предварительного расследования.

Использование в следственной практике ВКС позволило бы соблюсти один из главных принципов, предусмотренных УПК РФ, – принцип разумности срока уголовного судопроизводства. В ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ отмечается: «Обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства». Возникает вопрос, можно ли отнести к организации работы планирование расследования и проведение следственных действий? И если да, то как быть в том случае, если проведение следственного действия затруднительно в виду отсутствия возможности участия в нем определенного лица (выехал за границу, проживает в отдаленном месте, болен и т. п.)?

Таким образом, становится ясно, что сложившаяся следственная практика требует изменений и нововведений, чтобы иметь возможность отвечать на вызовы в виде новых видов преступлений.

Список использованных источников

1. AI-enabled future crime / M. Caldwell [et al.] // Crime Science volume 9, Article number: 14. 2020. pp. 1-13. – URL: <https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40163-020-00123-8> (дата обращения: 13.03.2021).

2. Бессонов, А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами / А.А. Бессонов // Вестн. Ун-та им. О.Е. Кутафина. – 2018. – № 3. – С. 46–52.

УДК 343.985

В.Н. Плетенец

ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ХОДЕ ДОПРОСА

Расследование почти всегда связано с возникновением конфликтных ситуаций. Причинам их возникновения и путям преодоления было уделено особое внимание со стороны таких ученых, как О.Я. Баев, В.А. Журавль, В.Е. Коновалова, Б.И. Хасан, В.Ю. Шепитько и др. Несмотря на это, уполномоченные лица (следователи, прокуроры, дознаватели, детективы), сталкиваясь с конфликтными ситуациями при проведении допросов, испытывают трудности их решения. Среди причин может быть указано недостаточное осознание значительной частью сотрудников правоохранительных органов содержания, значения и причин формирования рассматриваемых ситуаций.

В «Словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова конфликт определяется как столкновение, существенные разногласия, спор [1, с. 237].

Конфликтная ситуация значительно усложняется в случае формирования у сторон личного неприятия оппонента, что может «вылиться» в осуществление противодействия досудебному расследованию со стороны как участников уголовного производства, так и других заинтересованных в соответствующих результатах лиц.

Конфликтная ситуация со строгим соперничеством возникает всегда, когда допрашиваемый занимает позицию противодействия расследованию, которое может проявляться в следующих формах:

- отказ лица от дачи показаний;
- уклонение от дачи показаний;

дача ложных показаний;
умышленное сокрытие или замалчивание отдельных обстоятельств, интересующих следствие;

изменение показаний с правдивых на ложные полностью или частично;

отказ допрашиваемого субъекта от процессуального оформления сообщенных на допросе сведений [2].

Отказ от дачи показаний должен быть ожидаемым следователем. Заявление в категорической форме об отказе в предоставлении показаний не должно быть причиной для прекращения допроса. В этой ситуации перед следователем стоит задача установления причин отказа от дачи показаний. Устранение установленных причин может быть реализовано как сразу, так и в последующем. Таким образом, недобросовестная позиция допрашиваемого может быть изменена на добросовестную, после чего следователь переходит к проведению допроса.

Изменение позиции допрашиваемым может быть осуществлено с использованием тактических приемов, направленных на разъяснение содержания и значения дачи показаний, которые будут залогом справедливого наказания виновному. При этом интересам отдельной личности в деятельности правоохранительных органов должен предоставляться приоритет.

В связи с этим заслуживает внимания группа тактических приемов убеждения, названная группой «тактических приемов демонстрации возможностей». Их суть заключается в том, что в присутствии подозреваемого, обвиняемого следователь проводит отдельные следственные действия, цель, содержание и результаты которых комментируются [3, с. 251].

Это приводит к осознанию допрашиваемым содержания, значения и последствий. Соответственно, процесс допроса воспринимается не как нечто абстрактное, а то, что происходит здесь и сейчас и касается непосредственно допрашиваемого. Результатом является погружение допрашиваемого в ход проведения. Это, с высокой долей вероятности, будет влиять на занимаемую допрашиваемым позицию.

В случае выявления факта дачи лицом ложных показаний может быть применен такой тактический прием, как языковая неопределенность. Следователь должен достоверно владеть информацией с убеждением о том, что лицо умышленно дает ложные показания, а не добросовестно заблуждается. Иначе может произойти навязывание (внушение) следователем собственной позиции допрашиваемому, что сделает невозможным установление объективной картины совершенного правонарушения.

Цель приема заключается в попытке вызвать у противника стремление избежать неясности в диалоге, вызвать попытку «все поставить на свои места», т. е. заставить собеседника высказаться и выдать свои мысли [4, с. 51]. Применение данного приема должно основываться на личных качествах (принципиальности, повышенном чувстве справедливости, сильном характере, высоком общем уровне развития и т. п.) допрашиваемого, который попытается внести ясность в содержание общения. В противном случае указанный тактический прием не будет иметь результативности.

Конфликтная ситуация может образоваться и в результате отказа давать показания, подписывать протокол допроса. Следователь обязан выяснить мотивы нежелания процессуального оформления показаний и определить, насколько обоснованными являются опасения допрашиваемого при реализации сообщенной им информации, насколько реальна угроза психического или физического насилия со стороны заинтересованных лиц [5, с. 67].

В данном случае следователю целесообразно выяснить причину такой позиции. Ею, в подавляющем большинстве, становятся нежелание лица определять источник происхождения сведений об обстоятельствах происшествия. Особое значение это приобретает в случае осуществления по отношению к допрашиваемому или его близких давления со стороны заинтересованных лиц. Таким образом лицо пытается сориентировать следователя в обстоятельствах уголовного преступления, однако не желает подвергаться возможной опасности.

Большое значение в решении конфликтных ситуаций допроса может иметь предварительно сформированный психологический контакт с допрашиваемым.

В основном на формирование конфликтных ситуаций разной степени интенсивности влияет уровень сформированной обстановки сотрудничества. При наличии ненадлежащего уровня психологического контакта следователь может принять решение о переносе допроса на другое время. В противном случае допрос, с достаточно высокой вероятностью, не даст положительного результата.

По нашему мнению, изменения позиции допрашиваемого лица с категорического отказа на сотрудничество должно быть использовано для немедленного допроса. Наше утверждение основывается на том, что отсрочка следственного (розыскного) действия может привести к повторному изменению занятой допрашиваемым позиции. В следующий раз убеждения и применение тактических приемов к указанному лицу могут уже не иметь положительного значения. Особое значение это приобре-

тает в случае осуществления на допрашиваемого давления со стороны заинтересованных в соответствующих результатах расследования лиц.

Таким образом, умение предотвратить давление на участников расследования становится залогом результативного проведения расследования вообще и допроса в частности. При этом деятельность следователя, с достаточно высокой вероятностью, будет осуществляться с минимальной возможностью формирования конфликтной обстановки, тем самым будет сводиться к минимуму возможность траты времени, сил и средств на получение ожидаемого результата.

Список использованных источников

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. чл.-кор. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.
2. Баев, О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии (основы предупреждения и разрешения) / О.Я. Баев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 132 с.
3. Криміналістика : підручник / В.Ю. Шепітько [та ін.] / ред. проф. В.Ю. Шепітька. – 4-е вид., перероб. і доп. – Х. : Право, 2008. – 464 с.
4. Переверза, О.Я. Особливості тактики допиту особи, яка дає завідомо неправдиві показання, з участю захисника у процесі з моменту затримання / О.Я. Переверза // Право України. – 2002. – № 10. – С. 50–53.
5. Кришевич, О.В. Застосування тактичних прийомів для вирішення конфліктів на допиті / О.В. Кришевич // Право України. – 2001. – № 3. – С. 66–68.

УДК 343.13

И.А. Ретюнских

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Наиболее значимая роль в процессе расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, безусловно, отводится выполнению четкого детального механизма расследования данной категории уголовных дел. Особенности производимых процессуальных действий обуславливаются характером совершенного преступления. Среди следственных действий, производимых по делам экстремистской направленности, особо выделяются осмотр места происшествия и экспертиза.

Специфика осмотра места происшествия заключается в том, что в ходе его проведения необходимо установить: место, с которого происходили устные выступления; место нахождения радио- или телестудий; место нахождения транслирующих устройств; место установки громкоговорителей или телеэкранов; место изготовления печатных изданий; место распространения печатных изданий соответствующего содержания; место распространения листовок; место изготовления надписей или рисунков на стенах или иных объектах; место нахождения использованных виновными средств для изготовления; место распространения через интернет материалов, открыто пропагандирующих ненависть на национальной и религиозной основе.

На месте происшествия могут оставаться печатная продукция, плакаты, лозунги или их части, нужно не только обратить внимание на их наличие, но и зафиксировать их точное местоположение относительно неподвижных объектов, расположенных поблизости, и относительно друг друга.

Если преступление было совершено в помещении, то криминалистический интерес будут представлять те помещения, что расположены в непосредственной близости от него, имеют с местом происшествия общие стены и т. д. Иными словами, любые места, где можно было воспринимать тем или иным способом весь процесс совершения преступления либо отдельные его составляющие.

В случае совершения преступных действий на участках местности (на площадях, улицах и т. п.) осмотру подлежат также здания и сооружения, дворы, находящиеся поблизости от места происшествия, по ходу движения демонстрации либо перемещения тех, кто участвовал в совершении преступных действий, и тех, кто оказался в числе потерпевших от таких действий.

Если при совершении преступления распространялись (или предполагалось распространять) печатные издания либо их части, важно установить не только место их распространения, но и места их изготовления.

В ходе расследования уголовных дел экстремистской направленности одной из основных проблем является установление наличия в действиях направленности на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Одним из средств доказывания экстремистского мотива является судебная лингвистическая экспертиза. Цель данной экспертизы – установление наличия экстремистских призывов и пропаганды [1, с. 37–42]. При проведении лингвистического исследования происходит установление

толкования и разъяснения значений и происхождения слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений; изучение текстов, графических изображений и их интерпретация.

На разрешение судебной лингвистической экспертизы может быть поставлен достаточно широкий круг вопросов.

Объектами проведения лингвистической экспертизы могут выступать: фонограммы, видео- и аудиозаписи;

газетные и журнальные публикации, выступления в СМИ, в том числе в сети Интернет;

аудиозаписи;

произведения устной или письменной речи, зафиксированные на материальном носителе, вещественные доказательства, документы, образцы для сравнительного исследования, материалы дела, по которому проводится судебная экспертиза [2, с. 56–60].

Среди вопросов, которые могут быть поставлены на разрешение судебной лингвистической экспертизы по рассматриваемой категории преступлений, можно назвать следующие:

1. Имеются ли в представленном тексте высказывания или выражения, призывающие к совершению противоправных (экстремистских) действий?

2. Имеются ли в представленном тексте обращения или лозунги, агитирующие за совершение противоправных (экстремистских) действий?

3. Имеются ли в представленном тексте выражения, инициирующие совершение противоправных (экстремистских) действий?

4. Имеются ли в представленном тексте высказывания или выражения, однозначно трактуемые как требование (приказ) совершения противоправных (экстремистских) действий?

5. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо национальной, конфессиональной или иной социальной группы?

6. Имеются ли в представленном тексте высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы?

7. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу?

8. Имеются ли в представленном тексте высказывания побудительного характера, содержащие побуждение к насильственным действиям против лиц определенной национальности, расы, религии и (или) иной социальной принадлежности?

9. Имеются ли в представленном тексте высказывания об изначальной враждебности какой-либо нации, расы или иной социальной группы по отношению к другой?

10. Имеются ли в представленном тексте высказывания об антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной национальной, религиозной, этнической или иной социальной группы по отношению к другой?

11. Имеются ли в представленном тексте высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной, этнической, конфессиональной или иной социальной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой нации, народности, этнической или иной социальной группы?

12. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической или иной социальной группы?

13. Имеются ли в представленных текстах высказывания, содержащие негативные уничижительные оценки личности как представителя определенной национальности, этноса, расы или иной социальной группы [3, с. 44, 49–50]?

Список использованных источников

1. Осадчий, М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза вербальных форм проявления экстремизма с учетом изменений от 27.07.2006 / М.А. Осадчий // Уголов. процесс. – № 10. – 2006. – С. 37–42.

2. Варданян, А.В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы / А.В. Варданян // Философия права. – 2019. – № 2. – С. 56–60.

3. Галяшина, Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Е.И. Галяшина ; под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М. : Юрид. мир, 2006. – С. 44, 49–50.

УДК 343.14

Р.М. Ponom

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Использование специальных знаний, прежде всего посредством назначения судебных экспертиз, является неотъемлемым атрибутом расследования практически каждого уголовного дела. При этом убеж-

денность субъектов доказывания в достоверности выводов эксперта выступает обязательной предпосылкой правильности принимаемых процессуально значимых решений.

Процесс оценки достоверности заключения эксперта носит комплексный характер и, в первую очередь, должен быть направлен на проверку хода и результатов проведенного исследования, а также установление обоснованности и аргументированности полученных выводов. Кроме того, следует иметь в виду, что изучению должны быть подвержены как формальная, так и содержательная стороны заключения эксперта, которые должны оцениваться в совокупности.

В литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, приводятся различные подходы относительно алгоритма проверки формальных и содержательных аспектов экспертного заключения. Однако в большинстве таких работ, несмотря на определенные терминологические разночтения, по сути, предлагается сходный набор действий по оценке достоверности заключения эксперта, которые в обобщенном виде можно представить следующими аспектами:

юридическая сила заключения эксперта, предполагающая соблюдение закрепленного уголовно-процессуальным законодательством порядка назначения и проведения экспертизы, а также соответствие заключения установленной форме, что обеспечивается наличием всех необходимых реквизитов (дата и номер заключения, подпись эксперта, оттиски печати экспертного учреждения и т. д.) и обязательных элементов его структуры (подписка эксперта, исследовательская часть, выводы, таблица фотоснимков и пр.);

компетенция эксперта, обусловленная совокупностью прав, обязанностей и полномочий, закрепленных нормативными правовыми актами, а также теми специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которые необходимы для проведения исследования (наличие соответствующего допуска на право проведения экспертизы определенного вида);

достоверность и достаточность объектов (материалов), представленных на исследование, включая образцы для сравнительного исследования;

внутренняя непротиворечивость и логика проведенного исследования, обусловленные соблюдением необходимой последовательности стадий экспертизы (предварительное исследование; детальное исследование, которое включает раздельное и сравнительное исследование, а также экспертный эксперимент; оценка результатов исследования и формулирование выводов);

полнота проведенного исследования и научная обоснованность сделанных на его основе выводов, что, в первую очередь, должно быть де-

терминировано соответствием количества и содержания выводов тем вопросам, которые были поставлены на разрешение экспертизы, а также мотивированностью результатов, полученных с помощью применения тех или иных методов исследования, наличием однозначной причинно-следственной связи между полученными результатами и соответствующими признаками и свойствами, установленными в ходе исследования;

актуальность специальных знаний, которые были использованы для обоснования полученных результатов, правильность выбора и применения соответствующей экспертной методики, утвержденной в установленном порядке и разрешенной для проведения исследований посредством ее включения в Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности;

степень реализованности экспертной инициативы, учет выявленных с ее помощью обстоятельств при формулировании выводов;

использование возможностей назначения дополнительных и повторных экспертиз, проведение допроса эксперта, привлечение для консультации иных специалистов;

соотнесение доказательственного значения выводов эксперта с другими доказательствами по делу, установление степени их согласованности.

Помимо вышеуказанных положений, в литературных источниках можно встретить и иные предложения отдельных авторов по оценке достоверности заключения эксперта: придание заключению эксперта на законодательном уровне особого доказательственного статуса; обязательный допрос эксперта, проводившего экспертизу; обязательное участие эксперта в судебном заседании; внедрение в уголовный процесс так называемых проверочных (контрольных, конкурирующих) экспертиз и пр. Не умаляя возможной перспективности некоторых из приведенных положений (отдельные представляются нам явно утопичными), следует отметить, что в большинстве своем они носят лишь декларативный характер и требуют обстоятельного научного обоснования и дальнейшей разработки.

Внутренний перечень приведенных рекомендаций, на первый взгляд, предоставляет субъекту доказывания более чем достаточный и разносторонний инструментарий по оценке достоверности заключения эксперта. Однако это только в теории. На практике, к сожалению, дело обстоит несколько иначе. В большинстве случаев оценка экспертного заключения ограничивается установлением соответствия процессуальных требований его назначения и (или) проверкой факта того, на все ли поставленные вопросы даны соответствующие ответы (выводы), что обусловлено прежде всего емкостью и многогранностью знаний, охва-

тываемых судебной экспертизой, являющейся наукой интеграционной, активно использующей положения и разработки многих других естественных и технических наук (физики, математики, химии, генетики, биологии и др.), знание которых на «экспертном» уровне одним лицом (следователем, прокурором, судьей) объективно представляется весьма затруднительным.

Кроме того, в уголовном процессе, криминалистике и судебной экспертизе вопросы оценки достоверности заключения эксперта несогласованны, имеют по большей части прикладной характер, рассматриваются во многом исключительно через призму практической деятельности субъекта доказывания. Такой подход сформирован сложившейся практикой правоприменения, однако он не исчерпывает всех аспектов оценки достоверности судебных экспертиз и, тем более, не в состоянии решить проблему формального подхода к изучению экспертных заключений.

Вопросы оценки достоверности судебных экспертиз, пройдя определенный этап своего эмпирического развития и накопив значительный объем практического материала, по нашему мнению, уже выходят за пределы сущности задач доказывания как «производственного» элемента судебно-прокурорско-следственной деятельности и переходят на уровень формирования общенаучных теоретических положений, требующих соответствующего осмысления и обоснования. Данной тенденции активно способствуют процессы дифференциации и интеграции научного знания, обуславливающие в конечном итоге создание базисного знания в каком-либо направлении, формирование комплексных, междисциплинарных направлений исследований. По нашему мнению, одним из таких направлений являются знания в области оценки достоверности судебных экспертиз. Интеграция этих знаний, их взаимодействие при решении задач доказывания позволят получить качественно новое учение, основанное на объективной научной оценке выявляемых фактических данных.

Интеграция научных знаний в области оценки достоверности судебных экспертиз должна охватывать не только положения, накопленные в теории и практике доказывания, но и содержать в себе знания криминалистики и теории судебной экспертизы, включающие информацию об экспертных ошибках и дефектах деятельности эксперта, психологии и алгоритмах принятия экспертных решений (формирования выводов), экспертной инициативы, пределах компетенции и компетентности эксперта и пр., а также о закономерностях отражения этих обстоятельств в материалах экспертного заключения и закономерностях их анализа и использования при расследовании преступлений.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ АЭРОСЪЕМКИ

В современных условиях противодействия преступности возникла необходимость проведения теоретико-правовых исследований в области криминалистической аэросъемки.

Для развития теоретических основ криминалистической аэросъемки следует создать необходимую нормативную правовую базу, которая бы санкционировала использование авиамodelей для решения задач противодействия преступности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (ч. 3 ст. 192) допускает применение технических средств и использование научно обоснованных способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Поэтому изменений и дополнений уголовно-процессуального закона в связи с внедрением в практику криминалистической аэросъемки не требуется. Достаточно будет лишь разработать тактические особенности, касающиеся условий и порядка их использования при проведении следственных действий, на что указывает содержание ч. 4 ст. 193 УПК.

В настоящий момент действуют общие Правила использования авиамodelей в Республике Беларусь, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 августа 2016 г. № 636 и разработанные на основании Указа Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2016 г. № 81 «Об использовании авиамodelей».

Правила содержат основной понятийный аппарат, необходимый для рассмотрения аспектов использования авиамodelей, определяют случаи, в которых недопустимо их использование, правила маркировки авиамodelей, права и обязанности пользователей беспилотных летательных аппаратов.

Изучение содержания указанных выше правил позволяет сделать вывод о том, что они носят бытовой характер и обязательны для выполнения со стороны повседневных пользователей (фото- и видеосъемка торжественных, массовых мероприятий и т. п.).

Для решения задач криминалистики, правоохранительной деятельности с использованием аэросъемки при помощи беспилотных летательных аппаратов необходима более детальная регламентация условий и порядка использования авиамodelей.

Для разрешения указанной проблемы можно предложить два варианта: разработать межведомственную инструкцию о порядке и условиях использования криминалистической аэросъемки при производстве по материалам и уголовным делам;

разработать и внедрить в практику закон Республики Беларусь «Об авиамodelях», в котором самостоятельный раздел посвящать порядку и условиям использования дронов различными правоохранительными органами для достижения целей борьбы с преступлениями и правонарушениями.

Несмотря на выбор варианта выхода из сложившейся ситуации, нормативный правовой акт должен содержать следующие необходимые аспекты применения беспилотных летательных аппаратов (БЛА) в практике противодействия преступности:

специальные термины, применяемые при использовании БЛА при проведении криминалистической аэросъемки;

конкретизированные правила использования БЛА при проведении криминалистической аэросъемки, соотносимые с правилами гражданской и военной авиации;

ограничения при использовании БЛА, затрагивающие конституционные права и интересы граждан;

круг субъектов использования БЛА для решения задач борьбы с преступностью, их полномочия относительно возможностей БЛА (границы, пределы и др.);

порядок использования БЛА при проведении различных уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных, административно-процессуальных действий, отражения в соответствующих документах;

порядок сохранения и последующего использования в уголовном и административных процессах фото- и видеoinформации, полученной в процессе криминалистической аэросъемки;

формализованный акт использования БЛА, прилагаемый к соответствующему протоколу.

Указанные выше аспекты правового регулирования использования БЛА при проведении криминалистической аэросъемки обусловлены требованиями современной правоприменительной практики и выделены, исходя из анализа опыта автора в указанной сфере, результатов ряда научно-практических экспериментов по проверке и уточнению возможностей криминалистической аэросъемки в противодействии преступности.

В настоящее время остаются также четко не урегулированными вопросы:

санкционирования использования БЛА для криминалистической аэросъемки в зонах, закрытых для полетов (аэропорт, объекты с особым режимом охраны территории и др.);

технических характеристик БЛА, необходимых для проведения качественной криминалистической аэросъемки;

подготовки «пилотов» для БЛА с соблюдением разработанных правил.

Эти аспекты должны найти свое отражение в предложенных выше содержательных разделах проектов нормативных правовых актов.

Несмотря на то что для криминалистической аэросъемки в настоящее время нужно разработать детальные правила с учетом норм современного законодательства в указанной сфере, вспомогательные программные и технические средства, необходимые для достижения целей и решения задач аэросъемки, адаптировать существующие приемы и методы криминалистической фотографии, предложенный подход к правовому урегулированию использования БЛА при проведении криминалистической аэросъемки позволит:

максимально расширить возможности использования БЛА для осуществления криминалистической аэросъемки в борьбе с преступностью;

стимулировать развитие криминалистической аэросъемки в современных условиях цифровизации общества;

распределить полномочия по урегулированию взаимоотношений между правоохранительными органами, осуществляющими контроль в области использования гражданской и военной авиации;

алгоритмизировать действия субъектов, инициировавших и осуществляющих криминалистическую аэросъемку.

УДК 343.98

В.Ф. Финогенов, Е.В. Давыдов

О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЯМ

Расследование преступлений – это сложный вид деятельности человека, представляющей собой сочетание следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий. Ведущая роль принадлежит следственным действиям, как средствам получения доказательств. Из всех следственных действий следует выделить такое специальное следственное действие, как экспертиза. Заключение эксперта является источником судебных доказательств, а его выводы – доказательством [1, с. 374]. В этой связи следует подчеркнуть, что судебно-портретные экспертизы являются источником прямых доказательств по уголовным делам, так как ее результаты указывают на причастность к преступлению конкретного лица.

Судебно-портретная экспертиза по цифровым видеозаписям проводится в целях решения диагностических и идентификационных задач, в том числе об установлении пола, возраста, расовой принадлежности изображенного на видеоизображении человека и установления тождества проверяемых лиц по анатомическим признакам внешности.

Объектами судебно-портретной экспертизы по цифровым видеоизображениям являются: цифровые видеозаписи, полученные на различных носителях информации (видеокассетах, картах памяти, оптических дисках, флешкартах и т. п.); видеопортреты, распечатанные на материальных носителях; файлы с изображением исследуемого лица.

Основанием для проведения судебно-портретной экспертизы согласно уголовно-процессуальному закону являются постановление следователя, органа дознания, определение суда. Сам процесс назначения судебно-портретной экспертизы по цифровым видеоизображениям включает в себя действия дознавателя, следователя, судьи, имеющие определенный организационный, тактический и методический характер. В частности, указанные субъекты уголовного процесса должны экспертизу назначить своевременно, грамотно сформулировать вопросы эксперту, подготовить в полном объеме направляемые на экспертизу материалы. От своевременного назначения экспертизы зависит эффективность расследования уголовного дела.

Проведенный авторами анализ 52 уголовных дел, по которым назначались судебно-портретные экспертизы по видеоизображениям, показал, что нередко следователи при назначении такого рода экспертиз допускали различного рода неточности и ошибки. По нашему мнению, это во многом происходит от отсутствия или недостаточности у них необходимого методического материала по обеспечению вопросов назначения и производства судебно-портретных экспертиз по видеоизображениям.

Так, следователи в большинстве случаев (95 %) не указывают: источники получения исследуемого объектов и образцов, представленных для сравнения; время и условия съемки и т. п. Не предоставляются эксперту и сведения о наличии у сравниваемых лиц братьев-близнецов, братьев, близких с ним по времени рождения; сведений о перенесенных травмах, заболеваниях, хирургических и (или) косметических операциях [2, с. 48].

Недостатки касались и формулировки вопросов эксперту в (12 %) случаях. Например, такие вопросы, как: «Пригодны ли для сравнительного исследования образцы внешности обвиняемого Сидорова С.С., зафиксированные 15 декабря 2019 г. на диске?» или «Сидоров 7 ноября 1985 года рождения изображен на диске, представленном на исследование?» являются некорректными.

На наш взгляд, наиболее удачной является следующая формулировка вопросов: «Пригодны ли для портретной идентификации изображения мужчины, запечатленные на видеокадрах в интервале показаний временного маркера от 2019-06-12 11:57:25 до 2019-06-12 11:59:40 видеозаписи, изъятой с камеры видеонаблюдения...?» и/или «Одно или разные лица изображены на видеокадрах в интервале показаний временного маркера от 2019-06-12 11:57:25 до 2019-06-12 11:59:40 и представленных фотоснимках?».

В 16 % постановлений о назначении экспертиз представленные на исследования объекты описываются неточно или некорректно. Например, «DVD-диск (магнитно-цифровой носитель) с фрагментом видеозаписи»; «Три оптических диска»; «Видеоролик на электронном носителе». В таких случаях целесообразно придерживаться специальной терминологии в описании объектов. Например, «На экспертизу представлены: 1. Компакт диск PHILIPS CD-RW 700 MB 80 MIN 4-12x SPEED матричный номер 0207011814243176 с одной записью в формате «AVI» продолжительностью...».

Из анализа заключений экспертов установлено, что в 27 % случаев на исследования экспертам представляется не сама видеозапись, а распечатанное статичное изображение лица человека на бумажном носителе, либо отдельные видеокадры на цифровых носителях. Однако, как показывает анализ заключений экспертов, полученные таким образом материалы, в том числе и для сравнительного исследования, не всегда отвечают требованиям, предъявляемым к материалам данного вида. Например, при распечатке изображения на такие носители происходит потеря мелких элементов, особенностей признаков внешности, зафиксированных в оригинале.

При предоставлении отдельных файлов (с изображением объекта исследования) не всегда просматриваются мелкие информативные признаки. Благие намерения следователя приводят к частичной потере информации о внешнем облике человека и, как следствие, затрудняют производство судебно-портретной экспертизы.

По нашему мнению, оптимальным вариантом является предоставление дознавателем, следователем, судом эксперту, проводящему судебно-портретную экспертизу, видеозаписи на оригинале, на материальном носителе цифровой информации. При этом необходимо указать наименование файлов, форматы, размеры видеозаписи, временной интервал, а также индивидуализирующие признаки лица, в отношении которого необходимо произвести исследования [3, с. 64].

Особое внимание следует обратить на подготовку сравнительного материала (образцов). Хотя следователь вправе самостоятельно полу-

чить экспериментальные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, но, как свидетельствует практика, полученные таким образом образцы в большинстве случаев не отвечают требованиям для производства портретной экспертизы (в 17 % случаях).

В связи с этим представляется целесообразным проводить подготовку экспериментальных образцов с участием специалиста в области габитоскопии и портретной экспертизы. При подготовке образцов следует осуществлять фото- или видеосъемку проверяемого лица с соблюдением технических условий съемки (освещение, дистанция съемки, ракурс, выражения лица и др.), которые оказывали влияние на достоверность отображения признаков внешности на исследуемых объектах.

В заключение следует отметить, что приведенная авторами информация может быть полезна лицам, назначающим судебно-портретные экспертизы по видеоизображениям, и будет способствовать более эффективному их использованию при расследовании преступлений.

Список использованных источников

1. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 374 с.
2. Зинин, А.М. Руководство по портретной экспертизе : учеб. пособие / А.М. Зинин. – М. : Эксмо, 2006. – 48 с.
3. Давыдов, Е.В. Особенности производства судебно-портретных экспертиз по цифровым видеоизображениям / Е.В. Давыдов, В.Ф. Финогенов // Судеб. экспертиза. – Волгоград : ВА МВД России, 2012. – № 2 (30). – С. 61–66.

УДК 343.985.2

А.В. Холопов

О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАГЛЯДНОСТИ

Актуальность рассмотрения вопросов, связанных с криминалистическим обеспечением наглядности в уголовном судопроизводстве, прежде всего связана с тем, что с 2016 г. в Российской Федерации правосудие в суде присяжных может осуществляться на уровне судов районного звена.

Специфика судебных разбирательств с участием присяжных заседателей отражена в п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ, т. е. если какая-либо доказательственная информация не будет представлена в судебных заседаниях, либо представлена некачественно, то присяжные не смогут полноценно познать все обстоятельства совершенного преступления.

Соответственно, картина события преступления в сознании присяжных не будет полной и целостной, что в результате отрицательно скажется на формировании внутреннего убеждения присяжных относительно виновности подсудимого.

Изначально преступление, как объект познания, обладает свойствами ненаглядности, т. е. отсутствия системы информации, позволяющей сформировать целостный наглядный образ в сознании субъекта познания. Уголовное судопроизводство как организационно-управленческий процесс, сфокусированный на познании преступления на стадии предварительного и судебного следствия, можно рассматривать как переход (трансформация) «ненаглядных» (неочевидных) данных о совершенном преступлении в наглядные (очевидные) сведения – доказательственную информацию.

Данное обстоятельство позволяет говорить о необходимости рассмотрения роли криминалистики в уголовном судопроизводстве как технологии обеспечения познания преступления. Это предполагает определенную оптимизацию уголовного судопроизводства в целом. Обусловлено это тем, что с точки зрения обеспечения познания преступления присяжными доказательственная информация на стадии предварительного расследования должна быть максимально наглядно отражена в уголовном деле и, соответственно, наглядно представлена в судебных разбирательствах. Другими словами, для обеспечения познания преступления в суде присяжных в уголовном судопроизводстве необходима реализация принципа наглядности с помощью криминалистических технологий.

В связи с этим содержание криминалистических технологий обеспечения наглядности, с точки зрения объективизации доказывания [1], состоит прежде всего в применении системы научно-технических и технико-криминалистических средств, а также организационно-управленческих приемов и методов, связанных с применением таких средств на этапах фиксации и представления (демонстрации и визуализации) доказательственной информации.

Исходя из этого, содержание криминалистических технологий обеспечения наглядности в уголовном судопроизводстве можно описать в виде следующей классификации:

1. Научно-технические средства и методы (НТСМ) обеспечения наглядности [2]:

А) НТСМ фиксации доказательственной информации: 1) НТСМ фотографической фиксации, например, технологии создания 3D-фотопанорам; 2) НТСМ фиксации аудиовизуальной информации (видео- и аудиозапись);

3) НТСМ графической фиксации (использование систем лазерного геодезического сканирования для создания цифровой копии объектно-следовой обстановки на месте происшествия в виде цифровой 3D-модели).

Б) НТСМ демонстрации и визуализации доказательственной информации: 1) приспособления и устройства визуализации информации, или изобразительные средства (доски для мела, маркерные доски, флипчарты); 2) приспособления и устройства демонстрации информации (манекены, муляжи холодного и огнестрельного оружия, а также взрывных устройств); 3) мультимедийные НТСМ обеспечения наглядности аудиовизуальной информации: 3.1) НТСМ визуализации оптической информации: видеокамеры, документ-камеры, телевизионные насадки на микроскопы, телевизионные лупы; 3.2) НТСМ воспроизведения (трансляции) акустической информации: цифровые и аналоговые устройства воспроизведения аудиоинформации с любого носителя и источника информации; 3.3) компьютерно-технические средства: компьютеры, портативные компьютеры, планшетные компьютеры, графические планшеты, презентеры; 3.4) НТСМ визуализации, отображающие аудиовизуальную информацию: мультимедийные проекторы, интерактивные доски, ЖК-мониторы, средства видеоконференцсвязи и т. д.; 4) программные НТСМ: 4.1) компьютерные программы для создания презентаций, например, MS PowerPoint; 4.2) компьютерные программы для создания интеллектуальных карт с целью отображения сложных аналитических схем, например, Xmind, Freeplane; 4.3) специализированные компьютерные программы, позволяющие смоделировать и визуализировать обстановку на месте происшествия, а также событие преступления в виде 3D-модели, например: программа 3D EyeWitness (3D Глаза свидетеля), The Crime Zone (Место (пространство) преступления); 5) НТСМ исследования вещественных доказательств, позволяющие конструктивно и функционально обеспечить наглядность в представлении информации в судебных разбирательствах: 5.1) измерительные НТСМ: механические или электронные весы, термометры, измерители расстояний (штангенциркуль), универсальные измерители электромагнитных свойств и т. д.; 5.2) НТСМ, применяемые для проведения морфологического анализа (средства специального (криминалистического) освещения объектов; средства оптического увеличения – средства макро- и микроскопии.

2. Организационно-управленческие методы и приемы обеспечения наглядности, т. е. применение способов, приемов и методов в демонстрации и визуализации информации с учетом психофизиологии восприятия: 1) управление вниманием участников судебного следствия (акцентирование внимания); 2) кодировка в наглядном представлении

информации, т. е. использование системы условных знаков, символов и обозначений, предназначенных для наглядного представления информации; 3) структурирование и систематизирование представляемой информации, т. е. организация различных данных и их представление в виде схем, графиков и диаграмм; 4) контрастирование визуализируемой информации; 5) сравнение и совмещение визуализируемой информации; 6) уменьшение шокирующего эффекта, т. е. снижение негативного психоэмоционального воздействия зафиксированных на фотографии телесных повреждений трупа (зияющие раны, признаки разложения и т. д.) посредством их маскировки; 7) визуализация анимированной 3D-модели события преступления (виртуальный следственный эксперимент) с помощью программ 3D EyeWitness (3D Очевидец или 3D Глаза свидетеля).

Таким образом, криминалистические технологии обеспечения наглядности в уголовном судопроизводстве представляют собой систему организационно-управленческих мер, научно-технических средств, операций, приемов, методов, процессов, устройств и материалов, используемых в процессах фиксации и представления (демонстрации и визуализации) доказательственной информации на стадии предварительного следствия и судебного разбирательства.

Список использованных источников

1. Вандер, М.Б. Объективизация доказывания в уголовном процессе с применением научно-технических средств / М.Б. Вандер. – СПб. : Ин-т повышения квалификации прокурорско-следств. работников Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 1994. – 52 с.

2. Холопов, А.В. Научные методы и технические средства в судебном следствии : монография / А.В. Холопов. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 248 с.

УДК 343.98

В.А. Чванкин

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ ТЕКСТИЛЬНЫХ ВОЛОКОН ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Эффективность деятельности следственно-оперативной группы на месте происшествия зависит, в том числе, и от грамотного и всестороннего изучения самого места происшествия, обнаружения, фиксации и изъятия различных объектов, их предварительного исследования. Су-

щественными аспектами, на которые должен обращать специалист перед выездом на место происшествия, является владение особенностями обнаружения, фиксации и изъятия различных объектов, а также необходимым техническим оснащением.

Непосредственно на месте преступления локализация волокон от одежды преступника наиболее вероятна: на предметах, которые он мог передвигать; на предметах, на которых он мог сидеть, лежать и т. д.; в узких проходах между предметами обстановки; на лестницах, подставках и других предметах, использованных преступником; на предметах, которые он открывал, взламывал. Особое внимание следует обращать на места, где преступник был вынужден применять физическое усилие.

На одежде и теле потерпевшего наслоения волокон могут встречаться практически на всех участках – это зависит от механизма контакта с изделиями из волокнистых материалов. При борьбе преступника с жертвой волокна от одежды часто обнаруживаются на застежках, в области рукавов, под ногтями, между пальцами, в области шеи; в случае нападения на жертву сзади – в области спины, иногда на плечах. В карманах одежды потерпевшего, сумке, портфеле могут быть найдены волокна от одежды подозреваемого, если он их осматривал или доставал что-либо из них. Если потерпевшего несли, то волокна обнаруживаются на рукавах, спине, под коленями, в области плеч. Если рот потерпевшего закрывают повязкой или кляпом, волокна встречаются в области рта, между зубов. При связывании рук на них также могут оказаться наслоения волокон.

На одежде и теле преступника волокна локализуются аналогично их расположению на потерпевшем.

На месте преступлений лица, их совершившие, нередко садятся, встают ногами на ковры, обивку мебели. Поэтому на спине, брюках, подошве обуви можно обнаружить волокна от материи обивки, ковра и т. д. Таким же образом остаются волокна на одежде лиц, угнавших автомобиль (волокна от сидений и от одежды владельца транспортного средства). При осмотре места происшествия следует позаботиться об изъятии образцов волокон с учетом возможности их обнаружения на одежде и теле преступника.

На орудиях преступления могут остаться волокна от одежды жертвы и преступника, материала, использованного для маскировки и упаковки орудия, от других волокнистых материалов, в контакте с которыми оно находилось.

При поиске волокон на предметах обстановки места происшествия необходимо обращать внимание на участки, представляющие собой различные препятствия, вблизи места преступления, изгороди, стены,

заросли растений, деревья, узкие проемы. Все встречающиеся на пути преступника препятствия и особенно их выступающие, заостренные части, края, углы следует осматривать как возможные носители текстильных волокон.

Около места преступления часто можно обнаружить различные предметы, которые потерял или выбросил преступник. При детальном осмотре данных предметов на них также можно обнаружить волокна.

Охватить все возможные варианты локализации текстильных волокон на различных объектах невозможно. Успех в поиске волокон на месте происшествия во многом зависит от умения логически соотнести основные принципы слеодообразования с конкретной ситуацией.

Для обнаружения, фиксации и изъятия текстильных волокон могут использоваться имеющиеся на вооружении судебно-экспертных организаций технические средства и приборы, которые приспособлены для работы с микрообъектами.

При поиске текстильных волокон необходимо иметь в наличии: источник яркого освещения (любые осветительные приборы, создающие бестеневую освещенность на осматриваемых объектах); увеличительные приборы (различные лупы и портативные микроскопы); УФ-осветители и др. Для изъятия текстильных волокон наиболее эффективны адгезионные пленочные материалы. Средства упаковки должны обеспечивать защиту волокон от повреждений и дополнительных загрязнений. Например, полимерная пленка и стеклянная посуда. Волокна, непрочно держащиеся на поверхности (ножа, инструмента, обрывка ткани и т. д.), снимают и упаковывают отдельно или закрепляют аппликацией из полимерного материала непосредственно на объекте. Предметы одежды и другие изделия из волокнистых материалов упаковывают каждый в отдельности в полиэтиленовые мешки или полимерную пленку. Предметы, подлежащие упаковке, должны быть аккуратно свернуты, чтобы участки с волокнами находились внутри свертка.

Хорошо зарекомендовали себя специально разработанные комплекты для работы с микрообъектами, в том числе, и текстильными волокнами, являющиеся дополнением к унифицированному чемодану судебного эксперта.

Существует ряд особенностей процессуального оформления обнаруженных текстильных волокон как разновидностей микрообъектов. При изъятии объектов, на которых волокна имеющимися средствами не обнаружены, но их наличие предполагается, данное обстоятельство фиксируется в протоколе с обоснованием целесообразности проведения экспертных исследований. В случае обнаружения наслоений волокон в

этом должны удостовериться понятые. Следует предоставить им, если это необходимо, соответствующие технические средства, которые использовались специалистом при поиске волокон. Факт применения технических средств и его результаты отражаются в протоколе осмотра.

Если волокна изымают вместе с предметом-носителем, то в протоколе осмотра места происшествия необходимо указать: предмет, на котором имеются волокна и состояние его поверхности; количество волокон, их цвет, размеры и локализацию; способ фиксации волокон на поверхности объекта-следоносителя при изъятии (оклеена липкой пленкой, защищена полимерной пленкой, целлофаном и т. д.) и способ упаковки.

Владение особенностями обнаружения, фиксации, изъятия, упаковки текстильных волокон позволит как специалисту, так и следователю избежать технических и процессуальных ошибок и повысить эффективность их деятельности при осмотре места происшествия.

УДК 343.985

К.В. Чепеляк

ПОДГОТОВКА К ДОПРОСУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Допрос несовершеннолетних является одним из самых тяжелых следственных (розыскных) действий, поскольку обуславливает и умение своевременно сориентироваться в конкретной ситуации, правильно определять направления, задавать вопросы, используя при этом соответствующие тактические приемы, прогнозируя возможные результаты.

Допрос несовершеннолетних является интересным феноменом, ведь наделен собственной спецификой, которая определяется возрастными особенностями, а также своеобразной психологией. Именно поэтому в криминалистике разрабатываются особые тактические приемы, обусловленные дополнительными процессуальными гарантиями.

Поскольку рассматриваемая тематика не нова, она находит широкое проявление среди достижений ученых, в частности: Р.С. Белкина, В.К. Весельского, В.Л. Васильева, А.В. Дулова, Н.И. Еникеевой, В.Е. Коноваловой, В.В. Кошинец, В.Г. Лукашевича, Н.И. Порубова, М.В. Салтевского, К.А. Чаплинского, В.Ю. Шепитько, Н.П. Яблокова и др.

Общепринятым мнением среди ученых определяется необходимость надлежащей подготовки к проведению следственных (розыскных) действий, в том числе и допроса.

Как отмечает Л.Е. Орбан-Лембрик, успех допроса определяется именно подготовительной работой следователя, важнейшими моментами которой являются: создание информационной базы допроса (доскональное изучение материалов уголовного производства, изучение личности допрашиваемого, подготовка необходимых доказательств, получения консультаций у специалистов-экспертов; составление плана допроса (формирование цели допроса и совокупности вопросов, определение целесообразных приемов психологического взаимодействия с допрашиваемым, изучение возможных приемов психологического воздействия на допрашиваемого, определение места применения приемов психологического воздействия на допрашиваемого, определение времени проведения допроса) [1, с. 275].

Говоря о планировании допроса несовершеннолетних, стоит обратить внимание на процессуальный статус допрашиваемого. При этом будут значительно различаться между собой условия, место, время, тактические приемы, а также обстановка проведения такого допроса.

По этому поводу Н.И. Порубов отмечает, что несовершеннолетних желательно допрашивать в условиях, максимально приближенных к их повседневному, так как в помещении рабочего кабинета следователя опрашиваемые лишаются смелости, доверия, иногда проявляют страх [2, с. 189].

Стоит отметить, что следователь при планировании допроса несовершеннолетнего должен определять время проведения с учетом суточных биоритмов несовершеннолетнего допрашиваемого. Это обусловлено прежде всего процессуальным статусом допрашиваемого лица, возрастом, жизненным опытом. Несовершеннолетнего подозреваемого целесообразно допрашивать безотлагательно. Это обусловлено тем, что несовершеннолетний не успеет под влиянием заинтересованных лиц в соответствующем уголовном производстве деформировать реальную картину совершения уголовного преступления.

Состояние эмоционального возбуждения допрашиваемого является приемлемым моментом для начала допроса. Сразу после совершенного противоправного деяния лица, его совершившие, очень часто переживают и не успевают разработать достаточно убедительные аргументы в свою защиту [3, с. 37]. Как следствие, вербальные и знаковые языки будут иметь ярко выраженный характер для их считывания следователем.

Возможность обнаружения знаков, как отмечает В.Н. Плетенец, предусматривает возможность сотрудников правоохранительных органов улавливать эти проявления, т. е. умение видеть, а не просто смотреть и правильная интерпретация знаков реализуется уполномоченным

лицом в ходе расследования уголовных преступлений [4, с. 33]. При планировании проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого необходимо создать такие условия, чтобы допрашиваемый понимал, что он должен давать только правдивые показания.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что для успешной борьбы с преступностью необходимо качественно проводить следственные (розыскные) действия, среди которых центральное место занимает допрос. Эффективность его проведения заключается в неукоснительном соблюдении процессуальных норм, владении на высоком уровне знаниями психологии несовершеннолетних, арсеналом тактических приемов и т. п., надлежащей подготовке.

Указанное является необходимым условием для получения полных и объективных показаний несовершеннолетнего в соответствующем уголовном производстве.

Список использованных источников

1. Орбан-Лембрик, Л.Е. Юридична психологія : навч. посібник / Л.Е. Орбан-Лембрик, В.В. Кошинець. – Чернівці : Книги – XXI, 2007. – 448 с.
2. Порубов, Н.И. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты : монография / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 304 с.
3. Лукашевич, В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий : учеб. пособие / В.Г. Лукашевич. – Киев : НИИРЮ КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1989. – 88 с.
4. Плетенец, В.М. Можливості використання семіотики у виявленні та подоланні проявів протидії досудовому розслідуванню / В.М. Плетенець // East european scientific journal (Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe). – 2020. – № 9 (61). – С. 32–35.

УДК 343.982.34

В.Н. Черниговский

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ РУК НА МНОГОЦВЕТНЫХ ПОВЕРХНОСТЯХ

При осмотре места происшествия и в качестве объектов исследования при производстве дактилоскопических экспертиз могут быть представлены различные объекты исследования с различными поверхностями. Для каждой из поверхностей объекта со следами рук имеются свои методы. Одним из методов выявления следов рук является физический метод. Он основан на окрашивании бесцветных или слабовидимых сле-

дов рук различными дактилоскопическими порошками, выявление следов рук при помощи ультрафиолетового и инфракрасного света.

Метод окрашивания дактилоскопическими порошками основан на прилипанию порошка к потожировому веществу следа. Данный метод позволяет контрастировать слабовидимые и бесцветные следы рук на различных поверхностях объектов.

Данный метод довольно распространенный, так как в доступности различных дактилоскопических порошков (немагнитный, магнитный, немагнитный флуоресцентный, магнитный флуоресцентный, порошки для пневмокисти) на сегодня не возникает никаких трудностей и данные дактилоскопические порошки можно использовать в выявлении следов рук практически на любых поверхностях (гладкие, шероховатые, относительно сухие и т. д.). Преимущество обработки дактилоскопическими порошками еще состоит в том, что ими можно обрабатывать поверхность как перед обработкой нингидрином, а также после обработки цианокрилатом.

Часто объектами исследования являются предметы с многоцветной поверхностью, на которых имеются невидимые или слабовидимые следы рук. Такими предметами исследования могут выступать: печатное издание (газеты, журналы, книги, рекламные буклеты и т. д.), различная бытовая химия и все то, что встречается в обиходе каждого человека.

Существуют некоторые проблемы выявления слабовидимых и невидимых следов рук на многоцветных поверхностях:

в силу своей многогранности цветопередачи на том или ином объекте эксперт не может обнаружить визуально на объекте исследования слабовидимые и невидимые следы рук;

при обработке не флуоресцентными порошками слабовидимые и невидимые следы рук не будут видны визуально из-за отсутствия контраста.

Поэтому для выявления слабовидимых и невидимых следов рук на предметах с многоцветной поверхностью рекомендовано выявлять следы рук флуоресцентными порошками. Флуоресцентные порошки бывают магнитные и немагнитные, а также различаются многообразием цветовой гаммой, в зависимости от контрастирующей поверхности (рис. 1, 2).

Рис. 1. Разновидности магнитных флуоресцентных дактилоскопических порошков

Рис. 2. Разновидности немагнитных флуоресцентных дактилоскопических порошков

Помимо многоцветных поверхностей, флуоресцентными дактилоскопическими порошками также хорошо выявляются следы на шероховатых, стеклянных, пористых поверхностях, кафельной плитке, металле, пластике, на поверхностях, покрытых краской и лаком, и т. д.

Рис. 3. Многоцветная поверхность (обложка журнала), обработанная флуоресцентным дактилоскопическим порошком (слева), применение УФ-осветителя для выявления невидимых следов рук (справа)

При обработке различных предметов флуоресцентными порошками усиливается контрастность папиллярных линий в УФ-свете (рис. 3). Для возбуждения флуоресценции используют УФ и синий спектр (254–525 нм).

Для обнаружения слабовидимых и невидимых следов рук после нанесения флуоресцентных порошков необходимо направить УФ-осветитель и оранжевый светофильтр.

Фиксация данных следов рук, которые были обработаны с помощью флуоресцентных дактилоскопических порошков, производится с помощью фотографирования.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что применение флуоресцентных дактилоскопических порошков значительно повышает уровень обнаружения слабовидимых и невидимых следов рук на предметах с многоцветной поверхностью, а также применять их на других различных поверхностях и предметах.

УДК 343.7

Ю.М. Юбка

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Актуальность организации деятельности органов уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела для установления оснований к его возбуждению и выявления обстоятельств, исключающих дальнейшее производство, не вызывает сомнения. Вместе с тем их деятельность в рамках проверки, по нашему мнению, представляет собой совокупность организационных элементов (планирование работы, аналитическая деятельность, ведомственный контроль, взаимодействие и т. п.), позволяющих сотруднику органа дознания и предварительного следствия осуществить защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства в конкретной следственной ситуации.

Взаимодействие органов уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела как элемент организации данной деятельности согласно анализу современной правоприменительной практики, норм уголовно-процессуального законодательства, межведомственных нормативных правовых актов позволяет констатировать наличие ее двух устоявшихся форм, которые в теории уголовно-процессуальной науки принято условно классифицировать на процессуальную и непроцессуальную (организационную).

В аспекте рассматриваемой проблематики в стадии возбуждения уголовного дела наиболее распространенными из них являются:

взаимодействие органов внутренних дел, подразделений Следственного комитета и органов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при организации дежурств следователей и специалистов Государственного комитета судебных экспертиз при несении службы в составе следственно-оперативных групп согласно Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в

ходе досудебного производства от 26 декабря 2016 г. Эта форма является наиболее востребованной в правоприменительной практике и является непроцессуальной (организационной);

деятельность следователя по ознакомлению с материалами оперативно-розыскной деятельности, имеющими отношение к рассматриваемым им заявлениям (сообщениям) о преступлениях (ч. 7 ст. 36 УПК), в свою очередь, необходимо отнести к процессуальной форме взаимодействия.

Вместе с тем остается без должного внимания такая непроцессуальная (организационная) форма взаимодействия для отдельных субъектов оперативно-розыскной деятельности, как возможность привлечения следователя к производству следственных и иных процессуальных действий при реализации данных, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Упомянутая инструкция, к сожалению, адресует такую возможность только подразделениям Следственного комитета и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь как следственным подразделениям, не конкретизируя субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Однако, по нашему глубокому убеждению, данная посылка этой инструкции не способствует разрешению проблемных ситуаций, связанных с перечнем материалов, их содержанием и т. п., по результатам проведенных оперативно-розыскных мероприятий, передаваемым в следственные подразделения для дальнейшей объективной оценки и принятия законного процессуального решения.

Не предпринимая попытку исследовать причины упомянутой конструкции редакции в аспекте взаимодействия, соответствующих следственных подразделений и органов дознания в рамках межведомственной Инструкции, полагаем целесообразным внести изменения, включив перечень субъектов оперативно-розыскной деятельности, полномочных привлекать следователя к реализации данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.1

Агаев Саяд Агамир оглы

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена теоретическим положениям управления в сфере организации расследования преступлений. В связи с этим обращаемся к уголовно-процессуальному законодательству Азербайджанской Республики и внутриведомственным нормативным актам.

Для организации расследования преступлений в сфере управления в основном исследователи обращаются к теории науки уголовно-процессуального права. Стоит отметить, что наука уголовного процесса также пользуется положениями науки управления. При этом возникает не дублирование, а реальная необходимость. Такой взаимный подход обуславливается комплексным изучением объекта, интеграцией наук и характером современного времени.

Приведем несколько примеров. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (УПК АР) 1 сентября 2000 г. наделил следователей следующим рядом прав для правильной организации расследования преступлений и управления ими:

поручение соответствующему органу дознания проведения оперативно-розыскных мер по раскрытию преступления, розыску пропавшего лица или поиску имущества и получение сообщения о принятых мерах;

поручение соответствующему органу дознания проведения задержания, принудительного привода и иных мер процессуального принуждения, а также требование от него помощи в производстве следственных или иных процессуальных действий;

поручение соответствующему органу дознания или дознавателю производства отдельных следственных действий.

Здесь использованы идеи науки управления. Исходя из ст. 85.6.1 УПК АР, следует, что начальник следственного отдела организует реги-

страцию поступивших заявлений и иных сообщений по совершенным или готовящимся преступлениям и поручает их рассмотрение, производство предварительного следствия или отдельных следственных действий по уголовному делу следователю или группе следователей [1, с. 95, 96]. Это только одна сторона связи науки уголовного процесса с наукой управления.

Отмеченные положения не только должны быть строго закреплены в нормах уголовно-процессуального законодательства, но и, безусловно, опираться на основы науки уголовного процесса.

Проведем сравнительно-правовой анализ. Похожие правила встречаются и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Согласно ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа уполномочен поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, либо изменять ее состав [2, с. 25].

С целью правового регулирования ряда дополнительных вопросов, возникающих в практической деятельности Министерства внутренних дел Азербайджанской Республики и вытекающих из требований современного времени с точки зрения эффективности управления в области организации расследования преступлений, а также конкретизации полномочий следователей, дознавателей и сотрудников других структурных служб, и усовершенствования механизма контроля за выполняемыми работами принята инструкция. Данная инструкция разработана с включением применения новых информационных технологий для исполнения и организации обязанностей, установленных уголовно-процессуальным законодательством. В итоге удалось добиться положительных результатов в деле соблюдения положений процессуального законодательства и рассмотрения информации уголовного характера [7, с. 1].

Е.С. Лысенко и другие ученые, со ссылкой на Анри Файоль, выделяют пять взаимосвязанных функций, образующих единую систему и предусматривающих отдельные направления управления. По Файолю, управление подразумевает: предвидение, организацию, распределение, координирование, контроль. С этой моделью управления можно согласиться [3, с. 10].

А.А. Модогоев отмечает, что расследование преступления в обществе является социальной и совместной деятельностью, поэтому нуждается в администрировании. Невозможно проводить расследование пре-

ступлений в стране без управления. Управление обеспечивает данную функцию человеческими и материальными ресурсами. Мы разделяем мнение автора. Безусловно, эффективность расследования преступлений зависит, в первую очередь, от его правильного администрирования, т. е. цели можно достичь за счет минимальных трудов и усилий, а ослабление управления сразу же отрицательно сказывается на результатах работы органов дознания и следствия [4, с. 4].

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский отмечают, что полномочия органов дознания пока не нашли свое решение ни в теории, ни в законном регулировании в достаточной мере [5, с. 115]. Думаю, было бы неправильно связать эту мысль авторов с деятельностью органов внутренних дел Азербайджанской Республики. Так, права и обязанности органов дознания Азербайджанской Республики регулируются законом и внутриведомственными нормативными актами. В соответствии с внутриведомственным нормативным документом руководитель специализированной структуры дознания, органы дознания наряду с осуществлением предусмотренных законом прав и обязанностей выполняет следующие функции:

планирует работу отдела (подразделения, группы), подготавливает проект функциональных обязанностей дознавателей;

ознакомляется с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, или направлении материала по подведомственности, и материалами расследования, докладываемыми рапортом, производит в рапорте запись об этом, подписывает его и докладывает руководителю;

обеспечивает регистрацию протоколов следственных действий и постановлений в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством;

организует взаимосвязь дознавателей с сотрудниками других служб, судебными органами и органами прокуратуры, а также с общественностью;

принимает меры по повышению профессиональной подготовки дознавателей.

И.В. Колесников и С.В. Валов заявляют, что специфические свойства расследования преступлений зависят от специфичности управляемой деятельности. Это вызвано тем, что организация расследования преступлений, будучи социальной деятельностью, связана с рядом объективных причин. Например, с уменьшением и увеличением числа уголовных дел, имеющих в производстве следственных аппаратов и органов дознания; со степенью тяжести их раскрытия и расследования; с изменением общей нагрузки дознавателей и следователей; с отличием их профподготовки на различных уровнях и т. д. [6, с. 60].

С точки зрения осуществления управления в области организации расследования преступлений определенный интерес вызывают полномочия прокурора, предусмотренные ст. 84 УПК АР. Так, ст. 84.3 УПК АР определяет осуществление процессуального руководства предварительным расследованием со стороны прокурора. Следует отметить, что, в отличие от старого уголовно-процессуального законодательства, во вновь принятом законе употребляется выражение «процессуальное руководство». А в старом законе используется выражение «прокурор осуществляет надзор за проведением дознания и следствия». Таким образом, согласно фактически действующему УПК АР под процессуальным надзором прокурора за органами следствия и дознания также подразумевается управление этими органами. В этом смысле Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики, вступивший в силу 1 сентября 2000 г., отличается с точки зрения нововведений, связанных с управлением в области расследования преступлений.

Таким образом, считаем, что усовершенствование управления в области организации расследования преступлений в Азербайджанской Республике необходимо постоянно держать в центре внимания. Полагаем, может быть достигнут успешный результат только на основе правильного администрирования.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. – Баку : Хугуг Яйын Эви, 2020. – 810 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М. : Омега-Л, 2006. – 272 с. – (Кодексы Российской Федерации).
3. Основы управления в органах внутренних дел : курс лекций / Е.С. Лысенко [и др.]. – Уфа : Уфим. ЮИ МВД России, 2020. – 200 с.
4. Управление органами расследования преступлений / под ред. заслуж. юриста Рос. Федерации И.И. Колесникова. – М. : Акад. упр. МВД России, 2000. – 195 с.
5. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.
6. Колесников, И.И. Организация расследования преступлений органами внутренних дел : курс лекций / И.И. Колесников, С.В. Валов, Б.Я. Гаврилов ; под ред. И.И. Колесникова. – М. : Акад. упр. МВД России, 2011. – Ч. 1. – 248 с.
7. Инструкция, утвержденная постановлением МВД Азербайджанской Республики от 03.11.2011 г. № 680 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mia.gov.az. – Дата доступа: 27.02.2021.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Мера пресечения в виде заключения под стражу является наиболее строгой среди перечня мер, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве. Процессуальный порядок ее избрания достаточно подробно освещен в законе. Известно, что процедура санкционирования постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу является необходимым процессуальным основанием для помещения и содержания подозреваемого (обвиняемого) под стражу.

В большинстве зарубежных стран, в том числе и в странах-соседах (Украине, Российской Федерации, Литовской Республике и иных), уголовно-процессуальное законодательство обязывает органы уголовного преследования для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ареста) предъявлять судье (должностному лицу, выполняющему функции судьи) не только материалы уголовного дела, обосновывающие меру пресечения, но и организовать присутствие самого подозреваемого (обвиняемого), его защитника, иных участников производства; регламентирует процессуальный порядок ознакомления всех участников с материалами дела, на основании которых будет приниматься решение. В судебном заседании подозреваемый (обвиняемый), будучи заслушанным, имеет право сообщить суду свои доводы, обосновывающие нецелесообразность его заключения под стражу.

В Республике Беларусь в настоящее время действует иной порядок. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 126 УПК при решении вопроса о даче санкции на заключение под стражу прокурор или его заместитель обязаны изучить все материалы, содержащие основания для заключения под стражу, а в необходимых случаях лично допросить подозреваемого (обвиняемого), а несовершеннолетних – во всех случаях [1]. По нашему мнению, описанная процедура может создавать условия для принятия ошибочных, преждевременных решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, не формирует условий для защиты основных конституционных прав и свобод граждан. Кроме того, описанный в законе процессуальный порядок объективно не отражает всей совокупности действий должностных лиц, предпринимаемых для принятия решения о заключении под стражу подозреваемого (обвиняемого). Так, часто прокуроры при принятии подобных решений практику-

ют не только изучение материалов уголовного дела, но и заслушивают доклады следователя, его непосредственного руководителя, изучают материалы оперативно-розыскной деятельности, лично общаются с подозреваемыми (обвиняемыми) лицами, их представителями и защитниками, иными участниками уголовного процесса, не облекая указанные действия в какую-либо процессуальную форму. Вместе с тем, очевидно, что подобная правоприменительная практика позволяет прокурору более взвешенно и объективно принимать решение о санкционировании заключения под стражу, учитывать больший спектр обстоятельств уголовного дела. Ввиду неурегулированности указанного порядка в процессуальном законодательстве у следователей и руководителей следственных подразделений возникает необходимость организовать возможность прокурору разобраться в обстоятельствах уголовного дела и наиболее объективно принять решение о даче санкции на заключение под стражу подозреваемого (обвиняемого) либо отказе в ней. От следователя, руководителя следственного подразделения при выполнении организационных функций требуется внести упорядоченность в свою правоприменительную деятельность и повысить ее эффективность таким образом, чтобы минимизировать возможность допущения ошибки при принятии решения о заключении лица под стражу.

Из изложенного следует, что деятельность по организации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу возможно классифицировать по основанию закрепленности в уголовно-процессуальном законодательстве на процессуальную и организационную.

Под организационной формой подразумевается деятельность следователя, его руководителя, не закрепленная в УПК, однако осуществляемая ими для реализации своих процессуальных полномочий. Алгоритм действий может быть разнообразным. Как правило, правоприменительная практика формируется на местах и зависит от многочисленных объективных и субъективных факторов. К объективным факторам, влияющим на организацию заключения под стражу, возможно отнести взаиморасположение зданий прокуратуры, органа внутренних дел, следственного подразделения, изолятора временного содержания. К субъективным – уровень преступности в регионе, наличие профессионального опыта у должностных лиц правоохранительных органов, уровень их взаимодействия и т. д. Указанная деятельность, по нашему мнению, может состоять:

из систематизации материалов уголовного дела следователем для осуществления доклада его по существу непосредственному руководителю и надзирающему прокурору;

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

доклада следователем непосредственному руководителю для согласования избираемой меры пресечения;

изучения руководителем следственного подразделения материалов уголовного дела;

подготовки (при необходимости) аналитической справки прокурору либо помещения закладок в материалы уголовного дела для удобства поиска необходимых документов;

согласования с надзирающим прокурором необходимого для принятия решения объема материалов уголовного дела, порядка и места их изучения, необходимости доставления для допроса (опроса) подозреваемого (обвиняемого);

организации конвоя для доставки подозреваемого (обвиняемого) к прокурору;

согласования необходимого количества участников доклада материалов дела прокурору;

приглашения сотрудников органа дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, для получения актуальной информации о проведенных мероприятиях;

обеспечения участия иных участников уголовного процесса; иных действий.

По нашему мнению, на нынешнем этапе развития уголовно-процессуального законодательства целесообразно выработать и согласовывать указанный алгоритм действий следователя, руководителя следственного подразделения по организации заключения под стражу с прокурором. Систематизация этой деятельности будет способствовать: во-первых, повышению качества документов и материалов дела, на основании которых принимается процессуальное решение об избрании меры пресечения; во-вторых, формированию у следователей понимания необходимости и обоснованности применения меры пресечения; в-третьих, принятию прокурором более взвешенного и объективного решения. Обобщив изложенную информацию, считаем возможным сформулировать понятие организации заключения под стражу применительно к деятельности следователя и его руководителя как систему взаимосвязанных действий, как предусмотренных, так и непредусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами, выполняемых следователями и иными уполномоченными лицами с момента возникновения необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу до помещения подозреваемого (обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние) в следственный изолятор (тюрьму).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАЕВ Саяд Агамир оглы – заведующий кафедрой уголовного процесса Академии Полиции МВД Азербайджанской Республики, доктор философии по праву, доцент.

АНИЩЕНКО Инесса Алексеевна – начальник кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БЕЛОУСОВ Алексей Дмитриевич – ведущий научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», кандидат биологических наук, доцент.

ВАЛЬТЕР Александр Валерьевич – старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского юридического института МВД России.

ВАЛЮЛИН Руслан Рашитович – преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.

ВИЛЬМАК Дмитрий Геннадьевич – преподаватель кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь.

ВИНОГРАДОВ Андрей Сергеевич – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ВОРОНЬКО Александр Александрович – следователь по особо важным делам Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

ГАЛЬЦОВ Вячеслав Станиславович – доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГЕРАСИМЕНКО Нина Игоревна – старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

ГЛАВНИЦКИЙ Константин Николаевич – следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

ГОТОВЧИЦ Елена Анатольевна – ведущий специалист отдела кадров и идеологической работы прокуратуры г. Минска.

ГОРОВАЯ Инесса Андриановна – старший преподаватель кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ДАВЫДОВ Евгений Васильевич – доцент кафедры исследования документов Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ДНАТАРОВА Виктория Михайловна – аспирант Днепропетровского государственного университета внутренних дел.

ДЕМЧЕНКО Ирина Александровна – адъюнкт кафедры криминалистики и домедицинской подготовки Днепропетровского государственного университета внутренних дел.

ДЕРГАЙ Георгий Борисович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ДЕРЮГИН Роман Александрович – заместитель начальника кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

ЕФРЕМЕНКО Николай Васильевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЗАДОРОВ Александр Геннадьевич – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

ЗЛОТНИКОВА Кристина Андреевна – курсант ФПСПиС Барнаульского юридического института МВД России.

ИМАЕВА Юлия Борисовна – заместитель начальника кафедры криминалистики ФГКОУ ВО УЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ИСАКОВА Евгения Александровна – адъюнкт кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

ИСМАТОВА Татьяна Ивановна – доцент кафедры исследования документов Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

КААЦ Марина Эвальдовна – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

КИРЬЯНОВА Вероника Олеговна – слушатель магистратуры Днепропетровского государственного университета внутренних дел.

КЛИМЯТО Павел Викторович – старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

КОВРИЖКИН Алексей Игоревич – старший преподаватель кафедры управления органами предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

КОСТЮКЕВИЧ Денис Викторович – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

КРИВОЩЁКОВ Николай Витальевич – начальник кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

КУЗНЕЦОВ Евгений Викторович – временно исполняющий обязанности начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ЛЮКТЕВИЧ Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

ЛУЖИНСКАЯ Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь.

МАРКОВА Оксана Валентиновна – начальник кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МАРЦЫНКЕВИЧ Наталья Анатольевна – доцент кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

МАТЛАК Антон Николаевич – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь.

МАШЛЯКЕВИЧ Вячеслав Андреевич – старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России.

МИХНЕВИЧ Виктория Назимовна – адъюнкт кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь.

НЕПЕИН Григорий Григорьевич – научный сотрудник криминалистической лаборатории Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

НЕСТЕР Иван Сергеевич – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

НИЯЗОВ Максуд Кадамович – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Специализированного филиала Ташкентского Государственного юридического университета.

НУЖДИН Андрей Александрович – докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ПАВЛОВА Людмила Владимировна – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ПАВЛОВА Наталья Валериевна – доцент кафедры криминалистики и до-медицинской подготовки Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

ПАВЛЮТЬ Ольга Вячеславовна – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь.

ПАНЧЕНЯ Дмитрий Николаевич – начальник отдела исследования и учетов объектов животного происхождения и волокнистой природы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ПАЦКЕВИЧ Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПЕТЛИЦКИЙ Сергей Викторович – иностранный адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя Академии МВД Республики Беларусь, магистр юридических наук.

ПЛАХОТА Ксения Сергеевна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

ПЛЕТЕНЕЦ Виктор Николаевич – доцент кафедры криминалистики и до-медицинской подготовки Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

ПЯНТКОВСКИЙ Герберт Робертович – старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

РЕТЮНСКИХ Ирина Алексеевна – доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

РЕШНЯК Мария Генриховна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России (Одинцовский филиал), кандидат юридических наук, доцент.

РОПОТ Руслан Михайлович – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

САВИЧ Марина Владимировна – начальник кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СЕРЕДА Александр Евгеньевич – специалист отдела Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

СКАЧЕК Роман Владимирович – начальник следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СМИРНОВ Алексей Иванович – начальник отдела анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования Управления Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской области.

СТЕЛЬМАХ Владимир Юрьевич – профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ТОКАРЕВА Екатерина Викторовна – доцент кафедры уголовного права и процесса Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент.

ФИНОГЕНОВ Владимир Федорович – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

ХАРИСОВА Зарина Ирековна – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат технических наук.

ХОЛОПОВ Алексей Васильевич – заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

ЧВАНКИН Вадим Аркадьевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЧЕПЕЛЯК Карина Валерьевна – слушатель магистратуры Днепропетровского государственного университета внутренних дел.

ЧЕРНИГОВСКИЙ Владимир Николаевич – доцент кафедры трасологии и баллистики УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук.

ЩЕРБА Татьяна Леонидовна – начальник кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЮБКО Юрий Михайлович – профессор кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово заместителя Председателя Следственного комитета Республики Беларусь генерал-майора юстиции С.Я. Аземши 3

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

<i>Валюлин Р.Р., Злотникова К.А.</i> Исчисление некоторых процессуальных сроков при задержании подозреваемого	5
<i>Воронько А.А.</i> Сетевой ресурс как объект осмотра	7
<i>Горовая И.А.</i> О процессуальном порядке получения сведений, составляющих врачебную тайну, органом уголовного преследования	10
<i>Данатарова В.М.</i> Основные аспекты начального этапа досудебного расследования мошенничеств, совершенных с помощью мобильной связи	13
<i>Демченко И.А.</i> Проблемы законодательного обеспечения проведения следственных (розыскных) действий в условиях пандемии (эпидемии)	15
<i>Каац М.Э.</i> Некоторые аспекты участия переводчика в ходе расследования преступлений в Российской Федерации и Республике Беларусь	18
<i>Кривощёков Н.В.</i> Добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением, на досудебном производстве по уголовному делу: публичный аспект частного интереса	21
<i>Кузнецов Е.В.</i> Правовое регулирование мер предупреждения уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов предварительного расследования в Российской Федерации	24
<i>Павлова Л.В.</i> О запретах, предусмотренных новой мерой пресечения (ст. 123 ¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь)	27
<i>Решняк М.Г.</i> Преступления коррупционной направленности: отдельные проблемные аспекты расследования	30
<i>Серета А.Е.</i> О квалификации преступлений против собственности, сопряженных с насилием	33
<i>Смирнов А.И.</i> Нормативное регулирование поручения производства предварительного расследования	37
<i>Стельмах В.Ю.</i> Задачи стадии возбуждения уголовного дела	39
<i>Токарева Е.В., Виноградов А.С.</i> Актуальные вопросы обеспечения потерпевшему права иметь представителя в уголовном судопроизводстве России	42
<i>Щерба Т.Л.</i> Запрет определенных действий – новая мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь	45

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

<i>Анищенко И.А.</i> Подготовка и назначение судебной почерковедческой экспертизы	49
---	----

<i>Белоусов А.Д.</i> Активизация внутренних ресурсов следователя для решения ситуативных профессиональных задач	52
<i>Вальтер А.В.</i> Дистанционное мошенничество в Российской Федерации и Республике Беларусь: некоторые актуальные вопросы первоначального этапа расследования уголовных дел	55
<i>Вильмак Д.Г.</i> Особенности возбуждения уголовного дела по факту незаконной добычи рыбы	59
<i>Гальцов В.С., Готовчиц Е.А.</i> Оценка исторических и социальных истоков взяточничества с позиции его криминалистической профилактики	62
<i>Герасименко Н.И.</i> Возможности экспертного исследования мобильного телефона при расследовании преступлений	65
<i>Главницкий К.Н.</i> Новый взгляд на криминалистическую характеристику личности преступника по уголовным делам об убийствах прошлых лет	68
<i>Дергай Г.Б.</i> О расширении сферы применения криминалистических средств звуко- и видеозаписи в ходе предварительного расследования уголовных дел	71
<i>Дерюгин Р.А.</i> Криминалистические аспекты расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ	74
<i>Ефременко Н.В.</i> Возможности криминалистического исследования документов, изготовленных с использованием тонера электрофотографических печатных устройств	77
<i>Задоров А.Г.</i> Некоторые особенности технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с изготовлением (использованием) поддельных документов	80
<i>Имаева Ю.Б., Харисова З.И.</i> Пути повышения эффективности мер, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым с использованием криптовалют	83
<i>Исакова Е.А.</i> Криминалистические особенности проведения проверки показаний на месте по преступлениям, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью	87
<i>Исмацова Т.И.</i> Возможности дифференциации неподлинных подписей, выполненных с подражанием, и подлинных, выполненных с намеренным изменением	90
<i>Кирьянова В.О.</i> Противодействие расследованию и его проявления в современных условиях уголовного производства	93
<i>Климато П.В., Савич М.В.</i> Исследование компьютерной информации с использованием программного продукта «Belkasoft Evidence Center»	96
<i>Костюкевич Д.В.</i> Особенности тактической операции как вида взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел Республики Беларусь	99
<i>Локтевич О.И., Пянтковский Г.Р.</i> Типичные ошибки, допускаемые следователями при проведении следственных действий с применением видеозаписи	102

<i>Лужинская Е.Л.</i> Особенности стадии оценки и формулирования выводов в судебной портретной экспертизе	105
<i>Маркова О.В.</i> Легализация («отмывание») преступных доходов в результате уклонения от уплаты сумм налогов и сборов	108
<i>Марцынкевич Н.А.</i> Особенности возбуждения уголовных дел о склонении к самоубийству	111
<i>Матлак А.Н.</i> Особенности проведения осмотров мест происшествий по делам, связанным с применением огнестрельного оружия	114
<i>Малякевич В.А.</i> Некоторые аспекты деятельности субъектов расследования на этапе предварительной проверки по материалам о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи	117
<i>Михевич В.Н.</i> Возбуждение уголовного дела о взяточничестве и производство отдельных следственных действий	120
<i>Ненеин Г.Г.</i> Дискуссионные вопросы о природе криминалистической характеристики преступления	123
<i>Нестер И.С.</i> Пределы предварительного исследования следов на месте происшествия	127
<i>Ниязов М.К.</i> Особенности организации доследственной проверки по преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий	131
<i>Нуждин А.А.</i> Факторы, определяющие особенности выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений	134
<i>Павлова Н.В.</i> Право собственности как предмет преступного посягательства в производствах относительно мошенничеств	137
<i>Павлють О.В.</i> О некоторых аспектах деятельности специалиста Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при проведении осмотра места происшествия	140
<i>Панченя Д.Н.</i> О подготовке материалов для назначения судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них	142
<i>Пацкевич А.П.</i> Криминалистическая характеристика нарушений правил о сделках с драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями	145
<i>Петлицкий С.В.</i> О научных взглядах по организации раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь	148
<i>Плахота К.С.</i> Преступления будущего и криминалистические средства для их расследования	151
<i>Плетенец В.Н.</i> Особенности диагностики и преодоления конфликтных ситуаций в ходе допроса	154
<i>Ретюньских И.А.</i> Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений экстремистской направленности	157
<i>Ропот Р.М.</i> Особенности оценки достоверности заключения эксперта при расследовании преступлений	160
<i>Скачек Р.В.</i> Правовые основы криминалистической аэро съемки	164
<i>Финогенов В.Ф., Давыдов Е.В.</i> О практике назначения судебно-портретных экспертиз по видеоизображениям	166

Холопов А.В. О понятии и содержании криминалистических технологий обеспечения наглядности 169
Чванкин В.А. Отдельные особенности обнаружения, фиксации и изъятия текстильных волокон при осмотре места происшествия 172
Чепеляк К.В. Подготовка к допросу несовершеннолетнего как условие эффективного расследования уголовных правонарушений 175
Черниговский В.Н. Особенности выявления и фиксации следов рук на многоцветных поверхностях 177
Юбка Ю.М. Взаимодействие как элемент организации в стадии возбуждения уголовного дела 180

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Агаев С.А. Некоторые вопросы в сфере управления организации расследования преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве Азербайджанской Республики 182
Коврижкин А.И. Организация избрания меры пресечения в виде заключения под стражу 186
Сведения об авторах 190

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Международная
научно-практическая конференция
(Минск, 27 мая 2021 г.)

Тезисы докладов

Подписано в печать 07.06.2021. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 11,10.
Тираж 30 экз. Заказ 134.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.

С56 **Современные проблемы организации расследования преступлений** : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 27 мая 2021 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Р.В. Скачек (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2021. – 198, [2] с.
ISBN 978-985-576-309-4.

Рассматриваются актуальные проблемы уголовно-процессуальной, криминалистической и управленческой сфер организации расследования преступлений.

Научное издание предназначено для преподавателей, научных работников, адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов, студентов, слушателей учреждений высшего образования юридического профиля, практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.985
ББК 67.52